

ВОССТАНИЕ В ТЮМЕНИ

13 марта 1919 года

Сборник документов

Российская академия наук
Уральское отделение Российской академии наук

ВОССТАНИЕ В ТЮМЕНИ **13 марта 1919 года**

Сборник документов

Составитель и научный редактор
к.и.н. М.И. Вебер

Екатеринбург
2022

УДК 94 (470) «1919/1920»
ББК 63.3 (2) 612,12
В 77

Рецензенты:

кандидат исторических наук Г.Н. Шумкин
(Институт истории и археологии УрО РАН)

кандидат исторических наук А.П. Павленко
(Российский государственный профессионально-педагогический университет)

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.».

В 77 Восстание в Тюмени 13 марта 1919 года. Сборник документов / Сост. и науч. ред. М.И. Вебер. Екатеринбург: УрО РАН, 2022. – 272 с.
ISBN 978-5-7691-2553-9

Сборник документов вводит в научный оборот новые источники о восстании новобранцев колчаковской армии, которое произошло 13 марта 1919 г. в гор. Тюмени.

Книга адресована профессиональным историкам и всем, кто интересуется историей Гражданской войны в России.

*В оформлении обложки использован рисунок
д.и.н. В.А. Шкерина*

ISBN 978-5-7691-2553-9

© Уральское отделение РАН, 2022.
© М.И. Вебер, составление, 2022.
© Институт истории и археологии
УрО РАН, 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Раздел I. Документы	21
Комментарии.....	193
Раздел II. Приложения	209
Комментарии.....	245
План гор. Тюмени.....	250
Указатель имен.....	251
Указатель географических названий.....	263
Перечень публикуемых документов.....	265

Введение

«Этот день должен на вечные времена остаться в памяти тюменских рабочих. 13 марта 1919 года впервые за более чем трехсотлетнее существование города на улицах его шла вооруженная борьба, проливалась кровь, валялись трупы» – писал первый исследователь тюменского восстания Кир. Ен-ский^I. С этим мнением можно согласиться. Действительно, восстание 13 марта 1919 г. – центральное событие военной истории Тюмени, хотя и основательно позабытое местными обывателями спустя 100 лет после произошедших событий.

Первой значимой публикацией о восстании мобилизованных в Тюмени стала статья Кир. Ен-ского «13-го марта 1919 года», вышедшая в 1922 г.^{II} Судя по содержанию сборника, тексты для него были написаны еще в 1920 г. – к 3-й годовщине Октябрьской революции. Автор статьи предпочел скрыться под псевдонимом, который созвучен фамилии Керенского и названию Киренского уезда Иркутской губернии. Можно предположить, что он когда-то отбывал в этом уезде ссылку. Кроме того, в этом же сборнике были опубликованы два важных источника по истории восстания 13 марта 1919 г. – доклад Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова управляющему министерством внутренних дел Российского правительства А.Н. Гаттенбергеру и обвинительный акт по делу о пяти участниках восстания^{III}. Оба документа впоследствии регулярно цитировались историками.

^I Кир. Ен-ский. 13-го марта 1919 г. // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 9.

^{II} Кир. Ен-ский. 13-го марта 1919 г. // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 9–11.

^{III} Белогвардейские документы // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 15–18.

В 1922 г. советский историк Н.Н. Авдеев опубликовал в журнале «Молодая гвардия» свои воспоминания о трагичных событиях 13 марта 1919 г. в Тюмени¹. При изложении общей канвы событий он опирался на статью Кир. Ен-ского, заимствуя оттуда текст целыми абзацами. Вместе с тем, воспоминания Авдеева уникальны в той части, где он описывает то, что произошло лично с ним в этот день. Важнейшим научным достижением Авдеева стала публикация в 1923 г. доклада помощника-заместителя Управляющего Тобольской губернией К.Ф. Копачелли – одного из ключевых источников по истории восстания, который активно использовали практически все историки, впоследствии писавшие на эту тему^{II}.

В 1928 г. советский историк В.Д. Вегман написал для коллективной монографии о сибирских профсоюзах в годы революции и Гражданской войны главу о вооруженных восстаниях против колчаковского правительства в Сибири. В ней он подробно остановился и на восстании 13 марта 1919 г. в Тюмени^{III}. Вегман увязал восстание с предшествовавшей ему забастовкой рабочих водного транспорта и борьбой рабочих за свои права, отметив, что после окончания забастовки часть рабочих была мобилизована в колчаковскую армию и послужила закваской для революционного брожения.

В 1934 г. большим тиражом были опубликованы мемуары одного из участников восстания – бывшего заключенного Тюменского концентрационного лагеря военнопленных К.Ф. Щербакова. Мемуары содержали массу фактических неточностей и в угоду духу времени существенно преувеличивали роль большевистского подполья и самого Щербакова в организации восстания.

Следующая волна интереса советских историков к событиям тюменского восстания пришлась на 1960-е гг. Наибольший вклад в изучение восстания 13 марта 1919 г. в Тюмени внес тюменский историк П.И. Рощевский. Впервые он обратился к этой теме на страницах газеты «Тюменская правда» еще

¹ Авдеев Н.Н. В кровавом омуте // Молодая гвардия. 1922. № 4-5. С. 214–222.

^{II} Партизанщина в Тобольской губернии. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке. С предисловиями С. Пионтковского и Н. Авдеева) // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 168–195.

^{III} Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов 1917–1919 гг. / Под редакцией В. Вегмана. Новосибирск, 1928. С. 205–207.

в конце 1940-х гг.^I, затем в конце 1950-х гг.^{II} В 1966 г. увидела свет монография П.И. Рощевского о Гражданской войне в Зауралье – opus magnum автора. На ее страницах Рощевский дал подробное описание и анализ тюменского восстания^{III}. Однако стоит отметить, что круг источников, на которые он опирался в своей работе, лишь незначительно отличался от источниковой базы исследований 1920-х гг. В 1967 г. под редакцией П.И. Рощевского вышел сборник документов о событиях Гражданской войны в Тобольской губернии^{IV}. В нем он ввел в научный оборот 2 новых источника о восстании 13 марта 1919 г. в Тюмени – материалы тобольской газеты «Сибирский листок».

Краткие упоминания о тюменском восстании есть в монографиях А.Г. Липкиной^V, В.А. Кадейкина^{VI}, И.Ф. Плотникова^{VII} и др. Советские историки 1960-х гг. рассматривали восстание 13 марта 1919 г. в Тюмени в контексте других городских восстаний против колчаковского режима, делали акцент на руководящей роли большевистского подполья.

Современная российская историография восстания 13 марта 1919 г. представлена, главным образом, публикациями тюменских историков, которых восстание интересовало прежде всего в контексте истории края. Среди них можно выделить обстоятельную статью^{VIII} краеведа, музейного сотрудника Е.А. Бушарова, введшего в научный оборот несколько воспоминаний из фондов Тюменского областного краеведческого музея, а

^I Рощевский П.И. Борьба трудящихся в тылу у Колчака // Тюменская правда. 1949. 29 июля. № 147 (1240). С. 2.

^{II} Рощевский П.И. 13 марта 1919 года в Тюмени // Тюменская правда. 1959. 13 марта. № 60 (3861). С. 2.

^{III} Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 228–246.

^{IV} Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. (1917 – 1920 гг.). Сб. док. материалов / Отв. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1967. 430 с.

^V Липкина А.Г. 1919 год в Сибири (борьба с колчаковщиной). М., 1962. С. 130.

^{VI} Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово, 1968. С. 292–293.

^{VII} Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920). М., 1968. С. 215.

^{VIII} Бушаров Е.А. Трагедия 13 марта 1919 г. в Тюмени // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1999. Тюмень, 2000. С. 72–83.

также фрагменты монографий историков А.А. Кононенко^I и В.В. Московкина^{II}.

В 2019 г. тюменские историки И.В. Скипина и С.Н. Щербич ввели в научный оборот воспоминания и неопубликованные при жизни автора исторические очерки бывшего директора Тюменского областного краеведческого музея П.А. Россомахина, непосредственного свидетеля и участника событий Гражданской войны в Тюмени в 1918–1919 гг. Один из очерков Россомахина посвящен восстанию 13 марта 1919 г.^{III}

В зарубежной историографии сколько-нибудь подробные исследования по истории восстания в Тюмени 13 марта 1919 г. отсутствуют. Краткое упоминание о восстании мобилизованных в Тюмени есть лишь в монографии канадского историка Нормана Перейры^{IV}.

Подводя итог обзору историографии, можно констатировать, что работы историков о восстании 13 марта 1919 г. базируются на небольшой группе источников, введенных в научный оборот в большинстве своем еще в первой половине 1920 х гг.

Цель данного сборника – существенно расширить источниковую базу исследований и ввести в научный оборот новые документы по истории восстания.

Сборник состоит из двух разделов. Первый раздел сборника называется «Документы». В него включены 76 документа – главным образом из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В общей сложности, для сборника были отобраны 60 документов из фондов РГВА, в том числе 1 документ из фонда 39499 «Штаб Верховного главнокомандующего Российского правительства», 47 – из фонда 39610 «Управление Тюменского военного округа на театре военных действий», 1 – из фонда 39630 «Штаб 18-й Сибирской стрелковой дивизии», 6 –

^I Кононенко А.А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009. С. 111-113.

^{II} Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 2018. С. 208-209.

^{III} Россомахин П.А. 13 марта 1919 года // Скипина И.В., Щербич С.Н. Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918-1922). Тюмень, 2019. С. 57–72.

^{IV} Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996. С. 112.

из фонда 40213 «Коллекция приказов “Белой армии”», 5 – из фонда 40218 «Отдел контрразведки штаба Верховного главнокомандующего».

Кроме того, в сборник включены 8 документов из фондов ГАРФ, в том числе 1 документ из фонда Р-147 «Департамент милиции министерства внутренних дел Российского правительства. Омск», 1 – из фонда Р-176 «Совет министров Российского правительства. Омск», 1 – из фонда Р-193 «Вологодский Петр Васильевич, председатель Совета министров Российского правительства, член партии социалистов-революционеров», 5 – из фонда Р-3908 «Управление инспектора по пересылочной части при Главном управлении местами заключения министерства юстиции Российского правительства. Омск».

Также в сборник включен 1 документ из фонда Р-2 «Тюменский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Тюмень» Государственного архива Тюменской области (ГАТО). Материалы периодической печати представлены в данном сборнике 2 заметками из тобольской газеты «Сибирский листок» и 1 – из иркутской газеты «Мысль».

65 документов публикуются впервые. В частности, в научный оборот вводятся отчетные документы руководителей подавления восстания: рапорт начальника гарнизона Тюмени, начальника Артиллерийского управления Тюменского военного округа полковника В.И. Зенкевича Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову от 18 марта 1919 г. и доклад начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику штаба Тюменского военного округа генерал-майору А.А. Вихиреву от 19 марта 1919 г. Впервые публикуются материалы дознаний по делам о внесудебных расстрелах колчаковской контрразведкой политзаключенных во время восстания, в том числе показания Н.Н. Авдеева; материалы дознания по делу о разоружении восставшими Тюменской конвойной команды; приговоры военно-полевого суда Тюменского гарнизона участникам восстания; приказы по гарнизону Тюмени и приказы войскам Тюменского военного округа; информационно-аналитические материалы колчаковских правоохранительных органов о положении дел в Тюмени и Тюменском уезде накануне, во время и после восстания; и др.

11 документов ранее публиковались: 2 документа были впервые опубликованы в «Октябрьском сборнике»^I, 1 – в журнале «Пролетарская революция»^{II}, 2 – в сборнике документов «Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. (1917–1920 гг.)»^{III}, 3 – в сборнике документов «Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.)»^{IV}, 2 – в книге «Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918–1922)»^V и 1 – во втором томе сборника документов «А.В. Колчак, 1874–1920»^{VI}. По возможности, при повторной публикации тексты документов сверялись с хранящимися в архивах подлинниками, в ряде случаев были устранены имевшиеся в первой публикации опечатки и разночтения. Кроме того, впервые введенный в научный оборот еще в середине 1920-х гг. доклад помощника-заместителя Управляющего Тобольской губернией К.Ф. Копачелли о восстании в Тюмени публикуется в данном сборнике по копии, направленной Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову, на которой сохранились многочисленные пометы Рыčkова при чтении.

Второй раздел сборника называется «Приложения». В него вошли воспоминания бывшего заключенного Тюменской уездной тюрьмы Л. Полещука, очерк Кир. Ен-ского «13-го марта 1919 г.», воспоминания Н.Н. Авдеева «В кровавом омуте», предисловие (с элементами воспоминаний) Н.Н. Авдеева к публикации доклада помощника-заместителя Управляющего Тобольской

^I Белогвардейские документы // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 15–18.

^{II} Партизанщина в Тобольской губернии. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке. С предисловиями С. Пионтковского и Н. Авдеева) // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 168–195.

^{III} Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. (1917 – 1920 гг.). Сб. док. материалов / Отв. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1967. С. 277–280.

^{IV} Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. док. / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015. С. 175–176, 180–183, 288–293.

^V Скипина И.В., Щербич С.Н. Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918–1922). Тюмень, 2019. С. 60–62.

^{VI} А.В. Колчак, 1874–1920. Сб. док. В 2 т. Т. 2. А.В. Колчак: Верховный правитель России, 1918–1920 / Сост.: Е.В. Балушкина, О.В. Лавинская, Б.Ф. Додонов. СПб, 2021. С. 176–184.

губернией К.Ф. Копачелли о восстании мобилизованных в журнале «Пролетарская революция», отрывок из воспоминаний бывшего заключенного Тюменской уездной тюрьмы И.Г. Булова, а также отрывок из мемуаров бывшего заключенного Тюменского концентрационного лагеря военнопленных К.Ф. Щербакова. Первые четыре из них публиковались в начале 1920-х гг., мемуары Щербакова – в середине 1930-х гг., но поскольку эти издания сейчас малодоступны, то было решено включить их в данный сборник. Воспоминания И.Г. Булова, выявленные в фонде 41 «Свердловский (Уральский) истпарт (1922–1979 гг.)» Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) публикуются впервые.

II.

Причины восстания

Главная причина восстания – антивоенные настроения населения, уставшего от тягот Первой мировой войны. В 1918 г. Временное Сибирское правительство, учитывая эти настроения в обществе, при формировании своей армии ограничилось призывом молодежи, ранее не служившей в армии. Однако, наступление к Волге требовало притока свежих сил, поэтому в марте 1919 г. в ряде губерний был объявлен призыв возрастов 1914–1918 гг. призыва, т.е., главным образом, ветеранов Первой мировой войны.

Несмотря на то, что срок службы для новобранцев колчаковской армии был установлен всего в 6 месяцев, решение о мобилизации бывших фронтовиков встретило активное и пассивное сопротивление в деревнях. Повсеместно призывники требовали от сельских старост и волостных земских управ выдачи удостоверений, подтверждающих, что они не добровольцы, а принудительно мобилизованные, а в случаях отказа представителей сельской администрации выдавать такие удостоверения, угрожали им самосудом. Колчаковские власти запретили выдавать подобные удостоверения и отбирали уже выданные, справедливо опасаясь, что с таким удостоверением в кармане, попав на фронт, мобилизованные сдадутся красным в первом же бою. Обстановка на сборных пунктах накалялась.

Предвестником восстания в Тюмени стали волнения мобилизованных, произошедшие 7 марта 1919 г. в соседнем Туринске. Около 400 мобилизованных на импровизированном ми-

тинге у сборного пункта потребовали выдачи удостоверений в том, что они мобилизованы, а не добровольцы, а после отказа жестоко избили двух милиционеров и пытались захватить казарму Туринской местной команды, чтобы завладеть оружием. Волнения были подавлены ротой штурмовиков, спешно прибывшей из Ирбита и рассеявшей безоружную толпу. 19 участников беспорядков были преданы военно-полевому суду, который приговорил 7 к смертной казни, 1 – к тюремному заключению, а 11 человек оправдал¹.

Хаос мобилизации

Катализатором, ускорившим рост недовольства среди мобилизованных, стала отвратительная организация мобилизации. Уже 10 марта 1919 г. в толпе мобилизованных чуть не вспыхнул бунт на ж.д. станции Кармак, когда поезд, на котором мобилизованных должны были отвезти в Тюмень, пришел вместо 10 часов утра в 2 часа ночи^{II}. Все это время мобилизованным пришлось ждать на морозе, т.к. станционные постройки были уничтожены по время летних боев 1918 г. Лишь с большим трудом милиции удалось успокоить возбужденную толпу.

13 марта 1919 г., когда в городе уже началось восстание, часть мобилизованных явилась на медицинское освидетельствование к зданию уездного воинского присутствия. Прием мобилизованных должен был начаться в 10 часов утра, но часть должностных лиц, испугавшись начавшегося восстания сбежала, и мобилизованные были вынуждены ждать на улице на морозе до 2 часов дня их возвращения^{III}. Разумеется, люди негодовали. Таким образом, на ровном месте возникла угроза присоединения той части мобилизованных, которая оставалась лояльной колчаковскому правительству, к восставшим.

Мобилизованные, размещенные в Ночлежном доме (250 человек) и магазине Бардыгина (120 человек), были предоставлены сами себе: строевых занятий с ними не проводилось, офицерского надзора не было, в казармы был открыт свободный доступ для агитаторов с улицы. Фактически тюменские военные власти самоустранились от решения этих проблем.

¹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. (1917–1920 гг.). Сб. док. материалов / Отв. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1967. С. 280–281.

^{II} См. док. № 58.

^{III} Там же.

Между тем, в городе были расквартированы офицерская и унтер-офицерская пехотные школы. Разумным шагом для предотвращения восстания стало бы временное прекращения обучения в этих школах на период проведения мобилизации и отправка всех преподавателей и слушателей в казармы к мобилизованным для восстановления дисциплины и воинского порядка.

Ход восстания

Один из участников восстания описал ход событий следующим образом: «Восстание было стихийное. Подготовки к нему не было. Собрались в Ночлежном доме. Какой-то солдат в заячьей шапке вышел вперед и стал говорить о том, что надо просить обмундирование и оружие. После долгих споров и многих речей решили организовать вооруженное восстание: захватить склад оружия на Садовой улице. Двинулись к складу. Часть солдат разошлась. Пришли к Ремесленному училищу, где был склад. Разоружили караул, открыли склад, оружие оказалось негодное: японские винтовки, берданы, а патроны трехлинейные. Вызвали заведующего, он нашел 50 винтовок и раздал нам. Разбились на три группы: одна должна была идти в тюрьму, чтобы освободить заключенных, вторая – в концентрационный лагерь и третья – по заводам, чтобы привлечь рабочих. По дороге в лагерь на Пароходской улице разоружили конвойную команду, взяли 15 винтовок, к нам присоединился один солдат из этой команды. Дошли до лагерей»¹. К этому остается добавить, что еще за светом обе основных вооруженных группы восставших – и та, что безуспешно пыталась взять штурмом Тюменскую уездную тюрьму, и та, что сумела захватить Тюменский концентрационный лагерь военнопленных – были после непродолжительного боя рассеяны русскими и чехословацкими частями гарнизона Тюмени. Для поимки разбежавшихся мятежников в городе были проведены массовые облавы и обыски.

Организаторы восстания

Практически все исследователи, писавшие о восстании 13 марта 1919 г. в Тюмени, отмечали плохую организацию вос-

¹ Цит. по: Россомахин П.А. 13 марта 1919 года // Скипина И.В., Щербич С.Н. Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918–1922). Тюмень, 2019. С. 65.

стания. Тем не менее многие советские историки подчеркивали руководящую роль большевистского подполья в организации восстания¹. Однако их мнение не было подкреплено архивными документами. Не оспаривая наличие в Тюмени большевистского подполья, я полагаю, что его роль в организации восстания была незначительной и ограничивалась, главным образом, агитацией на улицах Тюмени в дни, предшествовавшие восстанию.

Если внимательно проанализировать приговоры военного суда тюменского гарнизона, судившего активных участников восстания, то бросается в глаза, что среди них нет профессиональных революционеров. Все расстрелянные по приговорам военного-полевого суда в качестве зачинщиков восстания – призванные по мобилизации ветераны Первой мировой войны. Вероятно, среди них были участники Февральской революции 1917 г. в Петрограде. Во всяком случае, события в Тюмени развивались по схожему сценарию: взбунтовавшиеся солдаты пытались захватить казармы других воинских частей, чтобы заставить их присоединиться к восстанию, шли освобождать заключенных из тюрем, посылали представителей на заводы, чтобы вывести рабочих из цехов на улицы, и т. д.

Причины поражения восставших

Прежде всего, стоит отметить, что численность восставших заметно уступала силам, имевшимся в распоряжении колчаковских военных властей. В докладе начальника гарнизона Тюмени полковника В.И. Зенкевича было указано, что «Непосредственное участие в усмирении мятежа 13 марта приняли следующие воинские части: силой 1) унтер-офицерской пехотной школы, усиленной офицерской пехотной школой, до 150 штыков при 4 пулеметах, 2) от [2-го] Барабинского кадрового полка 120 штыков, 3) местная команда сборного пункта при Управлении Тюменского [уездного] воинского начальника – 60 штыков, 4) от 2[-го] кавалерийского чехословацкого полка 400 сабель, 5) [от] 6[-го] Ганацкого пешего чехословацкого полка 500 штыков, 6) случайных офицеров и лиц до 50-ти штыков». Таким образом, в подавлении восстания приняло участие

¹ См., например: Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920). М., 1968. С. 218.

около 1300 штыков и сабель из состава гарнизона Тюмени. Кроме того, активно противодействовала восставшим тюменская милиция, находившаяся в распоряжении гражданских властей. К моменту восстания в ней насчитывалось около 200 милиционеров. Численность восставших участниками событий оценивалась примерно в 800 человек. Следовательно, они как минимум в два раза уступали по численности правительственным войскам. Фактически же соотношение сил было еще более невыгодным для восставших, т.к. активных участников восстания, готовых вступить в открытый бой с правительственными войсками было еще меньше. Так, в захвате Ремесленного училища приняло участие около 300 человек, в штурме Тюменской уездной тюрьмы – 150–200 человек. Кроме того, при подсчете численности противоборствующих сторон необходимо учитывать, что в отличие от правительственных войск лишь часть восставших была вооружена огнестрельным оружием. В общей сложности, восставшими было захвачено 296 винтовок, 9 револьверов, 191 штык и 24 шашки^I.

Критичной проблемой для участников восстания, которую они так и не смогли решить, стала нехватка оружия и патронов. Захват склада оружия в Ремесленном училище не оправдал их надежд: на складе оказались устаревшие винтовки, в большинстве своем сломанные. Советские историки утверждали, что пригодное оружие было намеренно вывезено колчаковскими военными властями из Ремесленного училища накануне восстания^{II}. Однако, в документах нет никаких упоминаний о том, что такая превентивная мера была осуществлена или хотя бы планировалась. Почему тогда на складе в Ремесленном училище оказались устаревшие винтовки и ружья? Этому есть более простое объяснение. Колчаковская армия испытывала острый дефицит оружия, поэтому все современные винтовки посылались на фронт, а тыловые гарнизоны были вооружены преимущественно устаревшим стрелковым оружием. К примеру, военный караул, охранявший в день восстания Тюменскую уездную тюрьму, был вооружен морально и технически устаревшими берданками и располагал всего 35 патронами^{III}. Плохое же техническое состояние захваченного восставшими в

^I См. док. № 75.

^{II} Кир. Ен-ский. 13-го марта 1919 г. // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 10.

^{III} См. док. № 58.

Ремесленном училище оружия объясняется не злым умыслом колчаковских военных властей, а тем фактом, что в Ремесленном училище была организована мастерская по починке сломанных винтовок и ружей, поэтому туда и складировали неисправное оружие.

Еще одной важной причиной поражения восстания стало отсутствие фактора внезапности. Утром 12 марта 1919 г. по распоряжению начальника гарнизона Тюмени полковника В.И. Зенкевича все воинские части были приведены в состояние повышенной боевой готовности, караулы усилены, на телеграфе и центральной телефонной станции установлены офицерские посты¹. Единственная воинская часть, которую удалось захватить восставшим – Тюменская конвойная команда. Она находилась в ведении министерства юстиции и военные власти попросту забыли предупредить ее о назревавшем восстании, поэтому конвойная команда была застигнута подошедшей толпой мятежников врасплох и легко захвачена. Впоследствии начальник Тюменской конвойной команды капитан А.П. Максимов был сделан козлом отпущения и с позором лишен офицерского звания¹¹.

Количество жертв

Первый исследователь тюменского восстания Кир. Ен-ский оценил количество погибших 13 марта 1919 г. в Тюмени в 200 человек¹¹¹. Н.Н. Авдеев также полагал, что во время восстания было расстреляно около 200 человек¹¹². Затем цифра погибших стала меняться в большую сторону. В 1928 г. В.Д. Вегман написал о том, что в день восстания было расстреляно свыше 500 его участников, а также 30 большевиков, сидевших в местной тюрьме¹¹³. Оценка Вегмана получила широкое распространение в советской историографии, в частности, в трудах историков 1960-х гг. А.Г. Липкина вслед за ним отмечала, что было казнено свыше 500 человек, в т.ч. 30 политзаключенных, расстрелянных

¹ См. док. № 18.

¹¹ См. док. № 73.

¹¹¹ Кир. Ен-ский. 13-го марта 1919 г. // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 10.

¹¹² Партизанщина в Тобольской губернии. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке. С предисловиями С. Пионтовского и Н. Авдеева) // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 162.

¹¹³ Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов 1917–1919 гг. / Под редакцией В. Вегмана. Новосибирск, 1928. С. 207.

во дворе Тюменской уездной тюрьмы^I. В.А. Кадейкин писал о том, что по приговору военно-полевого суда чехами за день было расстреляно около 500 взятых в плен восставших, а кроме того, было расстреляно 30 большевиков из числа арестантов Тюменской уездной тюрьмы^{II}. По мнению И.Ф. Плотникова в ходе подавления восстания в Тюмени погибло несколько сот человек^{III}.

В современной российской историографии число жертв восстания 13 марта 1919 г. оценивается скромнее. Так, Е.А. Бушаров определил количество жертв восстания в диапазоне от 100 до 140 человек^{IV}. Тем не менее, и эта цифра представляется завышенной. Согласно докладу помощника-заместителя Управляющего Тобольской губернией К.Ф. Копачелли, на улицах Тюмени после подавления восстания милицией было подобрано всего 34 трупа^V. Стоит отметить, что в это число включены также расстрелянные в день восстания колчаковской контрразведкой политзаключенные, не являвшиеся непосредственными участниками восстания. Советские историки пытались оспорить приведенную в докладе Копачелли информацию о количестве убитых 13 марта 1919 г., утверждая, что оно намеренно занижено с целью дезинформации общественности, но не смогли привести внятных аргументов в пользу своей позиции. Доклад Копачелли предназначался для служебного использования, а не для публикации в открытой печати. Кроме того, порядок цифр, приведенных в докладе К.Ф. Копачелли, подтверждается и другими источниками. Так, в зашифрованной телеграмме начальника гарнизона Тюмени подполковника А.П. Корзуна Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову сообщалось, что к 15 марта 1919 г. на улицах Тюмени было подобрано 28 трупов мятежников^{VI}.

^I Липкина А.Г. 1919 год в Сибири (борьба с колчаковщиной). М., 1962. С. 130.

^{II} Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны). Кемерово, 1968. С. 293.

^{III} Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). М., 1968. С. 215.

^{IV} Бушаров Е.А. Трагедия 13 марта 1919 г. в Тюмени // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1999. Тюмень, 2000. С. 79.

^V См. док. № 58.

^{VI} См. док. № 14.

Непосредственно во время восстания и сразу после его подавления колчаковцами было арестовано 567 человек^I. В дальнейшем это число еще возросло и в общей сложности к июню 1919 г. по подозрению в причастности к восстанию в Тюмени было арестовано около 800 человек^{II}. Для разбора дел была создана специальная следственная комиссия, работой которой руководил бывший жандармский ротмистр В.Ф. Посников. Есть основание предполагать, что значительная часть задержанных после фильтрации следственной комиссией была отпущена по домам. Дела на выявленных зачинщиков восстания 13 марта 1919 г. передавались следственной комиссией на рассмотрение в военно-полевой суд гарнизона Тюмени. В сборнике впервые публикуются приговоры этого суда. Ознакомившись с этими документами, можно убедиться, что расстрелы арестованных участников восстания не носили массовый характер. Были случаи, когда уже вынесенный военно-полевым судом смертный приговор заменялся по распоряжению командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды бессрочной каторгой^{III}. Кроме того, некоторые обвиняемые были военно-полевым судом тюменского гарнизона оправданы^{IV}.

Дело Авдеева

Командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда отдал приказ жестоко подавить восстание в Тюмени и всех мятежников, захваченных с оружием в руках, расстрелять на месте без всякого суда^V. Тюменская контрразведка решила воспользоваться этой ситуацией в своих интересах и 13 марта 1919 г. расстреляла якобы при попытке к бегству ряд заключенных, не являвшихся участниками восстания, но чем-либо неугодных. В число расстрелянных, помимо большевиков, попали бывшие агенты прежнего начальника тюменской контрразведки, местные профсоюзные активисты – члены партии меньшевиков, а также бывший помощник командующего Петроградским военным округом, эсер А.И. Кузьмин.

Одному из расстрелянных – меньшевику Н.Н. Авдееву – удалось пережить расстрел, прикинувшись мертвым. Утром он

^I См. док. № 18.

^{II} См. док. № 74.

^{III} См. док. № 67.

^{IV} См. док. № 17.

^V См. док. № 13.

нашел спасение, добравшись до квартиры городского головы Тюмени меньшевика А.С. Флоринского. Показания Авдеева вызвали большой скандал, дошедший до самых верхов. Военные власти были вынуждены оправдываться и провели расследование обстоятельств внесудебного расстрела Авдеева и других лиц. Документы по делу Авдеева публикуются в данном сборнике.

Дело Авдеева стало лакмусовой бумажкой, наглядно продемонстрировавшей степень разлада между колчаковскими военными и гражданскими властями. В еще большей степени этот разлад и взаимное недоверие проявились в отчетах о подавлении восстания 13 марта 1919 г. Военные власти обвиняли гражданские и подчинявшуюся им милицию в нелояльности и всюду подозревали предательство, гражданские власти, в свою очередь, обвиняли военных в некомпетентности.

Пиррова победа

Несмотря на то, что восстание 13 марта 1919 г. в Тюмени было сравнительно легко подавлено и колчаковским военным властям удалось провести мобилизацию ветеранов Первой мировой войны в Тюменском и других уездах Тобольской губернии, полученное по мобилизации пополнение не усилило, а ослабило фронтовые части. Мобилизованные тюменцы, попав на фронт, при первом удобном случае дезертировали или переходили к красным. В сборнике публикуется документ о массовой добровольной сдаче в плен красным в боях под г. Агрыз в начале июня 1919 г. мобилизованных из Тюменского уезда¹.

Не снискали ратной славы на полях сражений Гражданской войны и те, кто подавил восстание в Тюмени. В конце марта 1919 г. офицерская и унтер-офицерская пехотные школы Тюменского военного округа были переведены из Тюмени в Екатеринбург. В апреле 1919 г. они были использованы для укомплектования командным составом формируемой в тылу 16-й Сарапульской стрелковой дивизии. В июне 1919 г. эта дивизия была направлена на фронт и введена в бой, чтобы сдержать наступление Красной армии на кунгурском направлении, но потерпела сокрушительное поражение в первых же боях, продемонстрировав крайне низкий боевой дух. 25 июня 1919 г. начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии полковник Н.Н. Казагранди телеграфировал командующему Южной группой войск Сибирской армии генерал-

¹ См. док. № 72.

лейтенанту Г.А. Вержбицкому о разгроме 16-й Сарапульской стрелковой дивизии в боях на территории Осинского уезда Пермской губернии: «Доношу, что с 20 часов 24 июня красные повели наступление по всему фронту 18-й [Сибирской стрелковой] и [16-й] Сарапульской дивизиям. Бои отличаются особенной жестокостью в районе В[ерхней] Чермоды, Тюмис, Александровка, Гремячая и Мостовая. На фронте 18[-й Сибирской стрелковой] дивизии все атаки отбиты. [16-я] Сарапульская дивизия натиска красных не выдержала и вся разбежалась. Никакими мерами полки [16-й] Сарапульской дивизии занять позиции не могли и в данное [время] бегут по всем направлениям, обнажив весь занимаемый фронт, дав возможность красным зайти во фланг и тыл 1[-му] Егерскому полку, который принужден оставить Верхнюю Чермоду»¹. Остатки разгромленной 16-й Сарапульской стрелковой дивизии в конце июня 1919 г. были влиты в состав 15-й Воткинской стрелковой дивизии (второго формирования).

Память о восстании

После победы в Гражданской войне и создания на обломках Российской империи нового государства советская власть активно занялась формированием у населения новой идентичности. Важной частью этого процесса было создание мемориальных мест в память о событиях недавнего революционного прошлого, героизировавших павших борцов за советскую власть или прославлявших их в качестве мучеников.

Разумеется, при выборе объектов для мемориализации в Тюмени местные власти не могли обойти вниманием восстание 13 марта 1919 г. Угрюмовские сараи – место последнего и решительного боя восставших с колчаковцами – в 1922 г. были переименованы в Мартовскую слободку дней 1919 г. В самой слободке две небольшие улицы в память о восстании получили название 1-я и 2-я Мартовские.

Кроме того, по сведениям тюменского краеведа Е.А. Бушарова до середины 1920-х гг. одна из библиотек Тюмени носила имя расстрелянной колчаковцами 13 марта 1919 г. социалистки О.А. Дилевской^{II}.

К настоящему времени ни одно из вышеперечисленных названий не сохранилось на карте Тюмени. Постепенно

¹ РГВА. Ф. 39630. Оп. 1. Д. 40. Л. 150–153.

^{II} Бушаров Е.А. Трагедия 13 марта 1919 г. в Тюмени // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1999. Тюмень, 2000. С. 81.

героический нарратив о событиях Гражданской войны, сложившийся в 1920-е – 1930-е гг., был вытеснен в исторической памяти тюменцев другим нарративом – о событиях Великой Отечественной войны.

III.

Внутри разделов сборника документы и приложения публикуются в хронологической последовательности. Каждому документу и каждому приложению в сборнике присвоен свой порядковый номер.

Документы публикуются в современной орфографии, но с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника. Явные опечатки (перестановка и дублирование букв, пропуск отдельных букв и т. п.) исправлены без оговорок.

Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками – [].

Слова и словосочетания, которые невозможно прочитать из-за угасания текста документа, повреждения документа или по иным причинам, обозначены при публикации следующим образом – [нрзб].

Слова, написанные в машинописных документах от руки, выделены курсивом. Курсивом же обозначены подписи-автографы. Резолюции на документах и различные делопроизводственные пометы приведены в текстуальных примечаниях.

Каждому публикуемому документу дан заголовок, характеризующий его содержание. После текста документа приведена легенда, в которой указаны название архива, номер фонда, описи, дела, листов. В легенде к материалам, извлеченным из периодической печати, указаны название газеты, номер и дата выхода, название статьи и ее автор.

Научно-справочный аппарат представлен текстуальными примечаниями и научными комментариями, перечнем публикуемых документов, а также указателями имен и географических названий, помещенными в конце сборника.

*Михаил Игоревич Вебер
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН*

Раздел I

Документы

№ 1

Секретный приказ войскам Тюменского военного округа о создании Контрразведывательного отделения при штабе округа. Гор. Тюмень, 17 ноября 1918 г.

Копия
Весьма секретно¹
Экземпляр № 5

§ 1

При штабе Тюменского военного округа учреждается Контрразведывательное отделение № 5.

Начальником отделения назначается поручик **Купреянов**¹, которому получать по работе все указания от начальника штаба округа.

Организация и заведывание всей контрразведывательной сетью фронта остается за начальником [Контрразведывательного] отделения при штабе Западного фронта.

Поручику Купреянову с доклада начальнику штаба округа организовать в пределах округа подотделы и по сформировании их начать деятельность безотлагательно.

Схему подотделов представить начальнику [Контрразведывательного] отделения штаба Западного фронта к 26 сего ноября.

Указания о срочных донесениях будут даны непосредственно начальником [Контрразведывательного] отделения при штабе Западного фронта.

ОСНОВАНИЕ: Приказ войскам Западного фронта 1-го ноября 1918 года № 6/оп и телеграмма генерала Трегубова² № 213.

¹ Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто на пишущей машинке.

§ 2

Контрразведывательное отделение полагать сформированным с 30-го октября с[его] г[ода] в составе: 1 начальника отделения, 1 помощника начальника, 2 офицеров для поручений, 1 делопроизводителя, 2 чинов для поручений, 2 старших наблюдателей, 10 разведчиков, 1 помощника делопроизводителя, 1 писаря, 2 машинисток и 1 сторожа при канцелярии.

СПРАВКА: Рапорт поручика Купреянова от 30-го октября с[его] г[ода] № 1.

Подлинный подписал:

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант

Рычков³

С подлинным верно:

Генерального штаба подполковник

*Язвин*⁴

(по штабу округа)

Отделение строевое

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 67. Л. 1. Заверенная копия. Машинопись.

№ 2

Приказ войскам Тюменского военного округа № 62. Гор. Тюмень, 10 февраля 1919 г.

§ 1

Начальника Контрразведывательного отделения поручика **Купреянова** в виду получения им нового назначения полагать командированным в гор. Омск в министерство внутренних дел.

§ 2

Начальником Контрразведывательного отделения назначаю помощника старшего адъютанта штаба вверенного мне округа подпоручика **Борисова**⁵.

Подпоручику Борисову приказываю принять от вр. и. д. начальника Контрразведывательного отделения Деветра Ярослава, а последнему сдать подпоручику Борисову личный состав,

все дела, денежные суммы и имущество отделения. О приеме и сдаче донести начальнику штаба вверенного мне округа.

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант

Рычков

(ПО ОКРУЖНОМУ ШТАБУ)
(отделение: строевое)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 60. Типографский оттиск.

№ 3

Обязательное постановление Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова № 6 о запрете выдачи солдатам удостоверений о принудительной мобилизации. Гор. Тюмень, 21 февраля 1919 г.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 6

Главного начальника Тюменского военного округа, изданное в порядке ст[атьи] 14 Положения о полевом управлении войск в военное время, ст[атьи] 2 приказа по военному ведомству от 19 сентября 1918 года за № 66 п[араграф] 7, стр[аница] 19, приложение к 23 чт. Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении. Общее губернское учреждение т[ом] 2, ст[атья] 8.14, 15 и 16 Временных правил о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

За последнее время установлено, что к сельским старостам и волостным земским управам обращаются родители и родственники взятых на военную службу солдат с ходатайствами о выдаче им удостоверений о том, что означенные солдаты действительно призваны правительством по мобилизации, а не поступили на военную службу добровольцами. Подобные ходатайства являются результатом подпольной деятельности большевиков и их агентов.

В целях пресечения этой преступной деятельности и охранения государственного порядка и общественного спокойствия приказываю:

1) Сельским должностным лицам, волостным земским управам и другим учреждениям представить немедленно

начальникам гарнизонов через подлежащих Управляющих уездами и председателей уездных земских управ сведения о солдатах, которым выданы подобные удостоверения. В сведениях должно быть указано время выдачи, место приписки, имя, отчество и фамилия, а равно место службы солдат или копия удостоверения. По получении указанных сведений, начальники гарнизонов сообщают об этом подлежащим начальнику частям для уничтожения удостоверений.

2) Волостным земским управам, сельским старостам и другим правительственным учреждениям о всех случаях возбуждения ходатайств или обращения в означенные учреждения о выдаче удостоверений солдатам, находящимся на службе по призыву, надлежит ставить в известность местную власть, милицию для производства дознаний, а лиц, возбудивших упомянутые ходатайства, задерживать и препровождать в распоряжение начальника милиции.

3) Лиц, замеченных в вышеуказанной агитации или распространении суждений или слухов, направленных к поколебанию как воинского духа отдельных солдат, так и боеспособности армии – немедленно задерживать и препровождать в распоряжение начальников гарнизонов и коменданта г. Тюмени.

4) Лица, признанные виновниками в ходатайстве или обращении в волостные земские управы, к сельским старостам и в другие учреждения о выдаче указанных удостоверений, подлежат ответственности в административном порядке: тюремному заключению до 3 месяцев или штрафу до 3 000 руб.

5) Лица, признанные виновными в совершении деяний, указанных в п[ункте] 3 настоящего постановления, подлежат ответственности по ст[атье] 108 Улож[ения] о наказа[нии], согласно приказа по военному ведомству Временного Сибирского правительства от 19 сентября 1918¹ года за № 66, и подвергаются наказанию, определенному в ст[атье] 279 Воинск[ого] уст[ава] о наказании, т.е. лишению всех прав состояния и смертной казни, а при совершении преступления несколькими лицами, из них главные виновники и зачинщики подвергаются тому же наказанию, а остальные соучастники преступления – укрыватели и т.п., согласно ст[атье] 16 Временных правил – каторге без срока или срочной на 20 лет.

6) Неослабное наблюдение за точным выполнением сего постановления возлагаю на уполномоченных по охранению

¹ Исправлено. В документе ошибочно 1919.

государственного порядка, Управляющих уездами, чинов милиции и сельских должностных лиц.

7) Настоящее постановление вступает в законную силу со дня опубликования и распространяется на следующие уезды: Тюменский, Туринский, Ялуторовский и Ишимский – Тобольской губернии; Камышловский, Ирбитский и Шадринский – Пермской.

Главный начальник Тюменского
Военного округа, генерал-лейтенант **Рычков**

21 февраля 1919 г. г. Тюмень

С подлинным верно:

помощник начальника штаба, подполковник **Галлер**⁶

Публ. по: Россомахин П.А. 13 марта 1919 года // Скипина И.В., Щербич С.Н. Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918–1922). Тюмень: издат-во ТюмГУ, 2019. С. 60–62.

№ 4

Приговор сельского схода с. Кулаковское Тюменского уезда Тобольской губернии о выдаче призывникам удостоверений о принудительной мобилизации. С. Кулаковское, 6 марта 1919 г.

1919 года 6 марта с. Кулаковское

Сход слушал словесное заявление граждан односельцев¹ и проживающих в с. Кулаковском о том, что их мобилизуют на военную службу 3 марта с[его] г[ода], а удостоверений о мобилизации им не выдают, а поэтому просят о выдаче им установленных удостоверений.

Мы, бывшие на сходе домохозяева, постановили: предоставить право [выдачи удостоверений] с[ельскому] старосте, в чем и подписуемся¹¹ 21 человек.

Публ. по: Россомахин П.А. 13 марта 1919 года // Скипина И.В., Щербич С.Н. Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918–1922). Тюмень: издат-во ТюмГУ, 2019. С. 62.

¹ Так в документе. Правильно – односельчан.

¹¹ Так в документе. Правильно – подписываемся.

№ 5

Приказ войскам Тюменского военного округа № 142. Гор. Тюмень, 8 марта 1919 г.

Отъезжая сего числа в город Екатеринбург, в место квартирования штаба округа, назначаю начальника окружного Артиллерийского управления полковника **Зенкевича**⁷ моим уполномоченным по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в городе Тюмени и его уезде.

Предлагаю полковнику **Зенкевичу** в отношении охранения государственного порядка и общественного спокойствия строго руководствоваться приказом по округу № 51 и временными правилами о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, объявленными в приказании русским войскам Западного фронта за № 6 от 25 октября 1918 года.

О вступлении в исполнение упомянутых обязанностей мне донести.

Справка: Приказ по войскам Тюменского гарнизона сего года за № 15.

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант

Рычков

(Отд[еление] воен[но] суд[ное] и гражд[анских] дел)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 99об. Типографский отпуск.

№ 6

Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 16. Гор. Тюмень, 10 марта 1919 г.

§ 1

Сего числа в исполнение обязанностей начальника гарнизона г. Тюмени вступил. За всеми справками служебного характера обращаться ко мне с 10 до 1 час. Царская⁸ улица, дом Шмыровой⁹, Окружное Артиллерийское управление.

<...>

§ 3

Обер-офицера для поручений штаба Тюменского военного округа подпоручика БОБЫЛЕВА-БОБЫЛЬ, командированного в мое распоряжение, временно прикомандировываю к Окружному Артиллерийскому управлению с 8 сего марта с возложением на него обязанностей гарнизонного адъютанта.

<...>

Подлинный подписал:
Начальник гарнизона,
полковник

Зенкевич

С подлинным верно:
Гарнизонный адъютант,
подпоручик

Бобылев-Бобыль

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 856. Л. 19. Типографский оттиск.

№ 7

Обращение представителей тюменских общественных организаций к председателю Совета министров Российского правительства П.В. Вологодскому. Гор. Тюмень, 12 марта 1919 г.

Г. Тюмень, 1919 г. 12 марта представители тюменских общественных организаций: правления Общества домовладельцев, Биржевого комитета и правления Взаимного страхового общества, имели на своем обсуждении постановление новониколаевских общественных организаций о возбуждении пред Верховным правителем адмиралом Колчаком ходатайства о мобилизации всего имущего класса Сибири в возрасте от 18 до 55 лет; из коих мобилизованные до 35 лет должны быть отправлены на фронт, а остальные, старшего возраста – должны нести гарнизонную службу и обязаны довольствие и обмундирование иметь со своего счета на дому.

Совещание из указанных представителей, обсудив таковой вопрос, признало, что в данный момент, когда ведется гражданская война и отстаивается, с одной стороны, государственность и правопорядок, который только один и может обеспечить

населению возвещенные революцией свободы и дать возможность наладить экономическую и хозяйственную жизнь страны, восстановить разрушенный транспорт и промышленность и дать процветание сельскому хозяйству, и, с другой стороны, отстаиваются идеалы коммунизма с порабощением одного класса другим, с уничтожением частной собственности и дающим, как следствие всего этого, понижение производительности промышленности и сельского хозяйства и экономическое обеднение народных масс, то государственно настроенные элементы страны должны быть на стороне правопорядка и поддерживать всеми силами и средствами правительство, но здесь приходится иметь в виду, что идеалы коммунизма дают обольщение надеждой счастья малосознательным элементам населения и вследствие этого всеобщие мобилизации привлекают в состав армии как сторонников правопорядка, так и сторонников коммунизма и вследствие этого армия, принимая в состав свой сторонников тех или других течений, не может отличаться той устойчивостью, которая требуется от нее в проведении намеченной правительством линии поведения, и что при таком составе армия не может проявить должную доблесть на фронте и главным образом обеспечить спокойствие в тылу, то совещание признало, что при этих условиях народная армия при борьбе с большевизмом должна быть комплектуема исключительно элементами, стоящими на платформе правопорядка, а в этом отношении мыслимо комплектование армии, с одной стороны, добровольцами, сочувствующими не за страх, а за совесть идеям правительства, а, с другой стороны, мобилизуемыми из тех слоев общества, которые по своему умственному развитию или имущественному состоянию не могут быть сторонниками коммунизма, а в этих целях мобилизация должна быть проводима только из государственно настроенных элементов¹, а потому совещание, разделяя в общих чертах взгляд новониколаевских общественных организаций, решило о таком своем мнении довести до сведения г[осподина] председателя Совета министров, считая, что ныне долг каждого сознательного гражданина заботиться о государственных пользах и по сему предмету свои соображения представлять правительству^{II}.

¹ Строка *мобилизация должна быть проводима только из государственно настроенных элементов* выделена на полях документа вертикальной чертой простым карандашом.

^{II} На документе имеются: 1) делопроизводственная помета зелеными чернилами «К делу. 24/III [1919 г.]», 2) штамп «Управление делами Сове-

Председатель правления Общества домовладельцев в Тюмени	Н. Беседных
Товарищ председателя Тюменского биржевого комитета	Мих. Дементьев
Председатель правления Тюменского взаимного страхового общества	Н. Самотесов
Член правления Общества домовладельцев	Мих. Чукомин
Товарищ председателя Общества домовладельцев	Николай Орлов

18 марта 1919 г.
№ 40
г. Тюмень

ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 8. Л. 16. Подлинник. Машинопись.

Опубл.: Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. док. / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015. С. 175–176.

№ 8

**Отношение начальника Контрразведывательного
отделения штаба Тюменского военного округа
подпоручика К.Н. Борисова начальнику Тюменской
уездной тюрьмы В.В. Золотареву № 932
о передаче заключенной Л. Базилевской чехам.
Гор. Тюмень, 13 марта 1919 г.**

Копия с копии
Секретно. Срочно

Содержащуюся во вверенной Вам тюрьме Людмилу БАЗИ-
ЛЕВСКУЮ прошу срочно передать в распоряжение начальника
чешской охраны при вверенной Вам тюрьме.

Подпоручик Борисов

та министров Верховного правителя. 25/III 1919 г. Вх[одящий] № 2842»,
3) делопроизводственная помета коричневыми чернилами «1 отд[еление].
520. К д[елу] 38/9» и 4) полустершаяся помета простым карандашом
«1. [нрзб]».

С подлинным верно:
Начальник тюрьмы (подпись)

Сверял И. об. помощника начальника (подпись)

С подлинным верно:
За секретаря [неразборчивая подпись]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 29. Заверенная копия. Машинопись.

№ 9

**Отношение начальника Контрразведывательного
отделения штаба Тюменского военного округа
подпоручика К.Н. Борисова начальнику Тюменской
уездной тюрьмы В.В. Золотареву № 938
о передаче заключенного Холмского
агенту отделения П.И. Кадееву.
Гор. Тюмень, 13 марта 1919 г.**

Копия с копии

Предъявителю сего агенту Кадееву прошу немедленно сдать арестованного комиссара почт-телеграфа ХОЛМСКОГО на предмет отправления в распоряжение начальника унтер-офицерской школы Заалова¹⁰.

Начальник Контрразведывательного отделения,
подпоручик Борисов

13 марта 1919 г.
№ 938

С подлинным верно:
Начальник тюрьмы (подпись)

Сверял и. об. помощника начальника (подпись)

С подлинным верно:
За секретаря [неразборчивая подпись]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 29 об. Копия. Машинопись.

**Определение Тюменской городской управы № 256
на чрезвычайном заседании 14 марта 1919 г. в связи
с внесудебным расстрелом Н.Н. Авдеева
и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 14 марта 1919 г.**

Заседание происходило¹ под председательством городского головы А.С. Флоринского и в составе товарища городского головы М.Ф. Кузнецова и членов Ф.И. Рогожникова, В.Д. Пагирева и М.Б. Глузман[а].

Перед началом заседания по предложению городского головы была почтена вставанием память тех чешских и русских воинов, которые погибли при исполнении своего долга при ликвидации вчерашнего мятежа¹¹.

Затем заседание, отнесясь глубоко отрицательно к вчерашнему восстанию, как безумию со стороны¹¹¹ несознательных масс, выслушало следующее сообщение городского головы.

Вчера днем были арестованы местные общественные деятели Н.Н. Авдеев¹¹ и О.А. Дилевская¹² и были препровождены в помещение контрразведки, где от них отобрали деньги и документы и, не производя им допроса, отправили их около 6 часов вечера в тюрьму, где Авдеев был помещен в секретном отделении, а Дилевская была помещена в женской камере. Около 10 часов вечера Авдеев и Дилевская и трое еще неизвестных были доставлены из тюрьмы под конвоем из тюремной стражи в помещение контрразведки, где они пробыли около часа, допросу не подвергались и были вновь отправлены около 12 часов ночи в тюрьму под конвоем других лиц. На пути к тюрьме, пройдя городские весы на Базарной площади, конвой остановил арестованных Авдеева, Дилевскую и трех неизвестных, предложил им раздеться и подверг арестованных расстрелу. Расстрел происходил из винтовок. После расстрела конвой, забрав одежду с расстрелянных лиц, разбежался от места происшествия. Между тем Н.Н. Авдеев оказался не убитым, а только

¹ Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто неустановленным лицом.

¹¹ Напротив этого абзаца на полях документа поставлено два вопросительных знака.

¹¹¹ После *со стороны* Н.А. Самотесовым зачеркнуто чернилами *со стороны*.

раненым, и после того, как конвой удалился, минут через 20 после расстрела, он направился домой, где и провел всю ночь, а утром около 8 ½ часов утра с помощью прислуги отправился на квартиру городского головы, как представителя города, и здесь, обессилев от потери крови, слег. Городской голова вызвал к раненному городского врача В.П. Арнольдова и, по приходе врача, отправился в управу, чтобы о всем вышеизложенном, сообщенном со слов Н.Н. Авдеева, довести до сведения городской управы.

Городская управа, приняв во внимание таковое сообщение, пришла к выводу, что факт расстрела указанных лиц носит на себе таковой характер, который требует проверки закономерности действий со стороны тех властей, которые принимали участие в сем деле, но в виду переживаемого тревожного времени, не находя возможным в интересах общественного порядка и спокойствия предавать это широкой гласности в данный момент, но в интересах самого правосудия и государственного порядка считала необходимым довести об этом до сведения Управляющего уездом, прокурорской власти, председателя уездной земской управы и председателя думы, для чего созвать особое заседание в 1 час дня, на котором решить как должно быть поступлено в сем деле, чтобы были соблюдены интересы главнейшим образом государственного порядка, закономерности и справедливости, а также дальнейшей безопасности Авдеева от расстрела, так как управа в личном своем составе, зная Авдеева и Дилевскую, как за лиц, неспособных по своему характеру и мышлению на принятие участия в вооруженном мятеже, считает их пострадавшими невинно.

При этом городская управа находит со своей стороны нужным внести на имеющее быть совещание предложение о том, чтобы о таковом обстоятельстве было доведено до сведения местного начальника гарнизона¹, командующего Северным фронтом генерала Гайды, министра юстиции и министра внутренних дел.

Подлинное подписали: городской голова А. Флоринский, члены управы М. Кузнецов, Ф. Рогожников, М. Глузман.

Скрепил: секретарь Н. Самоотесов

¹ Напротив подчеркнутой строки на полях документа поставлена галочка.

Верно:
Городской голова А. Флоринский
Сверял:
Секретарь Н. Самотесов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 34. Заверенная копия. Машинопись с рукописной правкой.

№ 11

**Повестка председателю Тюменской уездной земской
управы П.И. Быкову с приглашением
на чрезвычайное совещание
в городской управе. Гор. Тюмень, 14 марта 1919 г.**

Лично

Повестка

Г[осподину] председателю
Тюменской уездной земской управы

По чрезвычайным обстоятельствам Тюменская городская управа просит Вас безотлагательно прибыть в управу сегодня к 1 часу дня, причем управа ставит Вас в известность, что ею приглашаются также Управляющий уездом и товарищ прокурора по Тюменскому уезду.

Марта 14 дня 1919 г.

Городской Голова *Флоринский*
Секретарь *Самотесов*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 71. Подлинник. Рукопись.

№ 12

**Рапорт начальника Тюменской конвойной команды
капитана А.П. Максимова Главному инспектору
по пересылке арестантов полковнику
Н.Н. Соболевскому № 4 о восстании мобилизованных.
Гор. Тюмень, 14 марта 1919 г.**

Секретно

13 марта вверенная мне команда в числе 23 солдат производила занятия стр[о]ем на площади против казармы, я же

находился в канцелярии, где ожидал комиссии для поверки денежных сумм за февраль.

Часов около 11 дня внезапно со стороны Ильинской улицы выбежала вооруженная толпа народа численностью около 500 человек и с криком «Товарищи, сюда, вот они» стремглав с оружием в руках набежала на команду, причем было сделано несколько выстрелов.

Люди команды бежали с площади в команду в большой панике^I. Вслед за бежавшими моментально толпою была окружена команда со всех сторон, причем ружья восставших были наведены на казарму и, со слов очевидцев, у них были поставлены 2 пулемета, похожих на большие ружья, толпа была, видимо, организована, т.к. было^{II} слышно «товарищи начальники». Часть бунтовщиков стала перепрыгивать через заборы во двор команды, так же часть восставших в самую казарму и стала требовать начальников, крича «давайте начальников, давайте ружья и патроны и идите с нами», другая же часть стала хватать из пирамиды винтовки и шашки, несколько человек заняло телефон.

Восставшие, ворвавшись в самую казарму, смешались с людьми команды, сумятица была невозможная. Как мне удалось слышать в сильном шуме всей толпы, были выкрики «оружия не дадим и с вами не пойдём», причем только что принятый на службу мобилизованный Александр Кузнецов закричал им: «оружие нам нужно арестантов охранять и начальники тут не при чем». Меня отделили от команды несколько человек и стали обыскивать^{III}. Во время самой паники и толпы, несмотря на то, что винтовки не были отданы, все же бунтовщики успели стащить одну (1) винтовку (заручную)¹⁵ и 24 шашки, последние были около входной двери. Несмотря на неоднократные требования выдать патроны, они не получили ни одного боевого патрона и весь боевой комплек[t] сохранен в целости.

Все вышеизложенное произошло в течение нескольких минут, никто не отдавал^{IV} себе отчета в происходящем, все это было так неожиданно, т.к. в команде не имелось никаких

^I Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто черными чернилами.

^{II} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно – *были*.

^{III} Напротив этого предложения на полях документа черными чернилами поставлен вопросительный знак.

^{IV} *не отдавал* вписано автором над строкой.

сведений о том, что делалось в городе и даже ожидалось что-либо, благодаря чему не было сделано никаких распоряжений, не были приготовлены боевые патроны, которые находились в цейхгаузе. Начальник гарнизона совершенно не оповестил меня о назревавших событиях в городе и о принятии каких-либо мер не были даны соответствующие инструкции, также и комендант города не вызывал меня ни разу по телефону или другим способом, чтобы оповестить о готовящемся в городе бунте, мне же удалось узнать, что все комендантское управление в ночь, предшествующую бунту, находилось во всеоружии, хотя в городе все было спокойно.

В силу того, что бунтовщики с оружием в руках бежали из города, минуя недалеко от команды стоящее комендантское управление, сразу стало очевидным, что город находится во власти бунтовщиков и власти не существует, т.к. конвойная команда находится в конце города, т.е. что бунтовщики пробежали весь город и заканчивали его конвойною командою. Телефон не работал. Со слов коменданта города Тюмени чехословацкие войска до последней и крайней минуты не выступали, что и придавало¹ смелость бунтовщикам.

Солдаты все остались в команде, несмотря на повторение и даже с угрозами выкриков «товарищи, идем с нами», причем были произведены три выстрела. Единственно, из числа всей команды рядовой Андрей Кравченко, «прикомандированный Иркутской конвойной команды», сорвал с себя погоны и, со слов подпрапорщика Семенова, также и с другого рядом с ним стоящего солдата. Кравченко находится в распоряжении коменданта.

В данное время команда несет наружную охрану кругом казармы и имеет связь с комендантским управлением.

О вышеизложенном доношу^{II}.

Капитан

Максимов¹⁴

ГАРФ. Ф. Р-3908. Оп. 1. Д. 37. Л. 41-42. Подлинник. Рукопись.

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно – *предавало*.

^{II} На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Получено 19/III дня 191[9] г. В[ходящий] № 7» и 2) делопроизводственная помета «№ 7».

№ 13

**Заметка в ежедневной иркутской газете «Мысль»
с приказом командующего Сибирской армией
генерал-лейтенанта Р. Гайды от 13 марта 1919 г.
о подавлении восстания мобилизованных.
Гор. Иркутск, 15 марта 1919 г.**

События в Тюмени

(Телеграмма пол[ево]й конторы)

«(Военная) 13 марта в Тюмени 150 мобилизованных взбунтовались, вооружились захваченными в складе винтовками и начали безобразничать в городе. Приказываю бунт подавить самыми жестокими мерами и всех захваченных с оружием бунтовщиков расстрелять на месте без всякого суда. Об исполнении и о числе расстрелянных мне срочно донести. № 0809/оп

Командарм Сибирской ген[ерал]-лейтенант **Гайда**

Наштарм Сибирской Генштаба ген[ерал]-майор **Богословский»**

События в Тюмени // Мысль. 1919. 15 марта. № 21. С. 3.

№ 14

**Шифрованная телеграмма начальника гарнизона
гор. Тюмени, командира Тюменской кадровой легкой
батареи подполковника А.П. Корзуна
Главному начальнику Тюменского
военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову
№ 258 о положении дел в городе после подавления
восстания. Гор. Тюмень, 15 марта 1919 г.**

Екатеринбург, Главначокр Тюменского генералу Рычкову

Принята 18.03.1919

Повторяю 676/725. Районный. [В] городе спокойно. До сего времени подобрано трупов мятежников 28, задержано [в] связи выступлением 567. Материалы переданы контрразведке, которой степень виновности выясняется. Подобрано винтовок

разных систем 285, до 300 штук патронов. [С] нашей стороны тяжело ранен один милиционер. Убитых нет. Сегодня ночью производилась облава [с] участием всех свободных [от] караульной службы частей.

Всего принимало участие до 1 000 человек. Результаты донесу. [В] настоящее время [в] моем распоряжении имеется: три батальона [2-го] Барабинского [кадрового] полка¹⁵, всего силою до пятисот штыков при 48 офицерах, унтер-офицерская школа – сто штыков при 4 пулеметах, местной команды 100 человек, вооруженных берданками. Караульный батальон, оставленный 49[-м Сибирским стрелковым] полком, состоя из малообученных, недавно призванных людей, не представляет серьезной силы, ненадежный в смысле несения караульной службы, что и доказал караул, выставленный от его состава – 4 человека, который дал себя обезоружить без одного выстрела. По прибытии остальных эшелонов [2-го] Барабинского [кадрового] полка, который ожидается 20 марта, более важные пункты займут караулами от него. Сейчас [в] эти пункты выставлены офицерские караулы, [от] 49[-го Сибирского стрелкового] полка [с] наступлением темноты до рассвета высылаются патрули.

В несении этой службы принимает участие конный чехословацкий полк. Утром выработаны меры совместно [с] начальниками частей, Управляющим уездом для предупреждения быстрого подавления выступлений, подобных 13 марта.

[В] общем считаю [в] моем распоряжении достаточно сил [для] поддержанию в городе порядка, недопущения повторных выступлений. Полевой суд функционирует.

Конфирмует приговор полковник Зенкевич как уполномоченный [по] охране порядка и спокойствия. [В] лагере военнопленных после снятия нашего караула восставшими разбежалось 206 красноармейцев, человек 30 из них задержаны, остальные вероятно направились [в] уезд вместе [с] восставшими. Полагаю, что около 300 человек, вооруженных винтовками и патронами, скрылись [в] уезде. Желателен особый отряд для очистки уезда от этих банд.

Уездный военачальник доносит [что] выступление 13 числа не отразилось на ходе мобилизации. Работа идет успешно¹.

15 марта [№] 258 начгар подполковник КОРЗУН¹⁶

¹ На документе имеется штамп «Проверено. Комендант почты и телеграфа».

Расшифровал и шифр сжег
Вр. и. д. старшего адъютанта,
капитан [неразборчивая подпись]

19 марта 1919 года

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 11. Подлинник. Машинопись.

№ 15

Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 17. Гор. Тюмень, 16 марта 1919 г.

§ 1

Во исполнение телеграммы Главного начальника Тюменского военного округа от 14 марта 1919 года за № 676 я сего числа вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона г. Тюмени. За всеми справками служебного характера обращаться ко мне в Комендантское управление с 11 до 1 часу ежедневно.

§ 2

Прибывшего в мое распоряжение помощника старшего адъютанта Военно-цензурного отделения штаба Тюменского военного округа поручика Трофимова прикомандирываю на довольствие к Комендантскому управлению с 9 сего марта, с возложением на него обязанностей военного цензора.

СПРАВКА: рапорт поручика Трофимова № 24.

§ 3

Прибывших в город Тюмень на расквартирование 1, 2 и 3-й батальоны 2-го Барабинского кадрового полка зачислить в состав гарнизона: 1-й батальон с 11 сего марта, 2-й батальон с 13 сего марта и 3-й батальон с 15-го сего марта.

§ 4

Приказываю всем командирам частей, управлений, учреждений и заведений вверенного мне гарнизона к 20 сего марта в срочном порядке представить мне списки всех офицеров частей (штатных и прикомандированных) Тюменского гарнизо-

на. Ответственность за точность и своевременное исполнение сего приказа возлагаю на командиров частей¹.

СПРАВКА: сношение дежурного генерала штабс-майора¹⁷ Сибирской № 1421/299.

ПРИЛОЖЕНИЕ: форма сведений.

<...>

§ 9

Приказываю командирам всех частей гарнизона донести мне в срочном порядке сколько студентов состоит в подведомственных им частях, с указанием количества офицеров и солдат отдельно.

СПРАВКА: телеграмма наштаока¹⁸ Тюменского генерала Вихирева¹⁹ за № 658^{II}.

<...>

Подлинный подписал:

Начальник гарнизона,
подполковник

Корзун

С подлинным верно:

Гарнизонный адъютант,
подпоручик

Бобылев-Бобыль

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 856. Л. 21-22. Типографский отпуск.

№ 16

Заметка в тобольской газете «Сибирский листок» о восстании мобилизованных. Гор. Тобольск, 18 марта 1919 г.

Уже несколько дней тому назад поговаривали, что среди мобилизованных за пять лет солдат не все обстоит благополучно, что имеются и единичные, и групповые протесты против этого набора.

Насколько гладко и с большим подъемом происходил призыв интеллигентной части населения, настолько же шероховато

¹ На полях документа напротив этого абзаца приписано чернилами «Сообщено». Сам абзац выделен вертикальной чертой.

^{II} На документе имеется делопроизводственная помета «Военно-окружной суд».

и с большими трениями наблюдался призыв среди призывных солдат пяти последних возрастов.

13 марта группа мобилизованных солдат неожиданно захватила часть оружия из одного из складов, явилась в лагерь военнопленных, где содержатся пленные красноармейцы, часть из них освободила, и все уже вместе имели намерение освободить заключенных в тюрьме. Надо полагать, что о могущем быть мятеже власти были своевременно осведомлены и предпринятыми мерами – местными воинскими частями как русскими, так и чешскими – мятеж немедленно был подавлен. Передают, что было в некоторых местах пущено в ход оружие и имеются жертвы.

К концу дня, говорят, почти все главари и зачинщики мятежа были пойманы, и они предстанут перед суровым законом военно-полевого суда.

Сибирский листок. 1919. 18 марта. № 55.

Публ. по: Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. (1917-1920 гг.): Сб. док. материалов / Отв. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1967. С. 277.

№ 17

**Рапорт начальника Артиллерийского управления
Тюменского военного округа полковника
В.И. Зенкевича Главному начальнику
Тюменского военного округа генерал-лейтенанту
В.В. Рычкову № 11 о создании военно-полевого суда
Тюменского гарнизона.
Гор. Тюмень, 18 марта 1919 г.**

Секретно
В собственные руки

Секретным приказом по гарнизону № 1 был сформирован в г. Тюмени 13 сего марта военно-полевой суд. Состав суда: председатель – подполковник Стрельбицкий, члены: капитан Колокольников²⁰, штабс-капитан Андреев²¹ и постоянным делопроизводителем З. Добек²².

В ночь с 14 на 15 марта суд рассмотрел дела о Петре Карнаухове, Степане Карнаухове и Степане Волкове, обвиняемых

в восстании, как задержанные на позиции; *эти лица были призваны по мобилизации*^I.

13 марта 1919 года на основании ст[атьи] 12 п[ункт] 6 и ст[атьи] 110 В[оинского] уст[ава] о наказаниях приговорены к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстреляние. Приговор мною утвержден и приведен в исполнение в течение суток.

В следующем заседании военно-полевой суд рассмотрел дело о Павле Семеновиче Блинове, обвиняемом по 243 и 108 ст[атьям] Воинск[ого] уст[ава] о наказаниях, признал возникшее на него обвинение в подстрекательстве мобилизованных солдат к измене недоказанным и на основании 665 Уст[ава] воен[но]-судн[ого] его оправдал. Приговор мною утвержден^{II}.

Справка: Пр[иказ] наштаверха [от] 4 янв[аря] 1919 № 112^{III}.

ПОЛКОВНИК *Зенкевич*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 3. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

№ 18

**Рапорт начальника Артиллерийского управления
Тюменского военного округа полковника
В.И. Зенкевича Главному начальнику
Тюменского военного округа генерал-лейтенанту
В.В. Рычкову № 12 о подавлении восстания
мобилизованных.
Гор. Тюмень, 18 марта 1919 г.**

Секретно^{IV}

В целях всестороннего освещения событий, имевшим место 13 марта с[его] г[ода] в г. Тюмени, а равно и ознакомления с теми предупредительными мерами, которые мною приняты со дня вступления моего в исполнение обязанностей начальника гарнизона и уполномоченного по охране государственного

^I *эти лица были призваны по мобилизации* приписано В.И. Зенкевичем от руки черными чернилами.

^{II} На документе имеется делопроизводственная помета карандашом «Гражд[анское]. 24/III [1919 г.]».

^{III} Предложение приписано В.И. Зенкевичем от руки черными чернилами.

^{IV} Вписано и подчеркнуто от руки черными чернилами.

порядка в г. Тюмени и уезде и теми распоряжениями, которые были отданы для подавления вспыхнувшего в г. Тюмени мятежа под влиянием большевистской пропаганды, считаю необходимым доложить нижеследующее:

8 марта я пригласил Управляющего Тюменским уездом, начальника городской милиции, начальника контрразведки и коменданта города для обсуждения вопросов о необходимости установления меры для поддержания порядка в городе и уезде, в виду происходящей мобилизации. В результате было установлено патрулирование в городе из чинов конной милиции и батальона 49[-го] Сибирского стрелкового полка, несущего в городе караульную службу. 9 и 10 сего марта по моему приказанию адъютант начальника гарнизона обратился к командиру 2[-го] чехословацкого кавалерийского полка с целью выяснить, могу ли я рассчитывать на поддержку полка, если в этом будет надобность; необходимость выяснения этого вопроса диктовалась и тем, что, кроме школ, других вооруженных частей в моем распоряжении не было. Ожидая у телефона ответа от полковника Червинки²³, я выяснил, что полковник Червинка, имея особые распоряжения, исполнять мои приказания не будет, указав, между прочим, что «пора посмотреть на чехов, как на союзников»²⁴. 10 марта, в видах поддержания порядка в городе, мною издано было обязательное постановление о прекращении продажи и выдачи из винного склада спиртных напитков и недопущения распития таковых в ресторанах, буфетах путем наблюдения, выполнение¹ этого обязательного постановления было возложено на чинов милиции. Кроме принятых мер по охране города, мною предложено было: начальнику милиции и начальнику контрразведки иметь бдительное, постоянное наблюдение через своих агентов за настроением населения и призывных. Одновременно с этим я лично поверял как патрулирование в городе, так и караулы; выяснив недостаточность вооружения некоторых воинских частей гарнизона, я приказал временно выдать недостающее вооружение с соответствующим количеством патронов. 10–11 марта мною было отдано распоряжение о том, что по тревоге всеми воинскими частями: школы, кадровые батареи, местная команда должны собираться на базарной площади у цирка – на сборном пункте.

¹ Исправлено по смыслу. В документе не согласованно *для выполнения*.

11 марта Уездным воинским начальником, начальником контрразведки мне было доложено, что призывные под влиянием пропаганды заявляют всевозможные требования: о выдаче им удостоверений, о том, что они призваны по мобилизации, а не добровольно, о выдаче их семьям пайков, [а] им – обмундирования. Получив эти сведения и желая устранить причины недовольства, я обратился к начальнику военно-окружного Интендантского управления подполковнику Павлову, который по моему требованию отпустил сначала 1 000 комплектов, а потом дополнительно еще 1 500 комплектов теплой одежды. Для уменьшения скопления на сборном пункте у [Тюменского уездного] воинского начальника призывных, было отдано приказание прибывающие эшелоны призывных останавливать на воинской платформе ст. Тюмень, там же их кормить, и по проверке и приеме призывных [Тюменским уездным] воинским начальником немедленно передавать приемщикам от частей. В виду усилившегося брожения среди подозрительного элемента, за которыми было установлено бдительное наблюдение чинами контрразведки и милиции, [в ночь] с 11 марта на 12 марта по моему приказанию были усилены патрули, выставлены секреты чинов милиции в соседних домах Ремесленного училища²⁵, где помещался артиллерийский склад. 12 марта я получил сведения, что в 2 часа ночи с 12 на 13 марта ожидается выступление скрытых большевиков, а равно и призывных. Утром 12 марта все меры предосторожности были приняты и части находились наготове, получив от меня соответствующие приказания. Считая, что в случае выступления единственным средством для быстрого и решительного подавления мятежа является решительный образ действий, полумерам нет места, я категорически приказал начальникам всех частей: действовать беспощадно, решительно и всех вооруженных мятежников расстреливать на местах, где они будут застигнуты. 13-го сего марта я получил такой же приказ²⁶ и¹ такой же приказ и вписано В.И. Зенкевичем черными чернилами над строкой. от командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Гайды.

13 марта утром около 11 час. утра толпа призывных во главе [с] мобилизованным Вороховым и другими большевиками с Томской и Садовой улиц ворвались в Ремесленное

¹ такой же приказ и вписано В.И. Зенкевичем черными чернилами над строкой.

училище, не встретив никакого сопротивления со стороны унтер-офицерского караула, отобрали у них оружие и начали разбирать ящики с оружием и патронами. Разобранное оружие передавали в ведение каких-то лиц, очевидно организаторов мятежа, которые и выдавали, и распределяли это оружие между участниками мятежа. О нападении на склад мне было доложено по телефону. Немедленно, не отходя от телефона, я приказал выключить все городские абонементные телефоны, поочередно осведомив всех начальников частей об обстановке вспыхнувшего мятежа и каждой части дал соответствующее приказание. Полковнику Червинке я передал по телефону о восстании призывных, причем указал еще, что в случае отказа в содействии вся ответственность последствия ложится на него. Коменданту ст. Тюмень я приказал усилить охрану станции ж. д. за счет 3-го батальона охраны железн[ой] дороги, которому было это приказание передано мною по телефону, а частям 6[-го Ганацкого] чехословацкого пешего полка прикрыть винный склад и тюрьму. Унтер-офицерской школе я приказал двинуться по Садовой улице к Ремесленному училищу, где был артиллерийский склад. К телефону склада мне не удалось никого вызвать, из чего я заключил, что там в это время находились мятежники. О мятеже сообщил начальнику милиции и Управляющему уездом. После этого вызвал к себе коменданта, с которым я поехал к Ремесленному училищу, туда же была двинута по моему приказанию рота 2[-го] Барабинского [кадрового] полка, [из] только что прибывшего в Тюмень батальона.

По прибытии в склад мятежников я не застал, но выяснил, что мятежники направились в лагерь военнопленных, куда за ними следом направилась унтер-офицерская пехотная школа, усиленная до 150 штыков офицерской пехотной школой. Осмотрев наскоро артиллерийский склад, я приказал коменданту города выставить офицерский караул, что и было немедленно исполнено. После поехал дальше с комендантом города по направлению Комендантского управления; и к этому времени были выставлены в разных местах города конные заставы и высланы разъезды от 2[-го] чехословацкого кавалерийского полка. По дороге к Комендантскому управлению я получил сведения, что в заречной части города идет усиленная агитация среди рабочих на всех заводах и раздаются прокламации об избииении офицеров и об обезоруживании чехословаков. Тогда я послал туда около сотни чехословаков для

рассеивания толпы и пресечения агитации. В мое пребывание у артиллерийского склада явились двое рабочих с запиской, уведомляющей, что они посланы для связи, я их арестовал и приказал отвести под конвоем в Комендантское управление для ареста. Стоя на улице у Комендантского управления, выяснил, что тюрьма не захвачена, но штабс-капитан Веселухин, дежурный по караулам, просит подкрепления, куда и послан был отряд 2[-го] Барабинского [кадрового] полка. К Комендантскому управлению прибыло 40 конных от Кадровой легкой артиллерийской батарееи.

Во время движения мятежников от артиллерийского склада по направлению к лагерю военнопленных банды мятежников возросла до 800 человек. В лагере военнопленных мятежники, не встретив со стороны караула никакого сопротивления, отобрали от него все оружие, сорвали погоны с офицеров и солдат и, захватив с собой красноармейцев, двинулись: частью к Сараяу, а меньшая часть к тюрьме. Будучи встречены оружием огнем, повернули к Сараям²⁷ и рассыпались в цепь по полотну железной дороги. К этому же времени подошли к полотну железной дороги: местная команда под командой подпоручика Пепилюка с одной стороны и части 6-го [Ганацкого] чехословацкого пешего полка со стороны вокзала. Местная команда и части 6[-го Ганацкого] чехословацкого пешего полка под общей командой подпоручика Пепилюка и открыли по¹ цепи мятежников огонь. В это время со стороны лагеря военнопленных подошла унтер-офицерская пехотная школа, которая, увидев цепь мятежников, стремительно, без выстрела, бросилась в атаку. Мятежники не выдержали и бросились бежать врассыпную к Сараям, где были окружены со всех сторон правительственными войсками. Здесь все захваченные мятежники с оружием в руках были расстреляны на месте, а остальные были арестованы и препровождены в тюрьму.

Немедленно было приказано приступить к выяснению виновности арестованных. В тот же день секретным приказом по гарнизону за № 1 был сформирован, на основании приказа наштаверх[а] от 4 января с[его] г[ода] за № 112, военно-полевой суд, который с 14 числа открыл свои действия. Мною были преданы полевому суду: Петр и Степан Карнауховы и Степан Волков. Осуждены они были к смертной казни через

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *под*.

рас[с]треляние; приговор, утвержденный мною на основании вышеуказанного приказа наштаверха, был приведен в исполнение немедленно. Таким образом, весь мятеж был подавлен в течение трех-четырёх часов, после чего части стали возвращаться по домам. Трупы убитых мятежников мною было приказано перевести в больницу для выяснения личности и регистрации числа трупов.

13 марта в 8 ½ час. вечера я собрал начальников отдельных частей: Управляющего уездом, начальника милиции, начальника контрразведки и командиров 2-го чехословацкого кавалерийского и 6-го Ганацкого чехословацкого пешего полков. На этом собрании на обсуждение было предложено ряд мер, имевших целью не допустить возникновение в дальнейшем каких-либо выступлений, как со стороны призывных, так и со стороны большевистских приспешников. На этом заседании было решено издать обязательное постановление о сдаче всем гражданским населением оружия, произвести обыск во всем городе для отобрания скрытого оружия и арестов подозрительных лиц. Воспрещено было появление [на улицах] после 8-ми часов вечера до 7-ми утра, для ускорения производства расследования по делам об арестованных во время мятежа мною были назначены в помощь чинам контрразведки офицеры артиллерийских школ.

В дни событий арестовано было в общем 567 человек и число это с каждым днем возрастало. Из числа выпущенных из лагеря военнопленных скрылись и находятся в бегах 206 человек.

Со стороны правительственных и чешских войск потерь нет. Раненых насчитывается всего трое: один милиционер (пулей в грудную клетку) и случайно один мужчина (пулей навывлет с раздроблением бедра), и одна женщина (пулей навывлет с раздроблением правого плеча). Количество разграбленного оружия и патронов при сем представляю в особом приложении.

В дополнение к вышеизложенному должен добавить, что в боевых действиях не могла принять участие конвойная команда (23 человека) по той причине, что она была захвачена мятежниками во время производства ею на плацу строевых занятий. Несмотря на смятение и угрозы, начальнику команды все же удалось спасти свое оружие и весь боевой комплект. Весь состав этой команды по моему распоряжению вр[еменно был] обезоружен; и затем оружие я возвратил.

Все караулы в городе в день 13 марта значительно усилились. На телеграфе и центральной телефонной станции были установлены офицерские посты.

В ночь с 13 на 14 марта был послан отряд 50 солдат [пр]и 2-х офицерах в с. Заводо-Успенское на бумажную фабрику Ятес для пресечения большевистской пропаганды среди рабочих, с ними был отправлен и сотник 1[-го] Кустанайского конно-киргизского полка Кичигин. Причем трое было расстреляно на местах на фабрике и арестовано 10 человек, которые были доставлены в Тюмень. Непосредственное участие в усмирении мятежа 13 марта приняли следующие воинские части: силой 1) унтер-офицерской пехотной школы, усиленной офицерской пехотной школой, до 150 штыков при 4 пулеметах, 2) от [2-го] Барабинского кадрового полка 120 штыков, 3) местная команда сборного пункта при Управлении Тюменского [уездного] воинского начальника – 60 штыков, 4) от 2[-го] кавалерийского чехословацкого полка 400 сабель, 5) [от] 6[-го] Ганацкого пешего чехословацкого полка 500 штыков, 6) случайных офицеров и лиц до 50-ти штыков.

Считаю долгом службы отметить доблестное поведение и решительный образ действий офицерской и унтер-офицерской пехотных школ под командой подполковника Заалова и полковника Головина²⁸, благодаря которым мятеж был быстро подавлен, а также и оказанной помощи при подавлении мятежа частями 2[-го] чехословацкого кавалерийского полка и 6[-го] Ганацкого пешего чехословацкого полка.

Не могу не отметить также и весьма полезной деятельности и распорядительности коменданта города подполковника Корзуна и моих помощников: подпоручиков Бобылева-Бобыль и Борисова, особенно последнего за его энергичную и отважную исполнительность по моим поручениям¹.

ОСНОВАНИЕ: Положение о срочн[ых] и внесрочн[ых] донес[ениях] приказа по в[оенному] в[едомству] 1911 г. № 524.

Полковник *Зенкевич*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 4-7. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

¹ На документе имеется делопроизводственная помета карандашом «Гражд[анское]. 24/III [1919 г.]».

**Рапорт начальника Контрразведывательного
отделения штаба Тюменского военного округа
подпоручика К.Н. Борисова
начальнику штаба Тюменского военного округа
генерал-майору А.А. Вихиреву № 1047
о внесудебном расстреле троих заключенных.
Гор. Тюмень, 18 марта 1919 г.**

*Секретно*¹

13 марта с[его] г[ода] во время мятежа в городе в целях наибольшей безопасности задержанных при вверенном мне отделении двое из них: КУЗЬМИН, комиссар Таврического дворца, и ЕМЕЛЬЯНОВ, убежденный злостный коммунист, еще при предшественнике моем пробравшийся в сотрудники отделения и расшифровавший весь личный состав его, тайный большевистский организатор, были отправлены мною в тюрьму. По полученным мною того же числа сведениям оказалось, что означенные лица, а также и Людмила Базилевская, служившая в большевистской контрразведке и бывшая на службе в отделении при предшественнике моем, поручике КУПРЕЯНОВЕ, виновная также в дешифровке состава отделения тайным большевистским органам, начальником чешской охраны тюрьмы в тот же день были расстреляны¹¹.

Подпоручик

Борисов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 10. Подлинник. Машинопись.

¹ Приписано и подчеркнуто черными чернилами.

¹¹ На документе имеется делопроизводственная помета карандашом «Гражд[анское]. 23/III [1919 г.]».

№ 20

**Рапорт заведующего юридической частью
Контрразведывательного отделения штаба
Тюменского военного округа чиновника военного
времени И.С. Шнейдера начальнику
Контрразведывательного отделения штаба
Тюменского военного округа подпоручику
К.Н. Борисову № 10 об обыске у городского головы
гор. Тюмени А.С. Флоринского.
Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г.**

14-го марта с[его] г[ода] в связи с полученными агентурными сведениями о том, что в квартире городского головы, не взирая на осадное положение города, происходит собрание при участии некоторых членов городской управы, представителей социалистических партий и представителей профессиональных союзов, считая подобное явление отнюдь не законным, я с имеющимися в Вашем распоряжении офицерами от артиллерийской и унтер-офицерской школ, а также с агентами Лещинским и Фридрихом, явился на квартиру городского головы Флоринского для роспуска указанного незаконного собрания и выемки протокола. По прибытии оказалось, что никого, кроме семьи городского головы, в квартире его не было. Мною были осмотрены комнаты, но ничего и ничего подозрительного не было. Городской голова, подойдя ко мне, после заданного мною вопроса о том, было ли у него собрание с указанными выше представителями, сказал, что мне на него сделали ложный донос, так как он, как городской голова, не может в то время, как город объявлен на осадном положении, допустить у себя на квартире какое бы то ни было собрание, а что того же числа действительно было заседание городской управы, но в здании управы и лишь по вопросу о посылке делегата в Омск – в высшие правительственные сферы на предмет исхощатствования средств для города. Выбранным – оказался член управы Рогожников, о чем и доношу¹.

Заведующий юридической частью,
чиновник военного времени

И. Шнейдер

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 44. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

¹ На документе имеются: 1) делопроизводственная помета черными чернилами «Вх[одящий] № 484. 19/III [1919 г.]» и 2) резолюция карандашом «К рапорту нач[альни]ку гарнизона. 19/III [1919 г.] Т.»

**Рапорт начальника Контрразведывательного
отделения штаба Тюменского военного округа
подпоручика К.Н. Борисова
начальнику гарнизона гор. Тюмени подполковнику
А.П. Корзуну № 1022 о внесудебном расстреле
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г.**

С[овершенно] секретно¹

В день мятежа – 13 сего марта, когда в отделение поступили сведения об усиленной агитации среди пока еще не примкнувших к восставшим рабочих фабрик и заводов Заречья²⁹ и указывали, что в этой агитации энергичное участие принимали среди других и гр[ажда]не гор. Тюмени Н.Н. Авдеев и О.А. Дилевская, отделением в целях пресечения дальнейшей преступной агитации этих лиц, тем более, что они были уже известны отделению, как видные советские работники, Авдеев и Дилевская были арестованы и препровождены в тюрьму. Вечером того же 13 марта, когда я находился в помещении унтер-офицерской школы, вызванный сюда начальником гарнизона на совещание начальников частей по вопросу о выработке необходимых срочных мер для предотвращения нового выступления, мне донесли из отделения, что при сопровождении из тюрьмы арестованных для допроса в отделение Авдеев и Дилевская были убиты конвоем при попытке бежать. На следующий же день я узнал, что Авдеев оказался только раненым и остался жив, и в настоящее время находится в тюрьме.

Вечером 14 марта мне стало известно, что городским головой гр[ажданином] Флоринским по поводу убийства Дилевской и Авдеева было созвано заседание управы, состоявшееся при закрытых дверях. Об этом заседании городской голова не только не испросил разрешения у начальника гарнизона на производство заседания, имея в виду обязательного постановления от __ марта за № 8, но даже и не поставил его в известность о предполагаемом заседании.

Об этом заседании мною были получены сведения, что таковое происходило на квартире городского головы, почему

¹ Приписано и подчеркнуто черными чернилами.

мною были командированы туда чины отделения. Чиновнику вверенного мне отделения ШНЕЙДЕРУ городской голова ответил, что на квартире у него никакого заседания не было, а такое происходило в городской управе и посвящено было финансовым вопросам города. Результатом такового заседания было решено командировать в г. Омск члена управы гр[ажданина] Рогожника (левый эсдек, редактор органа комитета Российской социал-демократической рабочей партии). Абсолютно не доверяя гр[ажданину] Флоринскому вообще, а в данном случае еще более, я затребовал от него копии протоколов заседания, каковые при сем представляю.

Изложенное доношу для сведения и на распоряжение.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Рапорт¹ чиновника Шнейдера от 19 марта за № 10³⁰ и 2 копии с копии протоколов заседания за № 286³¹.

Подпоручик

Борисов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 41. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

№ 22

**Рапорт начальника Контрразведывательного
отделения штаба Тюменского военного округа
подпоручика К.Н. Борисова
начальнику штаба Тюменского военного округа
генерал-майору А.А. Вихиреву № 1046
о расстреле комиссара Холмского.
Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г.**

Секретно^{II}

13 марта с[его] г[ода] при препровождении в тюрьму арестованного организатора лево-с-р отряда и комиссара почт и телеграфов ХОЛМСКОГО, последний пытался вырвать у конвойного винтовку и бежал, благодаря чему по нему было произведено 9 выстрелов, в результате чего ХОЛМСКИЙ был убит.

Подпоручик

Борисов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 14. Подлинник. Машинопись.

¹ Копия рапорта исправлена черными чернилами на рапорт.

^{II} Приписано и подчеркнуто черными чернилами.

**Доклад начальника Контрразведывательного
отделения штаба Тюменского военного округа
подпоручика К.Н. Борисова
начальнику штаба Тюменского военного округа
генерал-майору А.А. Вихиреву о подавлении мятежа.
Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г.**

Совершенно секретно^I

Копия^{II}

Еще до начала мобилизации в уездах Тюменского военного округа ко мне стали поступать сведения, что контингент населения, подлежащий призыву, крайне враждебно и недоброжелательно встречал слухи, а потом и приказ о^{III} мобилизации. Мне доносили, что подлежащие призыву намерены требовать от непосредственных для них властей удостоверения о том, что они «насильно» мобилизованы, а не поступили в войска армии добровольно, не скрывая причин своего требования – этот документ будет для них спасительным при сдаче в плен к противнику. Однако, не всюду и не все мобилизованные получили такие удостоверения, что объясняется приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего, объявленного в приказе по округу, запретившим выдачу удостоверений. Вместе с этим требованием мобилизованные также требовали немедленно их обмундировать, выдать паек их семьям, а в некоторых случаях даже и вооружать, и чтобы при отправлении им представлены были казенные подводы.

Все получаемые такие сведения мною немедленно докладывались по начальству.

Что касается мобилизованных в гор. Тюмени и прибывших сюда из уезда, то и они предъявляли такие требования, грозя, в противном случае, не пойти на посадку для отправления из Тюмени.

В гор. Тюмени мобилизованные были размещены в 4-х сборных пунктах: 1) полковые городские казармы, 2) ночлежный дом³², 3) магазин Кузнецова³⁵ и 4) магазин Бардыгина³⁴.

^I Приписано черными чернилами.

^{II} Приписано и подчеркнуто черными чернилами.

^{III} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *и*.

С первого же момент[а] водворения в указанные пункты мобилизованных мною были командированы сюда люди вверенного мне отделения с целью выяснения настроения мобилизованных, а равно и для слежки за агитаторами, проникшими по добытым данным агентуры в среду мобилизованных.

Получая сведения в этом направлении от своих людей, я немедленно же докладывал обо всем начальнику гарнизона.

Считаю долгом доложить, что наблюдатели вверенного мне отделения, несмотря на окончательную переутомленность, вследствие бессменной работы днем и ночью, безропотно и честно выполняли данные им поручения. То же самое должен доложить и обо всех прочих чинах отделения, отлично сознающих важность момента и находившихся днем и ночью на работе.

По негласным данным агентуры, мне вечером 12-го марта стало известно, что антиправительственная тайная организация, рассчитывая найти полную поддержку среди мобилизованных, решила на выступление в 2 часа ночи с 12-го на 13-ое марта. Получив эти сведения и учитывая, где приблизительно можно ожидать выступление, я немедленно же отдал распоряжение наблюдателям отправиться к ряду заводов и фабрик, а также и к некоторым иным пунктам города, где помещаются всевозможные союзы.

13-го марта утром, приняв доклады от наблюдателей, я, желая воспользоваться хотя [бы] двухчасовым отдыхом, направился к себе на квартиру, находящуюся рядом с Ремесленным училищем, где помещается склад оружия и боевых припасов.

Здесь я узнал, что только что артиллерийский склад подвергся разгрому мобилизованных и рабочих, подошедших к складу в количестве более 500 человек, а также получил сведения о пути направления мятежников, захвативших оружие, патроны и ручные гранаты. Узнав о происшедшем, я немедленно же отправился к начальнику гарнизона и в отделение, встретив по пути в полной боевой готовности унтер-офицерскую школу с приданными ей офицерами офицерской школы под начальством начальника школы подполковника Заалова¹. Доложив немедленно подполковнику Заалову о пути направления

¹ 3 абзаца текста от слов *По негласным данным* агентуры до слов *под начальством начальника школы подполковника Заалова* выделены на полях документа вертикальной чертой карандашом. Все пометы в тексте документа, предположительно, сделаны начальником отдела контрразведки штаба Верховного главнокомандующего полковником Н.П. Злобиным.

мятежников (часть их направилась к Туре к пристаням, а часть к мельнице Гусева), я прибыл в отделение для отдачи распоряжений. Но оказалось, что уже все наблюдатели, кроме дежурных двоих, рассыпались, узнав о происшествии, по собственному почину по городу.

Из отделения я отправился к начальнику гарнизона, доложил ему о случившемся, хотя ему уже было известно.

После этого я направился в Заречную часть, к пристаням, лагерям военнопленных, мельнице Гусева и тюрьме, с целью подробнее ознакомиться с положением дела, дабы доложить о сем начальнику гарнизона. Всюду я получал сведения, что восставшие были, но отправлены в другое место, и только у мельницы Гусева от патрулей узнал, что мятежники залегли редкой цепью за полотном железной дороги¹. Я отправился в этом направлении и нашел унтер-офицерскую школу, действовавшую против мятежников, подполковник Заалов мне сказал, что вся банда мятежников будет быстро ликвидирована, так как она, не выдерживая натиска и огня стрелковой школы, уже бросает оружие и разбегается.

От подполковника Заалова я направился к тюрьме, которой в это время не угрожала никакая опасность, и тюрьма была под охраной чешских войск.

После всего этого я явился к начальнику гарнизона и доложил обо всем, что имелось у меня.

В городе наступило сравнительное спокойствие (4–5 час. вечера), когда я получил сведения, что на заводах и фабриках Заречья идет опять усиленная агитация с призывом поддержать восставших, были указаны заводы Ломаева^{II}, Плишкина^{III} и Новоселова^{IV}. Получив эти сведения и доложив о сем начальнику гарнизона, я отправил на эти заводы последних своих людей, а затем и сам отправился туда же. В результате выяснилось, что агитация действительно была на возникавших немногочисленных собраниях рабочих, но не на заводах, а где-то около них; этих собраний к моему приезду и командированных мною людей уже не было.

^I Часть абзаца от слов *После этого* до слов *за полотном железной дороги* выделена на полях документа вертикальной чертой карандашом.

^{II} Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто карандашом.

^{III} Исправлено. В документе ошибочно *Плюшкина*.

^{IV} Предложение выделено на полях документа вертикальной чертой карандашом.

В связи с этим последним я получил сведения, что среди агитировавших были гр[аждане] Тюмени – Н.Н. Авдеев и О.А. Дилевская, каковые и были арестованы отделением.

Вечером того же 14-го марта я присутствовал по вызову начальника гарнизона на совещании начальников всех частей Тюмени и Управляющего уезда и начальника милиции, на котором было решено произвести облаву с целью отобрания оружия, излавливания подозрительных лиц в Заречье.

Руководство облавой было поручено мне, как начальнику контрразведки. Облава была назначена на 1 час ночи. В облаве принимали участие – часть унтер-офицерской школы, часть 1-го батальона 2-го Барабинского [кадрового] полка, часть карательного батальона 49-го [Сибирского стрелкового] полка, часть милиции, чины контрразведки и 19 человек офицеров офицерской школы. Вместо часа облава началась лишь в четыре часа ночи, каковая задержка вызвана опозданием прибытия на сборный пункт вследствие их переутомления за время их предыдущей работы. Всего участвовало в облаве 140 человек. В результате облавой было задержано 22 человека, препровожденных потом в комендантское управление. Облава была закончена в 8 час. утра.

Днем 15-го марта я присутствовал на совещании начальников частей по вопросу о распределении города на участки на предмет охранения их в случае возникновения нового восстания, а также на этом совещании было решено произвести облаву части города, называемой «Сараи». Облава была назначена на 4 ½ часа ночи.

Следует отметить, что население Сараев не внушало ранее и не внушает теперь абсолютно никакого доверия¹.

Облавой было поручено руководить мне.

По расстановке оцепления в 6 час. утра начались повальные обыски сразу в нескольких местах Сараев, причем обыски на заводе Машарова и на мельнице Гусева были произведены особой группой.

Результат обыска дал: 31 винт[овку] Бердана, 2 винт[овки] Гра, револьверы, охотничьи ружья, большевистскую литературу и 30 задержанных.

Облава была закончена в 11 час. дня.

В облаве принимали участие до 1000 человек от местных частей, милиции и контрразведки.

¹ Предложение выделено на полях документа вертикальной чертой карандашом.

С самого начала мятежа по получении материалов офицерский состав контрразведки, усиленный офицерами от частей, приступил к разбору дел задержанных, препровождая результаты разбора по принадлежности.

Днем 13-го марта, когда были получены сведения, что среди агитировавших принимали участие уже известные отделению гр[аждане] Тюмени Н.Н. Авдеев и О.А. Дилевская, таковые были арестованы и препровождены в тюрьму. Между прочим, при личном обыске на вопрос к Дилевской, обращенный чином отделения, есть ли у нее что-либо и где, – Дилевская ответила, что при ней конечно нет, а есть [там], где никто не найдет.

Авдеев и Дилевская были уже однажды арестованы контрразведкой, но по ходатайству городского головы Тюмени гр[ажданина] Флоринского¹ были освобождены еще при моем предшественнике. Авдеев и Дилевская служили у советской власти вплоть до занятия Тюмени войсками Сибирской армии и, насколько видно из документов, были ее ревностными служителями. Авдеев – член Крестьянской партии, кандидат в члены Учредительного собрания, как от этой партии, так и от Российской социал-демократической рабочей партии, левый эсдек, редактор газеты «Крестьянин и Рабочий» крайне левого направления, председатель Союза, выбранного для разработки устава «Народного дома в память павших борцов за свободу», каковой устав регистрационным отделом Тобольского окружного суда утвержден не был, и бывший председатель ревизионной и финансовой комиссии местного Совдепа, вместе с Дилевской – секретарем того же Совдепа, секретарем Центрального бюро профессионального союза, под флагом коего скрываются подозрительные лица, после занятия города Тюмени войсками Сибирской армии и до сего времени состояли членами комиссии при городской управе по ликвидации и разбору дел большевистского правления.

Эти два лица связаны также и с последними забастовками Тюмени, как вдохновители ее, вместе с Виницким и Казанцевым, из коих первый – председатель Судосоюза³⁵, а второй – председатель Центрального бюро профессиональных союзов³⁶. Названное бюро сыграло не малую роль в последней забастовке³⁷ в Тюмени, что видно из прилагаемой при сем прокламации.

¹ 2 абзаца от слов *Между прочим* до слов *Флоринского* выделены на полях документа вертикальной чертой карандашом.

Авдеев и Дилевская в виду тревожного времени были препровождены в тюрьму. Вечером они были вызваны для допроса в Отделение, но по дороге пытались бежать и в них дан был залп, после которого оба они упали замертво. На следующий день, однако, оказалось, что Авдеев остался жив, будучи ранен в плечо и руку.

14-го марта, как потом выяснилось, городским головою А.С. Флоринским было собрано заседание городской управы под его председательством, в составе товарища городского головы Кузнецова и членов управы Рогожникава, Пагирева и Глузман[а]. Заседание, обсудив вопрос о расстреле Авдеева и Дилевской, переданный Флоринским со слов раненного Авдеева, постановило потребовать проверки закономерности действий со стороны властей и довести до сведения высших властей, вплоть до генерала Гайды и министров юстиции и внутренних дел. Все упомянутые члены управы принадлежат к партии эсдеков: Рогожников был одно время редактором местного органа эсдек[ов], закрытого навсегда распоряжением наштаверха. Пагирев был уездным комиссаром по выборам, но затем был смещен. По поступившим же сведениям агентуры, кроме этого заседания состоялось еще частное собрание в доме, где живет городской голова Флоринский. Посланный мною туда немедленно офицер для поручений никакого собрания уже не застал. Флоринский был очень взволнован прибытием офицера и в своих объяснениях указал, что никакого собрания у него на квартире не было, да и не могло быть в силу занимаемого им поста, а было лишь утром заседание в управе, посвященное разработке финансовых вопросов города, в результате чего было постановлено командировать члена управы Рогожникава в Омск за получением для города денег.

Находящаяся в данное время у власти городская управа избрана всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием во время правительства Керенского, причем в избрании ее принимал участие и местный гарнизон (35[-й] Сибирский запасный полк, 710[-я] пешая Тобольская дружина, Конский запас, местная команда и другие части). Благодаря указанному составу избирателей, состав гласных оказался исключительно социалистическим, с большим уклоном влево. По свержении большевизма дума эта в полном составе вновь вступила в управление города, причем часто помимо решения городских дел в своих заседаниях обсуждает постановления и действия правительства, сплошь

и рядом неодобрительно относясь к таковым. Городское население не довольно настоящим составом городской думы и с нетерпением ждет нового закона о выборах, дабы сменить эту думу.

Как установлено наблюдением, вечером 14-го марта на квартиру к городскому голове прибыл товарищ городского головы М.Ф. Кузнецов, где и провел ночь на 15-ое. Кроме него, еще одно лицо прибыло туда же и также осталось ночевать у Флоринского, личность его установить не удалось.

Факты, что Флоринский ходатайствовал об освобождении Авдеева и Дилевской, несмотря на ряд компрометирующих последних документов, что управа считает его и Дилевскую «невинно пострадавшими», что оба они служили в управе в комиссии по ликвидации советских учреждений – говорят сами за себя.

Кроме того, по негласным сведениям, не только Авдеев и Дилевская, но вся городская управа принимала непосредственное участие в агитации среди рабочих в ночь с 12-го на 13-ое марта. Сведения эти подтверждаются слухами, циркулирующими среди лучшей части населения города.

14-го марта днем сначала ко мне, а затем и к начальнику гарнизона прибывала делегация в составе представителей от партий с[оциалистов]-р[еволюционеров], с[оциал]-д[емократов], Народного дома³⁸ и Тюменского союза потребительских о[бществ] в с целью выяснить причины ареста Дилевской и Авдеева. Коим по моему настоянию в ходатайстве было отказано, в виду незаконности сообщения сведений о причинах ареста контрразведкой.

Есть много данных предполагать, что в выступлении 13-го марта сыграло большую роль Центральное бюро профессиональных союзов, секретарем коего состояла Дилевская и причастность к каковому имел также и Авдеев. При названном бюро имелся Центральный стачечный комитет, руководивший всеми забастовками, бывшими за последнее время на заводах в Тюмени: что забастовки организовывались этим комитетом указывают сами рабочие. Между прочим, существует какая-то связь между городской управой и Центральным бюро профессиональных союзов, установить которую точно до сих пор не удалось за исключением факта службы Дилевской в названном союзе и управе. Факт руководства забастовками Центральным союзом подтверждается тем, что в 11 часов утра 13-го марта на ст. Тугулым упорно циркулировали слухи о захвате Тюме-

ни большевиками. Несколько задержанных еще в октябре 1918 года телеграмм в связи с бывшей в то время забастовкой на¹ жел[езных] дор[огах] указывают на связь в этом вопросе между собою Центральными бюро профессиональных союзов Тюмени и окрестных уездных городов. Председателем Центрального бюро профессионального союза состоит некто Казанцев, бывший одно время редактором местного органа с[оциал]-д[емократов]. Имеет отношение к местной больничной кассе, где состоит, кажется, секретарем. Вообще, следует отметить, что все профессиональные союзы держат предпринимателей в руках и диктуют им свои условия, опираясь, видимо, на какую-то силу или имея какую-либо поддержку, быть может, исходящую и от городской управы. Для противодействия чрезмерным требованиям этих союзов начали организовываться союзы предпринимателей-торгово-промышленников, но пока организован был только один Союз тюменских фабрикантов и заводчиков.

В заключение считаю нужным отметить отношение городской думы и Центрального бюро профессиональных союзов к органу контрразведки. Городская управа и названное бюро не только не оказывали никогда никакой поддержки органу контрразведки, хотя бы даже оставаясь пассивными, но наоборот всячески старались подорвать авторитет этого органа, видя опасность с той стороны, где таковая не угрожала. Иллюстрацией к сему служит поданное мне заявление сестры офицера, служившего ранее в Тюменском отделении контрразведки, каковая даже секретным агентом не состояла и в данное время не состоит.

Все вышеизложенное прошу доложить Главному начальнику Тюменского военного округа и просить его довести о сем до сведения командующего Сибирской армией¹¹.

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Обязательное постановление уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Тюменскому уезду за № 8; 2) Копия определения Тюменской городской управы от 14 марта сего года № 256³⁹; 3) Копия протокола особого соединенного совещания гласных городской и земской управ и других от 14 марта сего года; 4) Копия заявления сестры [нрзб]

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно за.

¹¹ На документе стоит делопроизводственный штамп «ЗАРЕГИСТРИРОВАН».

снослюбовского от 15 марта; 5) Выписка из письма гр[ажданина] Колмогорова; 6) Коп[ия] рап[орта] моего от 18 марта с[его] г[ода] № 1038; 7) Коп[ия] рап[орта] ч[иновника] в[оенного] в[ремени] Шнейдера от 19 марта № 10⁴⁰; 8) Прокламация, найденная 13-го марта во время ликвидации мятежа¹.

Подпоручик

Борисов

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 37–40. Заверенная копия. Машинопись.

№ 24

**Отношение вр. и. д. Главного инспектора
по пересылке арестантов начальнику Тюменской
конвойной команды капитану
А.П. Максимову № 4 о недостойном звания
офицера поведении последнего во время восстания.
Гор. Омск, 19 марта 1919 г.**

Секретно

Получив Ваш позорный^{II} рапорт, не нахожу слов, чтобы в достаточной форме выразить Вам свое негодование по поводу как Вашего поведения, так и поведения вверенной Вам команды. Вы и Ваши солдаты должны были или умереть на своем посту, или не допустить бунтовщиков в команду. Ваши оправдания, что Вы не были предупреждены никем из начальствующих лиц гарнизона не заслуживают ни малейшего внимания, так как исправная воинская часть всегда должна быть готова в переживаемое смутное время к встрече врага и никакое нападение не должно быть для нее неожиданным. Захват оружия вверенной Вам команды восставшими ляжет на долгое время тяжелым пятном на команду. Ваши выражения «бежали в панике» позорны для русского солдата. Все это наводит меня на мысль, что Ваши солдаты не получили настоящего воинского воспитания, иначе они скорее бы умерли, чем позволили бы, во-первых, бежать от толпы, да еще в панике, во-вторых, допустить толпу в казармы и позволить ей захватить винтовку и 24 шашки.

^I В архивном деле отсутствуют.

^{II} *позорный* впечатано на пишущей машинке поверх слова *подробный*.

Вместе с тем я предупреждаю, что в настоящее тяжелое время во главе воинских частей могут* стоять только такие офицеры, которые не задумываясь умрут на своем посту, запечатлев кровью свою преданность правительству и тому же сумеют научить своих солдат.

Вр. и. д. Главного инспектора по
пересылке арестантов, полковник

И. д. старшего делопроизводителя,
подполковник [М.К. Центилович⁴¹]

ГАРФ. Ф. Р-3908. Оп. 1. Д. 37. Л. 43. Отпуск. Машинопись.

№ 25

**Отношение начальника Контрразведывательного
отделения штаба Тюменского военного округа
подпоручика К.Н. Борисова
начальнику отдела контрразведки штаба
Верховного главнокомандующего полковнику
Н.П. Злобину № 1081 об отправке
доклада о подавлении восстания.
Гор. Тюмень, 20 марта 1919 г.**

Представляю при сем для сведения копию доклада моего от 19-го сего марта начальнику штаба Тюменского военного округа; при этом доношу, что все поименованные в докладе приложения представлены при подлинном докладе начальнику штаба¹.

Приложение: копия доклада⁴².

Подпоручик

Борисов

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Подлинник. Машинопись.

¹ На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Отдел контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего. Вх[одящий] №1200. 5 апреля 1919 г.» и 2) делопроизводственный штамп «Зарегистрирован».

**Статья в тобольской газете «Сибирский листок»
о ходе восстания мобилизованных.
Гор. Тобольск, 20 марта 1919 г.**

События 13 марта. Теперь, когда мятеж окончательно подавлен, когда жизнь начинает входить в свои нормальные условия, можно дать почти полную картину свершившихся событий злополучного для Тюмени дня.

Все помещенные ниже сведения основаны частью на рассказах некоторых отдельных военачальников, принимавших участие в подавлении мятежа, частью — на показаниях отдельных лиц, бывших свидетелями некоторых эпизодов в течение дня в разных местах города.

Этими сведениями, в достоверности которых сомневаться не приходится, устраняются всевозможные преувеличенные слухи, вконец извращающие действительность.

В девятом часу утра к зданию ремесленного училища по Садовой улице подошла большая толпа.

В этой толпе были и мобилизованные солдаты, и рабочие, и даже женщины.

Толпа, подойдя, начала о чем-то совещаться. Отдельные группы пытались проникнуть в здание, войдя во двор его.

К ним вышел инспектор училища⁴⁵, и на вопрос его, что угодно пришедшим, из толпы послышался голос: «Ты, Григорий Михайлович, уходи, ни тебя, ни твоих учеников мы не тронем».

Инспектор пытался было объяснить что-то такое толпе, но был быстро отеснен, и часть из толпы вошла в здание.

Здесь, обезоружив военный караул, вошедшие, по видимому уже знавшие ранее, где хранится оружие, прямо направились к этому месту и, взяв винтовки и патроны к ним, вышли из здания и направились к берегу реки вблизи ремесленного училища.

Здесь оружие было роздано по рукам, причем часть из этого оружия, как других образцов, к которым имеющиеся патроны не подходили, была брошена.

Вооружившись, толпа направилась к концентрационному лагерю, задерживая по дороге всех встречающихся мужчин и увлекая, часто насильно, их с собою.

Придя в лагерь, эта вооруженная банда быстро обезоружила караул и предложила всем находящимся там военнопленным красноармейцам и другим присоединиться к ней.

Из числа огромного количества пленных красных, находящихся в лагере, желающих присоединиться оказалось очень мало, но зато приняли это предложение в огромном большинстве пленные мадьяры.

Из лагеря мятежники двинулись к городу, и, по-видимому, решено было направиться к тюрьме, чтобы освободить заключенных в ней.

Покуда это происходило, военными властями были уже предприняты меры к подавлению мятежа.

По тревоге были вызваны все воинские части гарнизона и весь состав офицерской и унтер-офицерской школ.

Кроме этого, вызваны были конные и пешие части чешских полков.

Часть этой военной силы сейчас же приняла на себя охрану центра города, выслав всюду конный и пеший патруль, а часть двинулась в оцепление местности, по которой приближалась толпа мятежников.

К самой тюрьме подошла большая группа в 50-60 чел., но, встреченная огнем караула, быстро отступила и стала обстреливать здание тюрьмы.

Под метким огнем правительственных войск мятежники недолго устояли, и большая часть из них, побросав оружие, убежала по направлению к Сараям. Отряды перешли в наступление и, быстро покончив с оставшимися мятежниками, направилась вслед убежавшим в Сарай. Здесь каждого, кого только замечали с оружием в руках, расстреливали.

В этих боях никто из правительственных войск не пострадал, а убитых и раненых мятежников оказалось приблизительно около ста человек.

Были, конечно, и случайные жертвы среди мирных жителей, оказавшихся на улицах во время этой перестрелки. Этим самым «бой», длившийся всего около 2-3 ч., и закончился.

В дальнейшем воинские части занялись обыском в тех же Сараях для обнаружения оружия и, главным образом, пленных мадьяр, убежавших из лагеря.

К вечеру того же дня в городскую тюрьму было доставлено очень много лиц, так или иначе причастных к мятежу.

Некоторые из них, причастность которых к восстанию оказалась очевидной, были тут же расстреляны. Прочих ожидает решение военно-полевого суда.

К 8 ч. вечера мятеж был подавлен окончательно, и только приказ о прекращении движения по городу с этого часа давал знать, что в городе что-то такое совершилось.

События 13 марта // Сибирский листок. 1919. 20 марта. № 57.

Публ. по: Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. (1917–1920 гг.). Сб. док. материалов / Отв. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1967. С. 278–280.

№ 27

Рапорт начальника Главного управления мест заключения П.К. Грана Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку №285 о Тюменской конвойной команде. Гор. Омск, 21 марта 1919 г.

Рапортом от 14 марта с[его] г[ода] за № 4 на имя Главного инспектора по пересылке арестантов начальник Тюменской конвойной команды донес, что 13-го марта во время беспорядков в г. Тюмени вооруженная толпа народу и солдат, численностью около 500 чел[овек], бросилась к конвойной команде. Занимавшиеся на плацу против помещения команды 23 конвойных солдата, по выражению начальника команды, «в панике бежали в помещение». Толпа ворвалась вслед за ними, требуя выдачи винтовок и патронов и присоединения к восставшим.

Начальник команды находился в команде, но проявил растерянность до того, что даже дал себя обыскать ворвавшейся толпе. На требование толпы солдаты команды отвечали категорическим отказом и толпа ушла; причем после ее ухода была обнаружена пропажа 24 шашек, стоявших в пирамиде у входа, и одной заручной винтовки.

И. д. Главного инспектора по пересылке арестантов поведение Тюменской конвойной команды и ее начальника признано малодушным и им назначено производство дознания, о результатах коего будет донесено дополнительно.

ГАРФ. Ф. Р-3908. Оп. 1. Д. 76. Л. 3. Отпуск. Машинопись.

**Отношение начальника гарнизона гор. Тюмени,
командира Тюменской кадровой легкой батареи
подполковника А.П. Корзуна
председателю военно-полевого суда
Тюменского гарнизона, начальнику
Фейерверкерской артиллерийской школы
Тюменского военного округа подполковнику
С.В. Стрельбицкому № 867 о производстве дознания
по делу о внесудебном расстреле
О.А. Дилевской и Н.Н. Авдеева.
Гор. Тюмень, 24 марта 1919 г.**

Секретно^I

Предлагаю произвести дознание по рапорту начальника контрразведки от 1[9]-го сего марта за № 1022⁴⁴ [и] выяснить следующие вопросы:

1) Кем отдано распоряжение об отправлении в тюрьму Дилевской^{II} и Авдеева.

2) Имена и фамилии и какой части конвойных солдат.

3) Проверить показания Авдеева.

4) По чьей инициативе, вопреки обязательного постановления за № 8, было собрано заседание членов городской управы, вынесшее определение заседания от 14-го марта 1919 года № 256⁴⁵ и протокол.

Подполковник

Корзун

Гарнизонный адъютант,
прапорщик

Полисадо

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 40. Подлинник. Машинопись.

^I Приписано и подчеркнуто черными чернилами.

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *Гилевской*.

**Из информационной сводки Особого отдела
Департамента милиции Министерства внутренних
дел Российского правительства № 7
о событиях политического характера
и общественном настроении
за период с 17 по 24 марта 1919 г.
Гор. Омск, 24 марта 1919 г.**

<...>

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

(Вх[одящие] № 654, 694, 723, 732, 738 и 739)¹

В с. Резанское Бергамакской волости Тарского уезда были командированы помощник лесничего, а также чины лесной милиции для производства конфискации леса, самовольно нарубленного населением.

25 февраля означенные лица не были допущены крестьянами к исполнению своих обязанностей и арестованы, причем [крестьяне] разослали по другим обществам волости агитаторов с призывом на помощь жителям села Резанского.

26 февраля в означенное село отправлен отряд милиции и воинских чинов для водворения порядка и ареста виновных и агитаторов.

Вечером 5 марта в с. Лебязьем Курганского уезда толпа призывных солдат напала на милиционера, избива его и отобрала револьвер.

13 марта в 11 час. дня в г. Тюмени призывные, подлежащие отправке, захватили склад оружия, находящийся в здании Ремесленного училища, похитили винтовки, патроны, тесаки и пики. Толпа двинулась в лагерь военнопленных, где помещались красноармейцы в числе 2 000 чел. Часть восставших заняла Копыловские сараи, откуда двинулась на освобождение тюрьмы и к винному складу, но тут были оттеснены и засели в Сараях и мельнице Гусевой.

Решительными мерами милиции и воинскими чешскими отрядами 14 марта восстание было окончательно подавлено.

¹ Приписано черными чернилами.

Красноармейцы к восстанию не примкнули, но разбежались в числе 206 чел., которые ушли в уезды. Приняты меры к розыску их и задержанию.

Толпой похищено 575 винтовок и патроны, отобрано [обратно] около 300 винтовок и большая часть патронов.

Задержано около 600 чел.

С нашей стороны ранен смертельно один милиционер, из толпы убитых пока установлено 28 чел., в числе их – секретарь [профессионального] союза рабочих^I Дилевская^{II}.

В город прибыла из Новониколаевска часть [2-го] Барабинского [кадрового] полка.

Особая комиссия проверяет задержанных, виновных предает открывшему свои действия полевому суду; производятся обыски и облавы.

Распоряжением начальника [Тюменского военного] округа 17 марта навсегда закрыта тюменская газета «Наш путь»⁴⁶.

Управляющий губернией, в виду переживаемого момента, просит оказать содействие к освобождению на основании закона 28 декабря от призыва всей наружной милиции в губернии, так как командующий Сибирской армией приказал освободить только отдельных лиц по особому ходатайству.

В г. Туринске призывные сопротивлялись отправке, 7 марта были беспорядки, в милицию бросили бомбу, которая не разорвалась.

Были вызваны войска, толпа рассеяна и порядок восстановлен, причем с нашей стороны ранен солдат, а призывных убито двое.

14 марта состоялся полевой суд, которым 7 приговорено к смертной казни, 1 заключен в тюрьму и 11 оправдано. Осужденные казнены того же 14 марта.

В городе спокойно.

В поселке Ноняйнском^{III} Бергамаской^{IV} волости Тарского уезда убит помощник участкового начальника – Наумов.

В остальных частях губернии мобилизация заканчивается спокойно, и беспорядков не было.

<...>

^I Абзац выделен на полях документа вертикальной чертой карандашом.

^{II} В документе ошибочно *Ойлевская*. Затем исправлено черными чернилами на *Дилевская*.

^{III} Так в документе.

^{IV} Исправлено. В документе ошибочно *Биркомакской*.

Подписал:

Управляющий Особым отделом

Романов

Верно:

Начальник 2-го отделения

В. Кастрицын

ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 28. Л. 19–21. Заверенная копия. Машинопись с рукописной правкой.

№ 30

Показания заключенного Н.Н. Авдеева о внесудебном расстреле его самого и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 25 марта 1919 г.

Гражданин гор. Тюмени Николай Николаевич Авдеев, преподаватель русского языка и истории Ремесленного училища имени Текутьева, лет от роду 39, вероисповедания православного, опрошенный мною 25-го сего марта, показал следующее:

23-го марта я в 8 час. утра отправился на уроки в Ремесленное училище, где в тот день у меня было два урока. По окончании уроков в 10 час. я зашел домой и оттуда^I отправился в помещение типографии Союза потребительных обществ, при которой печаталась газета «Наш путь», фактическим редактором^{II} которой был я, и приступил к обычной работе.

Около 12 час. дня в редакцию проникло известие о происходящих в городе беспорядках, но ни я, ни служащие о чем-либо готовившемся даже не подозревали и для нас это было неожиданностью; у меня сложилось убеждение, что все это выступление бессмысленное и безумное носило характер случайный и беспочвенный.

В 3 часа дня в помещение редакции вошел чех высокого роста и на его появление сначала я не обратил внимания, как вдруг он громко спросил «кто здесь господин Авдеев?». Я ответил – что я и на предложение его отправиться вместе с ним в контрразведку, одел^{III} пальто и вышел вместе с ним.

^I *зашел домой и оттуда* вписано Стрельбицким черными чернилами над строкой.

^{II} Над строкой карандашом неустановленным лицом приписано *одним из*.

^{III} После *одел* Стрельбицким зачеркнуто *и*.

По прибытии в помещение контрразведки я там застал уже Ольгу Александровну Дилевскую^I; нас ввели в комнату, которая, как я помню, находилась против двери с надписью «юридическая часть». Здесь нас обыскали, причем обыск делал старичок лет 60-ти. У меня взяли 350 руб. денег, а у Дилевской 160 руб., оставив при нас лишь мелочь марками, кроме денег у меня были взяты документы и записки незначительного характера, а у Дилевской ее записную книжку.

Затем нас отвели в помещение для арестованных, находившееся вблизи, [на]против почти помещения контрразведки, откуда около 6 час. нас на извозчиках^{II} отвезли в тюрьму, поместив вначале в помещении около конторы тюрьмы, а затем уже в самую тюрьму, меня в мужское, а Дилевскую в женское отделение, где и посадили в отдельные камеры.

Часов около 10 меня вызвали в контору тюрьмы, где уже находилась О.А. Дилевская, нам объявили, что нас требуют в контрразведку для допроса, тут же находились еще трое мужчин^{III}, фамилия одного была Зивтер^{IV}, которого я знал, как служившего в канцелярии Коммерчес[кого] уч[илища], двое других же были мне неизвестны. Под конвоем нас повели и минут через двадцать мы прибыли к месту и [нас] ввели в комнату, в которой находился телефон. Помню, что офицер высокий, худой, русый подошел к телефону и с кем-то говорил, называя наши фамилии, после чего нам сказали, что допроса пока не будет и оставили^V в помещении^{VI}. Через 20 минут в помещение вошли 6–7 человек солдат с ружьями и с ними офицер. Какой части были офицер и солдаты, я не знаю, помню, что все они были в полушубках. Офицер был, по-видимому, в возбужденном состоянии и крикнул нам «собирайтесь!». Мы, удивленные, спросили «как собираться – а допрос?», на что последовал^{VII} ответ, что никакого допроса не будет.

Чувствую что-то недоброе, О.А. Дилевская мне сказала, что с нами что-то случится. Я ее успокаивал и говорил, что нас

^I Исправлено. Здесь и далее по тексту документа ошибочно *Делевская*.

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *извозчиках*.

^{III} Исправлено. В документе ошибочно *мущин*.

^{IV} Так в документе. Правильно – *Зиверт*.

^V *оставили* вписано Стрельбицким над строкой. Под ним зачеркнуто *отвели*.

^{VI} После *в помещении* Стрельбицким зачеркнуто *для арестованных, где мы были уже утром*.

^{VII} После *на что последовал* Стрельбицким зачеркнуто *допрос*.

отправляют в тюрьму. Когда же мы прошли улицу, в которую обыкновенно сворачивают, направляясь к тюрьме, я сам почувствовал, что тут что-то не ладно, но успокоил себя тем, что можно пройти к тюрьме и другой улицей и что конвой ведет нас этим путем с целью избежать встреч. Пройдя базарную площадь и городские весы, раздался окрик «стой» – мы остановились. Тот же голос спросил «деньги есть?» – мы ответили, что денег нет, их у нас взяли в контрразведке. «Ну так есть пальто – снимайте» – сказал тот же голос, по-видимому, распорядился кто-то один из солдат, но не офицер, за темнотой и волнением я разглядеть его не мог. Когда мы сняли пальто¹, нас поставили полуциркулем, причем я оказался в середине, и взяли ружья на прицел. Помню, что О.А. Дилевская крикнула «ну если стреляете – то стреляйте скорей» – раздался выстрел и первым упала Дилевская, а затем рядом неизвестный мне мужчина^{II}, который, как помню, застонал. Вслед за тем я почувствовал, как у меня как будто отнялась рука, и я упал. Я был в сознании и помню, что когда прекратились выстрелы, то стали осматривать, не остался ли кто жив, и так как^{III} упавший со мной рядом еще стонал, то последовал окрик «приколи, только смотри, не уродуй тело». Я, вероятно инстинктивно, не стонал, почему меня и сочли мертвым. Затем с нас начали снимать обувь и так как у меня были ботинки на шнурках, то их разорвали и потом уже сняли ботинки.

Когда солдаты удалились, я пролежал некоторое время, так как думал, что они могут еще вернуться, чтобы удостовериться действительно ли мы все мертвы, так как, не чувствуя за собой никакой вины – видел я в этом расстреле уголовщину. Выждав, я попробовал встать и, собравшись с силами, действительно встал и пошел, намереваясь пройти домой на Большую Разъездную улицу. Пройдя всю базарную площадь, я никого не встретил, а идя по Ишимской ул[ице], навстречу мне попался патруль, который меня окликнул «кто идет?». Не знаю почему, скорее повинувшись инстинкту, я ответил «свой». К моему счастью, у меня не взяли шапки, а за темнотой патруль не обратил внимание на то, что я был без сапог в одних чулках, которые, напитанные кровью, покрылись черной корой. Когда я ответил на их вопрос, куда я иду и почему так поздно, не имея пропу-

^I Исправлено. В документе ошибочно *пальта*.

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *мущина*.

^{III} как вписано Стрельбицким над строкой.

ска, что иду домой на Большую Разъездную, и что не знал о за-
прещении выходить на улицу позже 8 час., меня пропустили,
ввиду близости моей квартиры, спросив лишь что за выстрелы
были на базарной площади, на что я отговорился незнанием.
Добравшись до своей квартиры, я долго стучался, пока меня
впустили, и, взойдя по лестнице ступенек 12, упал на колени и
тогда с помощью прислуги добрался до своей постели, попро-
сил меня обмыть и забылся.

Утром в 8 час. я очнулся и стал обдумывать свое положе-
ние и где искать защиты. Инстинкт мне подсказал обратиться
к городскому голове, который кстати жил довольно близко от
меня на Серебряковской улице, о том же, что еще ближе⁴⁷ было
Комендантское управление, я не знал и мне в голову не при-
ходило. С помощью прислуги я доехал до квартиры городского
голова, который меня устроил в отдельной комнате и призвал
врача для подачи мне медицинской помощи. Я ему рассказал
обо всем случившемся, и он мне сказал, что ему надо дать знать
властям, и уехал. Около 3 час. он вернулся и сказал, что меня
необходимо отвезти в тюремную больницу, и действительно,
вскоре прибыл экипаж и я под конвоем милиционеров был
отвезен в тюремную больницу. Чем вызван был арест мой, я
объяснить не могу. Думается, что причиной могла послужить
неосведомленность широких слоев общества гор. Тюмени о
характере моей политической и общественной деятельности.
Я состою членом партии социал-демократов меньшевиков и
даже председатель комитета этой партии в г. Тюмени, кроме
того, состою председателем¹ правления общества «Народный
дом». Будучи избран представителем Учительского общества
г. Тюмени и стоя на платформе Всероссийского Учительского
союза, я действительно входил в состав совдепии при больше-
виках, но здесь я не занимал никаких должностей и все мои вы-
ступления носили оппозиционный характер и все усилия мои
направлены [были] к устранению произвола и жестокостей и
проявлению большей закономерности. Все это можно подтвер-
дить документальными данными. Через все передовые статьи,
помещаемые мною в газете «Наш путь», я проводил мысли,
в которых ясно выражалось мое отрицательное отношение к
большевизму. В частности же, я неоднократно указывал на уто-
пичность социализма в настоящее время, когда можно только

¹ После *председателем* зачеркнуто *об.*

мечтать о демократизме. Агитацией я никогда не занимался и на заводе Машарова я был только один раз – это накануне выборов в городскую думу.

За ранением правой руки
показания записывал подполковник *Стрельбицкий*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 51-53. Подлинник. Рукопись.

№ 31

Показания офицера по хозяйственной части Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа поручика Ильина о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 25 марта 1919 г.

Показания офицера по хозяйственной части Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа поручика Ильина, по делу Авдеева и Дилевской:

По настоящему делу мне ничего не известно, так как в круг моих обязанностей не входит чисто оперативная работа Контрразведывательного отделения. Сообщить же суть дела на заданные мне вопросы, основываясь по разговорам чинов отделения, считаю не возможным.

Во время мятежа 13 марта я не был дежурным по отделению, а лишь вступил на дежурство в 5 часов утра 14-го марта.

Поручик *Ильин*

25 марта 1919 г.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 45. Подлинник. Рукопись.

**Показания Тюменского городского головы
А.С. Флоринского о внесудебном расстреле
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской и чрезвычайном
заседании Тюменской городской управы.
Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г.**

Я, Тюменский городской голова Алексей Семенович Флоринский, вероисповедания православного, 42 лет, будучи спрошен по делу Авдеева и созыва общего присутствия управы, показываю нижеследующее:

О преступном мятеже мобилизованных солдат я узнал того же 13-го марта около 1 часу дня. Ни о характере, ни объеме мятежа, а также мерах, принятых властью к его подавлению, мне известно не было и только случайно, будучи 13 марта на заседании комитета Сиропитательного заведения⁴⁸, назначенного на 5 часов вечера, я узнал о воспрещении ходить по городу без особых на то пропусков после 8 ч. вечера. Получив такое сообщение от одного из членов указанного комитета, я, как председатель совещания по должности городского головы, закрыл заседание¹ в 7 ч. и оправился домой, и, находясь дома безвыходно до ½ 10 ч.⁴⁹ следующего дня, естественно, не мог знать юридической стороны объявленного военными властями положения, в частности, мне совершенно не было известно о воспрещении^{II} всяких собраний, заседаний и проч[его]^{III}.

Часов около 8 утра 14-го марта ко мне на квартиру пришла неизвестная мне женщина, впоследствии оказавшаяся прислугой Авдеева, а с ней квартирант того же Авдеева и сообщили, что Авдеев и Дилевская, арестованные 13-го марта, подверглись расстрелу, но что Авдеев, оказавшийся не убитым, а только раненым, пришел к себе на квартиру и что они не знают, как с ним быть. Я заявил пришедшим, что Авдеева необходимо отдать в руки власти, в ее распоряжение и под ее охрану, что в данном деле я действую и предлагаю не как частное лицо, а как

^I заседание вписано А.С. Флоринским над строкой, под ним зачеркнуто собрание.

^{II} Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто карандашом неуставленным лицом.

^{III} Подчеркнутая часть предложения выделена на полях документа вертикальной чертой карандашом.

представитель городского самоуправления – местного органа государственной власти. Авдеев с помощью бывшей у меня за советом прислуги явился ко мне на квартиру и, обессилев от ранений и потери крови, попросил прилечь.

Больного Авдеева я устроил в отдельной комнате, чтобы о всем происходящем не стало известно моим детям и прислуге, а затем немедленно же вызвал старшего врача городской больницы В.П. Арнольдова – для оказания больному первой помощи. До прихода врача Авдеев мне сообщил то, что изложено в протоколе общего присутствия управы за № 256, и я ему лично еще раз заявил, что, как лицо должностное, я о всем происходящем и о его присутствии у меня доведу до сведения властей. По приходе врача, часов около 9 ½, я направился в здание^I гор[одской] управы^{II} и там^{III} созвал общее присутствие управы.

Созывая общее присутствие управы, я, повторяю, совершенно не знал юридической стороны объявленного по городу положения, это во 1-х, а во 2-х, мне, как городскому голове, совершенно не мыслилось, что Положением может быть приостановлено не права индивидуальных лиц, а права публично-правовых учреждений, в частности, городского самоуправления, на которое государством возлагаются задачи местного управления. Общее присутствие управы – этот коллективный орган – исполнительного характера по отношению к городской думе и характера руководящего по отношению к отдельным членам управы, действующий не^{IV} только в определенный дни для обсуждения и решения вопросов, выходящих за сферу компетенции отдельных членов управы, но и спорадически, как только жизнь выдвигает какой-либо не требующий отлагательства вопрос, каковой, в связи с переживаемым моментом, а особенно, в связи с обязанностями управы по расквартированию войск, настолько, что приостановка созыва общего присутствия управы равносильна преступлению по должности членов управы, не выполнивших тех или иных законных требований военных и гражданских властей.

Кроме сего я, как городской голова, на обязанности которого лежит созыв общих присутствий управы, утверждаю, что объявления о Положении, воспреещающем собрания, заседания

^I здание вписано А.С. Флоринским над строкой.

^{II} управу исправлено А.С. Флоринским на управы.

^{III} там вписано А.С. Флоринским над строкой.

^{IV} После не А.С. Флоринским зачеркнуто одно слово.

и проч[ее], не знал, так как таковых в городское управление препровождено не было и в местных органах печати ко времени созыва общего присутствия, о котором идет речь, опубликовано не было. Таковое положение, а, главное, немыслимость приостановки действий учреждений публично-правового характера дали мне право внести в общее присутствие управы предложение пригласить на совещание представителя юстиции – товарища прокурора, и представителя гражданской административной власти – Управляющего уездом, каковые явившись на совещание, не заявили о незаконности действий управы в деле устройства совещания и тем самым подтвердили правильность высказанного толкования объявленного положения о воспрещении собраний и проч[его], как не распространяющегося на учреждения характера публично-правового.

Главной задачей, которую я себе ставил, созывая общее присутствие управы, это получение от управы определенного решения по делу происходящих событий и это решение получило свое выражение в определении управы от 14-го марта за № 256. Считаю необходимым указать, что постановление управы довести о всем, о чем имела суждение управа в своем заседании, до сведения г[осподина] начальника гарнизона было вынесено по моему предложению и я же лично, в присутствии г[оспод] товарища прокурора и Управляющего уездом ознакомил г[осподина] начальника гарнизона того же 14-го марта около 2-х часов дня с определением управы № 256 и протоколом совещания от того же числа с участием г[осподина] товарища прокурора, Управляющего уездом и председателя уездной земской управы, зачитав их текстуально по привезенной мной книге журнала определений управы и протоколу совещания¹.

В заключение сообщаю, что как присутствие управы, так и совещание происходили при закрытых дверях, что было продиктовано интересами государственного порядка и общественного спокойствия, и что на общем присутствии управы были: товарищ городского головы М.Ф. Кузнецов, члены В.Д. Пагирев, Ф.И. Рогожников, М.Б. Глузман и секретарь управы Н.А. Самотесов, а на совещании – все вышеперечисленные, кроме чл[ена] управы Пагирева, при участии – товарища прокурора Агатова, Управляющего уездом Бончковского и председателя земской^{II} управы Быкова.

¹ Подчеркнуто самим А.С. Флоринским черными чернилами.

^{II} земской вписано А.С. Флоринским над строкой.

Все члены управы, участвовавшие на заседании общего присутствия, в настоящее время находятся в г. Тюмени, кроме члена управы Ф.И. Рогожника, командированного управой в г. Омск по делам службы. Об отобрании от последнего подписки о невыезде мне совершенно неизвестно.

Городской голова

Алексей Семенович Флоринский

26/3 1919 [года]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 54-56. Подлинник. Рукопись.

№ 33

Показания товарища Тюменского городского головы М.Ф. Кузнецова о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г.

Я, товарищ Тюменского городского головы Михаил Федорович Кузнецов, 29 лет, вероисповедания православного, опрошенный по делу о заседании Тюм[енской] гор[одской] уп[равы]¹, бывшем в помещении Тюменской городской управы 14-го сего марта в 10 часов дня, показал:

14 марта 1919 года я, прибыв в помещение город[ской] управы, был приглашен городским головой на заседание гор[одской] управы по вопросу о событиях в гор. Тюмени 13 марта. Заседание состоялось в 10 часов дня в присутствии следующих членов управы: городского головы Алексея Семеновича Флоринского, тов[арища] город[ского] головы Михаила Федоровича Кузнецова, членов управы Владимира Дмитриевича Пагирева, Мейера Бенещиановича Глузман[а] и Федора Ивановича Рогожника. Открыв заседание управы, городской голова предложил почтить память павших воинов в борьбе с мятежниками, взбунтовавшимися 13 марта в г. Тюмени. Почтив память погибших воинов, гор[одская] управа единогласно осудила бунтовщиков и заслушала следующее сообщение городского головы. Вчера, днем, около 2 часов, на своей квартире была арестована Ольга Александровна Дилевская и в типографии Союза потребительных обществ был арестован Николай Николаевич Авдеев – оба

¹ *Тюм. гор. уп.* приписано М.Ф. Кузнецовым на полях документа.

арестованных были препровождены сначала в контрразведку, а затем в уездную тюрьму. У арестованных были отобраны деньги. Часов около 10 ночи указанные арестованные вновь были препровождены из тюрьмы в контрразведку, где, не производя допроса арестованных, Дилевскую, Авдеева и еще трех неизвестных лиц под конвоем вооруженных людей без погон – отправили вновь в тюрьму и¹ по дороге, на базарной площади, около рыбной торговли Михалева, все сопровождавшиеся лица были расстреляны. Причем Авдеев, от полученных им ран потеряв сознание, пришел в чувства через некоторое время и, удостоверившись, что остальные мертвы, он направился, будучи без верхней одежды и обуви, домой, а оттуда, около 8 ч. утра^{II}, – к городскому голове. Городской голова, вызвав старшего врача больницы Арнольдова, просил его оказать медицинскую помощь больному Авдееву. Выслушав сообщение гор[одского] головы Флоринского, город[ская] управа постановила созвать особое совещание на 12 ч. дня 14-го сего марта в составе Управляющего уездом, председателя уездной земской управы, председателя гор[одской] думы и представителя прокуратуры. Указанное совещание состоялось в помещении город[ской] управы в 12-42 ч. дня 14-го марта в присутствии вышепоименованных членов управы, за исключением чл[ена] управы Пагирева, и представителей – Управляющего уездом Бончковского, пред[седателя] уездной земской управы Быкова и тов[арища] прокурора Агатова. Совещание высказалось о том, чтобы о событиях, доложенных город[ским] головой, было доведено до сведения начальника гарнизона, министра юстиции и министра внутренних дел. Причем делегации, которая должна была довести до сведения нач[альника] гарнизона о событиях, совещанием было поручено просить нач[альника] гарнизона о гарантиях для личной охраны Авдеева. Делегация в час дня 14 марта выбыла из здания город[ской] управы в управление нач[альника] гарнизона в составе: гор[одского] головы Флоринского, тов[арища] прок[урора] Агатова и Управляющего уездом Бончковского^{III}.

На заседание гор[одской] управы я прибыл и принял участие потому, что считал и считаю общие присутствия городской управы законными, как органа государственного и местного

^I где исправлено М.Ф. Кузнецовым на и.

^{II} утра приписано М.Ф. Кузнецовым на полях документа.

^{III} Подчеркнуто карандашом неустановленным лицом.

управления, пользующегося публичным правом, и как органа, деятельность которого протекает непрерывно. Причем свои решения гор[одская] управа, по предложению гор[одского] головы Флоринского, постановила в своем заседании 14 марта в 11 ч. дня довести до сведения нач[альника] гарнизона, как представителя военной власти.

Товарищ городского головы *Михаил Кузнецов*

1919 года, марта 26 дня
г. Тюмень

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 57-58. Подлинник. Рукопись.

№ 34

Показания Управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского об особом совещании гражданских властей Тюменского уезда. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г.

Показан[ие] Управляющего Тюменским уездом Бончковского

14 марта сего года я получил от городской управы повестку прибыть на экстренное заседание к часу дня. В повестке не была указана цель заседания, а лишь было упомянуто, что будет присутствовать и товарищ прокурора. В час дня прибыл в городскую управу и там в присутствии указанных в протоколе лиц, был прочитан уже подписанный протокол прежнего заседания за № 256. Тогда по моему предложению было принято решение направить в тюремную больницу, которое было запроколировано, и в результате я совместно с городским головой и товарищем прокурора поехали к начальнику гарнизона полковнику Зенкевичу, где решено было Авдеева, находящегося на квартире городского головы, перевести в тюремную больницу, впредь до учреждения над ним суда – решение это было произведено в исполнение и Авдеев направлен в тюрьму под охраной двух милиционеров.

Управляющий Тюменским уездом

Бончковский

26.03.19[19]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 69. Подлинник. Рукопись.

№ 35

Показания члена Тюменской городской управы М.Б. Глузмана о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г.

Марта 26 дня я, член Тюменской городской управы Мейер Бенцианов[ич] Глузман, 44-х лет, вероисповедание иудейско-го, будучи спрошен 26 марта, я показал, что как член управы считал своей обязанностью по приглашению городского головы явиться на данное совещание, происходившее 14-го марта в помещении городской управы, и совершенно не полагал, что настоящим совещанием в количестве шести человек я нарушаю одно из основных правил военного положения о том, что город находился в то время на осадном положении, я совершенно не знал, участвовал я на обоих совещаниях на первом в присутствии городского головы А.С. Флоринского и членов управы Рогожникова, М. Кузнецова и Пагирева. На втором совещании, происходившем в 12 часов дня того же числа и в том же здании, участвовали все вышепоименованные лица, за исключением члена управы Пагирева¹ (прошу читать Пагирева) и совместно с представителями власти управляющим уезда господином Бончковским и товарищем прокурора господином Агатовым и секретарем управы Н.А. Самотесовым. Протоколы обоих совещаний мною были подписаны.

Член управы

М. Глузман

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 59. Подлинник. Рукопись.

№ 36

Показания члена Тюменской городской управы В.Д. Пагирева о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г.

Я, член Тюменской городской управы Владимир Дмитриевич Пагирев, вероисповедания православного, 43-х лет, будучи спрошен по поводу общего присутствия Тюменской городской

¹ Зачеркнуто *Рогожникова*.

управы по делу гражданина Авдеева, состоявшегося 14-го марта 1919 года около 10 часов утра, показал следующее:

Общее присутствие управы было созвано городским головой на общем основании и я, как член управы, в числе других членов управы, а именно М.Б. Глузмана, М.Ф. Кузнецова и Ф.И. Рогожникова, счел своей обязанностью явиться на означенное заседание, состоявшееся в помещении управы. Это заседание управы я считаю законным, т. к. объявленным военным положением воспрещены были скопища и собрания, но не воспрещалась работа органов управления, каковым является управа. Что заседание здесь было вполне законно, я считаю также и потому, что общие присутствия управы состоялись и в последующие дни военного положения, а именно 18-го и 19-го марта. На втором совещании, с представителями земства, тов[арищем] прокурора и Управляющим уездом, я не был, т.к. был командирован в [уездное] военное присутствие представителем от управы.

Член управы

В. Пагирев

26.III 1919 [года]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 60. Подлинник. Рукопись.

№ 37

**Показания заведующего Юридической частью
Контрразведывательного отделения штаба
Тюменского военного округа чиновника военного
времени И.С. Шнейдера о внесудебном расстреле
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г.**

27 марта 1919 года я, нижеподписавшийся чиновник в[оенного] вр[емени], вероисповедания православного, 26 лет, юрист по образованию, под судом и следствием не состоял, допрошенный в порядке дознания по делу Авдеева, показал:

13 марта с[его] г[ода] я от начальника отделения подпоручика Борисова получил устное приказание об аресте Дилевской¹

¹ Исправлено. Здесь и далее в показаниях Шнейдера ошибочно *Делевская*.

и Авдеева на основании агентурных сведений, имеющихся в отделении. Таковое приказание моего начальника было мною исполнено в течение 1 ½ часов. Аресты Дилевской и Авдеева были произведены по моему приказанию старшим офицером Каменогорским и агентом Меликовым. Дилевская была арестована на дому, а Авдеев в типографии Союза потребительских обществ. По доставлении их в отделение, они были обысканы, и так как допрашивать их в виду происходящих в городе событий не представлялось возможным, то, согласно приказанию начальника отделения, они были препровождены в местную тюрьму. Дилевская была отправлена в тюрьму на извозчике под конвоем старш[его] филера Каменогорского, а Авдеев так же на извозчике под конвоем агента Диспотовича. Более по настоящему делу показать ничего не могу.

Чиновник в[оенного] вр[емени] *Шнейдер*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 46. Подлинник. Рукопись.

№ 38

**Показания помощника начальника
Контрразведывательного отделения штаба
Тюменского военного округа штабс-капитана
А.Н. Андреева о внесудебном расстреле
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г.**

Помощник начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа шт[абс]-кап[итан] Алексей Николаевич Андреев, 29 лет, православный, опрошенный 27 марта 1919 года, показал:

Для сопровождения арестованных из тюрьмы для допроса в отделение мною по приказанию начальника отделения был вызван конвой из унтер-офицерской школы. Конвой прибыл в составе 2-х офицеров и четырех солдат; кто именно был в числе конвойных, мне не известно. Это было 13 марта с[его] г[ода], в каковой день с 4 ч[асов] дня до 12 ½ часов ночи я находился в отделении. После указанного времени меня сменил чиновник воен[ного] времени Шнейдер. Дилевская и Авдеев

были арестованы днем, 13 марта, около 3 часов, как раз в то время, когда я уходил домой обедать.

Штабс-капитан

Андреев

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 47. Рукопись. Подлинник.

№ 39

Показания начальника унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа подполковника А.М. Заалова о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г.

Начальник унтер-офицерской школы Тюменского военного округа подполковник Александр Михайлович Заалов, 32 л., православный

Вечером 13 марта с[его] г[ода] начальник контрразведки просил меня дать ему двух офицеров и двух солдат для конвоирования арестованных. Так как все мои офицеры были заняты, я сделал наряд от офицерской школы: подпоручика Константинова и другого – фамилию не помню. Кто же был из солдат сказать сейчас не имею возможности, потому что целый день приходилось посылать конвоиров в разные места города, в том числе и в контрразведку, а потому установить кто из солдат конвоировал Авдеева не могу.

Подполковник

Заалов

27.03.[19]19 г.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 49. Подлинник. Рукопись.

№ 40

**Показания адъютанта унтер-офицерской
пехотной школы Тюменского военного округа
поручика С.А. Попова о внесудебном
расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г.**

Адъютант унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа поручик Сергей Капитонович Попов, 26 лет:

13-го марта по возвращению с усмирения восстания все люди школы постоянно находились в нарядах и в контрразведке, и в патрулях по городу. Кто из людей где находился и участвовал ли кто-либо из них в расстреле Авдеева, установить теперь невозможно.

Поручик

Попов

27 марта 1919 г.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 49. Подлинник. Рукопись.

№ 41

**Показания начальника Тюменской уездной тюрьмы
В.В. Золотарева о внесудебном расстреле
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г.**

1919 года марта 27 дня

Заключенные Авдеев Николай Николаевич и Дилевская Ольга 13 марта с[его] г[ода] были препровождены военными властями без бумаг, а так же и выданы были из тюрьмы без бумаг.

Начальник тюрьмы

Золотарев

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 50. Подлинник. Рукопись.

**Показания товарища прокурора
Тобольского окружного суда по Тюменскому уезду
С.П. Агатова об особом совещании гражданских
властей Тюменского уезда.
Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г.**

Я, товарищ прокурора по Тюменскому у[езду] Сергей Петрович Агатов, на предложенные мне вопросы отвечаю:

14 сего марта, вернувшись в свою квартиру от коменданта города, я от прислуги узнал, что меня разыскивает какой-то человек для вручения какого-то пакета. Вскоре действительно во втором часу дня явился посыльный городской управы и вручил мне повестку, которую я и представляю. Заключив из содержания повестки, что в управу меня требуют по экстренному случаю, я немедленно сел на предложенную мне посыльным лошадь и явился в управу. Там в зале с затворенными дверьми за столом сидели: городской голова Флоринский, члены управы Кузнецов, Рогожников и Глузман, секретарь Самотесов и Управляющий уездом Бончковский. Заседание, видимо, началось. Меня сейчас же посвятили в сущность протокола, составленного Управою по поводу городского головы Флоринского. Мне и Бончковскому был предложен вопрос как в дальнейшем поступить. Бончковский заявил, что высшая власть в тот момент сосредоточена в руках начальника гарнизона и потому обо всем нужно ему сообщить и для сообщения ему этого просить товарища прокурора и городского голову. Я полагал, что я приглашен я на совещание не как юрист, а как участковый представитель прокурорского надзора, которому небезразлично как управа или военное ведомство в лице начальника гарнизона разрешит вопрос о Авдееве, и потому безусловно согласился. (Если бы меня о том и не просили бы, то я все равно бы был у начальника гарнизона). Был предложен вопрос в какой же форме просить за Авдеева – я и Бончковский заявили, что нас интересует только правильное разрешение вопроса и что в данном случае необходимо настаивать на назначении над Авдеевым суда (суда – по выбору начальника гарнизона). Об этом всем секретарем Самотесовым был составлен протокол, который я и скрепил своею подписью.

Сейчас же поехали к начальнику гарнизона полковнику Зенкевичу, сообщили ему обо всем и спросили его, как он думает поступить с Авдеевым. Полковник Зенкевич стал советоваться с нами и по моему предложению было решено Авдеева немедленно отправить в тюремную больницу под конвоем милиционеров и полковник приказал назначить над Авдеевым суд – какой он также не предрешал.

После этого городской голова Флоринский и Управляющий уездом Бончковский (который также по приглашению управы был у полковника) уехали, а я остался у полковника для суждения по целому ряду вопросов.

Вот все, что я могу показать.

Обращаясь в заключение к вопросу о «незаконности», якобы, собрания, я должен сказать, что заседание управы не может считаться незаконным собранием, т.к. это есть собрание должностных лиц, обязанных по закону действовать коллективно. Что касается меня, то я был приглашен как товарищ прокурора и в дальнейшем поступал также как должностное лицо, имеющее определенные обязанности.

27 марта 1919 года

Товарищ прокурора

Агатов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 66-67. Подлинник. Рукопись.

№ 43

Показания председателя Тюменской уездной земской управы П.И. Быкова об особом совещании гражданских властей Тюменского уезда. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г.

1919 г. марта 27 дня я, председатель Тюменской уездной земской управы П.И. Быков дал настоящее показание по делу о заседании, бывшем в городской управе 14-го марта, следующее:

Получив прилагаемую при сем повестку, к 1 часу дня прибыл в городскую управу, совершенно не зная о цели заседания. Вскоре за мной прибыл и Управляющий уездом и затем товарищ прокурора. До прибытия вышепоименованных лиц никто со мной никаких вопросов не обсуждал. Члены городской управы, конечно, были заняты своими делами в управе. По прибытии

всех приглашенных лиц, городской голова отдал распоряжение закрыть двери и огласил состоявшееся ранее определение особого присутствия городской управы по поводу расстрела Авдеева и Дилевской. После чего городской голова обратился к присутствующим, что следует предпринять дальше с раненым Авдеевым, находившимся у него на квартире. Личного участия в прениях [я] не принимал и никаких предложений не делал. Протокол, составленный секретарем Управы, мной и всеми присутствующими был подписан.

Председатель управы *П. Быков*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 70. Подлинник. Рукопись.

№ 44

Показания секретаря Тюменской городской управы Н.А. Самотесова о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, не позднее 27 марта 1919 г.

Г[осподину] прокурору военного суда

Секретаря Тюменской городской
управы Н.А. Самотесова

Показание

по составлению журнала управы
от 14 марта 1919 г. за № 256
по вопросу о текущих событиях

На предложенный мне чрез городского голову запрос о даче Вам показания по указанному делу я сообщаю, что, как секретарь присутственного места, я, согласно ст[атье] 115 и ст[атье] 122 Общ[его] учр[еждения] губ[ернского], в обсуждение по существу рассматриваемого вопроса не вхожу, журналов не подписываю, а только их скрепляю и обязан лишь следить насколько рассуждения членов присутствия являются согласным с законами и обязан в случае несогласия таковых рассуждений с законами делать о сем представления управе, а потому по данному делу я считаю обязанным дать показание лишь с последней стороны, т. е. со стороны соответствия определения управы требованиям закона и не имелось ли в данном случае нарушения самого закона, при этом я ставлю пред собой такие вопросы, на которые и отвечаю.

1) Могло ли быть созываемо и состояться присутствие городской управы во время военного положения?

На что приходится ответить, что таковое присутствие состояться могло, ибо в изданном начальником гарнизона обязательном постановлении об этом упоминаемо не было и, кроме сего, согласно ст[атье] 12 пун[ктам] 11 и 13 Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении, могут быть воспрещаемы лишь очередные собрания городских учреждений, т.е. городских дум, но не самой управы, так как по толкованию министерства внутренних дел в его циркуляре 15 июля 1893 г., за № 6385, управы осуществляют функции правительственных учреждений и к таковым причисляются. При этом не лишне считаю добавить, что, хотя никто незнанием закона не может оправдываться, но фактически я об объявлении города на каком-либо особом положении не знал до вечера 14 марта, когда было опубликовано обязательное постановление г[осподина] Уполномоченного по охране государственного порядка, а заседание управы состоялось утром 14 марта.

2) Мог ли городской голова ставить на обсуждение управы изложенный в журнале за № 256 вопрос?

На это отвечу, что, по силе моего разумения законов государства, такая постановка могла быть допущена по следующим основаниям: Вопрос ставился на обсуждение присутственного места при закрытых дверях и, следовательно, он являлся конфиденциальным для присутствующих. При наличии же в городе мятежа, т.е. события чрезвычайного характера, всякое присутственное место должно приложить старание к облегчению задач правительственной власти по водворению порядка и спокойствия. Случай, который был сообщен городским головою, был чрезвычайный и после того, когда городской голова довел до сведения управы, то управа, как присутственное место, не имела даже права умолчать о нем, а должна была подвергнуть его обсуждению, так как в противном случае управе могло быть предъявлено обвинение по сокрытию фактов, относящихся к области преступлений.

3) Законно ли поступила управа, вынося свое решение?

Решение управы сводилось к тому, чтобы о факте, ей известном, было сообщено представителям правительственной власти.

Со стороны закона это был самый правильный путь, так как по силе наших законов (ст[атьи] 1 и 2 Уст[ава] о предупр[еждении] и пресеч[ении] пр[еступлений]), каждое присутственное место и частное лицо обязано было донести правительственной власти о факте свойства чрезвычайной важности. Таковое диктуемое законом решение и было вынесено управой.

Что касается затем бывшего в помещении управы совещания Управляющего уездом, товарища прокурора и представителя земской управы, то это совещание носило так же характер заседания присутственного места с решением о том, что о факте, составлявшем предмет обсуждения управы, должно быть донесено представителю в г. Тюмени военной власти.

Секретарь управы Николай Александрович Самотесов, коллежский секретарь в отставке, 41 года, женатый, православный, жительствующий по Телеграфной ул[ице] в собственном доме.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 61-65. Подлинник. Рукопись.

№ 45

**Рапорт председателя военно-полевого суда
Тюменского гарнизона подполковника
С.В. Стрельбицкого начальнику гарнизона
гор. Тюмени подполковнику А.П. Корзуну № 7
об окончании дознания о внесудебном расстреле
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской
и чрезвычайном заседании Тюменской городской
управы. Гор. Тюмень, 28 марта 1919 г.**

Секретно

Представляя при сем переписку⁵⁰ на 32 листах, доношу, что подпоручики Борисов и Константинов опрошены не были, ввиду отъезда их в Екатеринбург, а также член управы Ф.И. Рогожников, который выбыл в г. Омск¹.

Подполковник

Стрельбицкий

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 72. Подлинник. Рукопись.

¹ На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Вх[одящий] № 2. 29 марта 1919 г.» и 2) резолюция начальника гарнизона г. Тюмени А.П. Корзуна «Гл[авному] нач[альнику] Т[юменского] в[оенного] о[круга] на распоряжение. Подпол[ковник] Корзун. 28.03.[1919]».

№ 46

Приказ войскам Тюменского военного округа № 190. Гор. Екатеринбург, 28 марта 1919 г.

Штаб-офицера для поручений при Главном начальнике Тюменского военного округа полковника **Белицкого**⁵¹ полагать в командировке в гор. Тюмень с 26 сего марта.

Справка: Рапорт полковника **Белицкого** от 25 сего марта № 17.

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант

Рычков

(Окружного штаба)
(Отделение инспекторское)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 127. Типографский отпуск.

№ 47

Из приказа войскам Тюменского военного округа № 191. Гор. Екатеринбург, 28 марта 1919 г.

§ 1

Вместо полковника **Зенкевича** начальником гарнизона гор. Тюмени с 15 сего марта назначаю командира Тюменской кадровой легкой батарее подполковника **Корзуна**.

Основание: Телеграмма наштарм⁵² Сибирской от 12 марта № 0816/оп.

<...>

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант

Рычков

(По Окружному штабу)
(Отделение инспекторское)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 127. Типографский отпуск.

**Информационная сводка отдела контрразведки
при штабе Верховного главнокомандующего
о настроениях войск и населения.
Гор. Омск, 28 марта 1919 г.**

В городе

В Пермской губернии в городах спокойно, жизнь входит в свою колею, школы начинают функционировать нормально, торговый аппарат налаживается, правительственные и общественные учреждения в дружной работе спешат устранить последствия большевистского развала. Все это действует на жителей успокаивающе и заставляет их относиться к существующей власти с доверием и надеждой. Разные политические партии существуют и действуют, но особой организованности их и слияния в блок друг с другом не замечается, да и не может быть, т.к. за этим зорко следят агенты правительственной власти. Вся их деятельность сводится в настоящее время лишь к подпольной работе. Равным образом незаметно и особенной систематической агитации против существующей власти. В общем, население городов устало от всех тревожных волнений жизни, страстно ждет твердой власти, законности и порядка и если сейчас что и волнует обывателя, то только недостаток предметов и продуктов первой необходимости и непомерная дороговизна всего, связанная с бешеной спекуляцией и обесцениванием нашего рубля. Интеллигенция, буржуазия и торгово-промышленный класс в подавляющей массе особенно сочувствуют и преданы существующему правительству, твердо веря, что только единой разумной волей Верховного правителя, непреклонно стоящего вне всяких политических партий и страстей, может быть спасена и объединена Россия, которая тогда снова займет подобающее ей место в ряду великих держав мира. Остальные слои городского населения, за исключением рабочих, относительно которых будет указано ниже, также довольны освобождением от большевистского гнета и разорения, но в отношении существующей власти проявляют некоторое равнодушие, ибо они достигли относительного покоя, чего так жаждали при большевиках, вопросы же спасения Родины и остроты переживаемого момента их не интересуют, что объясняется низким уровнем их культурного развития.

В Курганском районе общее внимание населения занято событиями на фронте, которые оттеснили на задний план все остальные вопросы и, между прочим, даже предвыборную агитацию в городское самоуправление; сопоставляя прошлые выборы и то, что происходит в настоящее время, приходится удивляться пассивности избирателей в вопросе, недавно так остро волновавшем граждан. Теперь же даже в последний день перед выборами наблюдается чуть ли не полнейший абсентеизм избирателей, что, как почти единогласно утверждают представители разных партий, можно объяснить утомлением населения всевозможными митингами и разочарованием в прошлых неудачных политических экспериментах.

Немало внимания уделяет общество и пресса неудачной покупке чая министром снабжения Зефиоровым, причем некоторые представители того и другой склонны использовать этот случай, как средство политической борьбы.

В Тюменском районе в смысле политического настроения в обществе наблюдается резко отрицательное настроение к большевизму, главным образом, среди интеллигентной части населения и имущих классов, каковые наиболее всего пострадали от большевистского нашествия. Указанная часть населения нередко выражает пожелания о применении более решительных мер по отношению ко всем прихвостням большевизма, в изобилии рассыпанным среди местного населения.

Состав милиции, несмотря на свою многочисленность⁵⁵, не надежен и не сведущ в своем деле. По агентурным сведениям, среди милиционеров имеются даже бывшие красноармейцы, к изъятию коих приняты меры. Начальствующие лица милиции тоже оставляют желать лучшего, в смысле умения руководить службой и деятельностью чинов.

Из общественных учреждений следует указать на Тюменскую городскую думу, избранную прямым, всеобщим, равным и тайным голосованием во времена правительства Керенского, когда в выборах принимали участие не только население, но и местный гарнизон. В то время в Тюмени был 35-й Сибирский запасный полк, 710-я пеш[ая] Тобольская дружина, конный запасный и др[угие] местные части, благодаря чему дума оказалась социалистической с сильным уклоном влево. Председателем и городской головой состоит некто Флоринский, который, по агентурным сведениям, был выставлен кандидатом в члены Учредительного собрания от Тобольского отдела Р[оссийской]

с[оциал]-д[емократической] рабочей партии. Среди гласных имеются простые рабочие, в большинстве – левые с[оциал]-р[еволюционеры].

Дума эта часто критикует те или другие распоряжения правительства вместо того, чтобы решать городские дела.

Разумная часть местного общества осуждает действия думы и с нетерпением ждет перевыборов, когда представится возможность изгнать из думы пустых болтунов социалистического направления.

Среди крестьян

Сельское население Пермской губернии делится на две группы: чисто земледельческое, крестьянское и смешанное, крестьянско-заводское.

В уездах Красноуфимском, Осинском, Курганском и Оханском обитает население первой категории. Оно большей частью зажиточное, владеет великолепной черноземной землей в достаточном количестве и там, где немало пострадалось от большевистских гнета и реквизиций, оно страстно жаждет порядка, и ни о каком земельном вопросе здесь и речи быть не может. В этой среде настроение сельских обывателей великолепное, патриотическое. Крестьяне – ярые враги большевиков, никакого участия в политических партиях они не проявляют и очень довольны существующим порядком и единой твердой волей Верховного правителя, обеспечивающей им мирное и тихое житье. На недостаток предметов первой необходимости крестьяне жалуются менее других, что объясняется тем, что они сумели ко всему приспособиться и обойтись собственными средствами.

Население второй категории, а также и тех сельских местностей, где оно не успело испытать на себе всей тяжести и всех последствий большевистского управления, где оно недостаточно пострадало от большевиков и развратилось от рабочей среды – в нем есть много сочувствующих большевикам. Это население заражено большевистским ядом и настроено не патриотично, а иногда и враждебно, как, например, в округе Каслинского завода, Нижне-Исетском заводе и др. В населении этой категории ведется большевистская агитация, чему много помогает масса оставшегося в нем, еще не выловленного большевистского элемента из числа лиц, не успевших скрыться при эвакуации края большевиками.

Среди рабочих

Среди рабочего населения железных дорог, фабрик, заводов и прочих предприятий в Пермской губернии большевизм пустил глубокие корни. Рабочие до сих пор не могут отвыкнуть от той разнузданности и тех непомерных требований, к которым их приучили большевики. До сих пор наш рабочий никак не может проникнуться сознанием, что он не только не может, но и не смеет требовать свыше того, что он сам в свою очередь дает своей работой предприятию, что иначе он губит дело, дающее ему возможность существовать. Ему не нравится порядок: ему не нравится, что его заставляют полностью отработать свой заработок; ему не нравится, что его не допускают более быть хозяином страны, где при большевиках он был вредным паразитом, отвыкшим от труда и едва не погубившим свою Родину, предавая ее врагу и сведя почти на нет всю промышленность страны. Эта рабочая среда настолько глубоко прониклась большевизмом, что, хотя из-за страха перед бдительным надзором за нею властей теперь рабочие и присмирели, но втайне надеются на возврат к славным прошлым временам советской власти, где, как им казалось, они нашли молочные реки и кисельные берега. Безусловно, многие из них сочувствуют большевикам. Агитация среди них есть, ведется подпольным путем и находит себе благодарную почву. Это обстоятельство требует обратить на себя особое внимание. Также замечается сорганизованность рабочих. Особенно вредными в данный момент следует признать профессиональные рабочие союзы – это маленькие ячейки большевизма. Хотя они и скрывают свой облик под видом чисто профессиональных организаций, но, несомненно, организации эти партийные с большевистской или, в крайнем случае, эсеровской подкладкой. Чтобы убедиться в этом, стоит только прочесть обращение Центрального бюро профессиональных союзов на имя Совета министров Уральского правительства и Национального совета чехословацких войск. В общем, рабочая среда требует за собой особого бдительного надзора, так как достаточно незначительной искры, чтобы прежний пожар стал снова разгораться. На экономической почве осложнения бывают пока сравнительно редко, как например, в Сергинско-Уфалейском горном округе. В экономическом отношении положение горнозаводских районов нельзя признать благополучным, что представляет некоторую опасность. Хотя правительством и назначены ссуды на поддержание

деятельности заводов, но они своевременно по назначению полностью не выплачены за неимением в банке денег. Кроме того, заводы не обеспечены сырьем (рудой, древесным углем и прочим) на всю годовичную кампанию производства. На некоторых заводах, как, напр[имер], в Сергинско-Уфалейском горном округе, работы должны остановиться уже через месяц из-за недостатка руды и угля. Дело в том, что большевики за время своего властвования израсходовали все запасы сырья, и теперь необходимо вывезти на заводы за зиму с мест выработки добытые уголь и руду. Все это необходимо успеть доставить именно зимой по санному пути, так как летом совершенно нет дорог к местам, где вырабатывается уголь и добывается руда.

Заводское население, занятое перевозкой руды и угля, само земледелием не занимается и по всему Уралу установился обычай, что заводоуправления сами озабочиваются заготовлением продовольствия для рабочих и овса для лошадей. В настоящее время запасов овса на заводах нет, а потому работы по означенной перевозке сокращены иной раз до минимума, вследствие чего заводы, не перевезя за зиму достаточных запасов руды и прочего, безусловно, не обеспечены деятельностью в течение всей кампании производства. В том же округе был случай, когда доменная печь работала только тем запасом, который успели подвезти в тот день. Это грядущее приостановление деятельности заводов грозит большим осложнением со стороны рабочих масс и требует особо внимательного к себе отношения. Помимо этого, обращает на себя внимание растущее недовольство рабочих низкими расценками труда в некоторых случаях. Так, например, в том же округе имеются некоторые виды работ, оплачиваемые при нынешней непомерной дороговизне жизни всего лишь 150 руб. в месяц. Ясно, что рабочему, не ведущему сельского хозяйства и существующему исключительно заводским заработком, да еще семейному, на этот заработок не прожить. Это обстоятельство ведет к накоплению в среде рабочей массы затаенной горечи и обиды и создает благодарную почву для темных сил, агитирующих в ней против существующей власти, а также создает из рабочих элемент неблагонадежный, готовый ко всяким противоправительственным выступлениям. Нужно как можно скорее установить правильные справедливые расценки труда, дающие возможность жить, а главное, принять все меры к экстренному подвозу сырья на заводы, дабы обеспечить рабочие массы надлежащим заработком и работой, не

дать возможности рабочей массе легко поддаваться противоправительственной агитации и не дать повода к выступлению на экономической почве, с чего большей частью и начинаются все волнения и выступления рабочих масс. По всем этим данным положение в заводских районах из-за предстоящего сокращения, а быть может и полного прекращения производства и из-за непомерного сокращения заработной платы против той, к какой рабочие были уже приучены большевиками, следует признать тревожным. Овса нет, зима уже проходит, а с ней исчезает возможность обеспечить заводы сырьем. Закрытие же заводов создает безработных, ничем не обеспеченных, не ведущих своего хозяйства людей. Эта целая армия безработных создаст в прифронтовой полосе положение тяжелое, угрожающее; она ляжет тяжелым бременем на плечи правительственной власти, она может оказать непомерный вред нашим боевым операциям. В настоящее время в заводских районах относительно спокойно, и пока они обеспечены производством – особых выступлений со стороны рабочих ожидать нельзя. За рабочей средой зорко следят учрежденные почти во всех рабочих районах комендатуры.

В Курганском районе несколько приподнятое настроение рабочих масс, наблюдавшееся после оставления нами Уфы, и открыто нескрываемая ими надежда на близкий приход «товарищей» ныне, после массовых арестов среди железнодорожников и других рабочих организаций, вызвало резкую реакцию в их настроении, выражающуюся в подавленности, взаимном недоверии.

Политическое настроение в рабочей среде Тюменского [военного] округа оставляет желать много лучшего. Среди рабочих, главным образом, и рассыпаны оставшиеся деятели и прихвостни Советов, каковые усердно скрываются рабочими и благодаря этому весьма трудно уловимы. Имеется много агитаторов, постоянно и усердно подтягивающих рабочую массу и порождающих различные забастовки с экономической окраской и поддерживающих в рабочих большевистскую точку зрения, благодаря чему различные профессиональные союзы рабочих имеют под собой твердую почву и, стойко охраняя благоденствие и благополучие рабочего, не щадят предпринимателей, кто бы они ни были: частновладельцы или кооперативы, причем первым, естественно, гораздо тяжелее переносить иго рабочих, чем вторым. Следствием же является рост цен на все фабрикатy.

Настроение в армии

В военной среде Пермского района с каждым днем является все заметнее усиление дисциплины. Солдаты все более принимают надлежащий воинский дисциплинированный вид. Никаких организаций в воинской среде незаметно, но подпольная агитация есть, она незначительна и носит характер случайный, несистематический и влияния на солдатские массы не имеет, благодаря особой бдительности командного состава, с одной стороны, и массе благонадежного элемента, из которого создавалась армия, с другой. В общем, настроение войск бодрое, патриотичное. В подавляющей массе люди покорно послушны управляющей ими воле, но сознательного отношения к существующему правительству в них нет. В них нет сознания, что только единая твердая воля может руководить ими и спасти Россию, что такая воля есть в лице Верховного правителя и главнокомандующего, которому они должны быть опорой в его работе. Они просто послушны своему вождю. В данном случае вполне сознательными к переживаемому моменту и к создавшейся власти являются лишь воинские чины из интеллигенции, буржуазии и торгово-промышленного класса и, конечно, командный состав. Чешские воинские части определенно настроены против Верховного правителя и стоят на эсеровской платформе. В их частях среди солдат замечается брожение с целью пересоздать свою армию на демократических выборных началах. В сознании русских солдат одно стоит ясно и определенно – это что большевики враги и предатели Родины, с которыми нужно бороться без пощады. Выстрадав немало от них, либо сами, либо их близкие – они горят непримиримой враждой к ним и готовы на всякие жертвы, только бы их уничтожить и с корнем вырвать яд большевизма. Особенно бодро они бывают настроены и замечается особый подъем духа в них при наших успехах на фронте. Есть, конечно, и тут элемент нежелательный и опасный, но этот элемент относительно в малом количестве и, растворившись в массе благонадежного элемента, не может представлять из себя опасности. К этому следует добавить, что, к сожалению, в воинских частях не видно особой воспитательной работы со стороны г[оспод] офицеров, а ведь почва для такой работы очень благодарная, тем более пока еще не успел погаснуть пыл раздражения в солдатах от большевистского гнета, и эта работа дала бы нам солдата сознательного, идейно преданного, и во много раз увеличила бы нашу военную мощь. На-

конец, эта работа нужна и потому, что она ставит командный состав в более тесное общение с нижними чинами, сближает их, дает возможность познать друг друга и заставляет нижних чинов проникнуться к своим офицерам чувством уважения, любви и преданности, помимо того холодного официального чувства, которое вселяется в них дисциплиной. Следует здесь отметить, к величайшему сожалению, что низший командный состав не всегда бывает на высоте своего призвания и очень часто своими поступками и поведением развращающе действует на нижних чинов, подрывает в них дисциплину и чувства уважения к себе. Так, очень часто офицеры из молодежи позволяют себе показываться в пьяном виде в публичных местах и устраивают дебоши, не стесняясь тем, что свидетелями этих безобразий являются не только частная публика, но и нижние чины, и забывая о том высококом звании и мундире, которые они имеют честь носить. С этим злом борьба должна быть беспощадна. Начальник должен быть во всем примером для своих подчиненных, ибо только на этом закладывается фундамент воинской дисциплины, этого залога военной мощи, и только при этом массы с большей легкостью ей подчиняются и твердо ее усваивают.

В отношении элемента, коим укомплектовываются воинские части, следует отметить, что поступающие в войска люди из интеллигентных и буржуазных слоев общества и из торгово-промышленного класса, а также среды тех сельских обывателей, которые пострадали от большевиков, все они представляют собой верных и преданных сынов своей Родины. Настроены они патриотично и являются твердой опорой существующей власти. Этот элемент не остановится ни перед какими жертвами в защиту Родины и существующего порядка. Особенно ценными являются интеллигенция и буржуазия, как высоко сознающие свой гражданский долг, цель создания существующей власти и ее назначения. Что касается элемента, даваемого фабрично-заводскими районами и теми сельскими местностями, где население не пострадало от большевиков, то здесь дело обстоит совсем иначе. На службу идут из-под палки, стараясь при этом заручиться «на всякий случай» удостоверениями своих властей, что они «мобилизованы правительством принудительно». Это делается на случай, что когда попадут в руки к большевикам, то там предъявят эти удостоверения, что их силой заставили идти против них. Этот элемент сочувствует большевикам, но взятый на военную службу, растворяется в среде большинства

благонадежного элемента, где и молчит, страха ради иудейского. Безусловно, этот элемент не патриотичен и требует особо внимательного за собой надзора, что и осуществляется, с одной стороны, надзором за ним со стороны командного состава по месту службы, а с другой стороны, сбором сведений о поведении и деятельности каждого в местах их проживания до приема на службу через местные комендатуры.

Есть еще элемент чисто случайного характера, но с которым необходимо считаться в виду его численности. Образовался он следующим образом: при продвижении к Перми и далее нашими доблестными войсками было захвачено в плен несколько десятков тысяч красноармейцев. Так как в момент их захвата не представлялось возможным установить, принудительно или добровольно они состояли в Красной армии, а также и их отношение к советской власти, то за неимением явных улик их разоружили и распустили по домам на нашу сторону. Многие из этих бывших красноармейцев в объявленную ныне мобилизацию подлежат призыву и при поступлении на военную службу, несомненно, создадут собой кадр неблагоденный и опасный. Они были отпущены на свободу только лишь за неимением улик, но их нравственного и политического облика мы совершенно не знаем и среди них, безусловно, немало найдется убежденных приверженцев советской власти и советских деятелей. Некоторые из этого элемента даже и по домам не были распущены, а тут же, по взятии в плен, шли на укомплектование наших войск, вливая собой в нашу армию элемент неблагоденный, сдерживаемый временно только страхом и ждущий лишь удобного момента и ослабления наших сил, чтобы показать себя опять вовсю. Сравнивая поступающих в войска людей по их возрасту, следует отметить, что молодежь лучше, чем призываемые старослужащие. Молодежь не испорчена той разнузданностью и анархией, которые царили в войсках с момента революции и которыми так заражены старослужащие. Молодежь более сочувственно относится к призыву на военную службу, возможно, отчасти сознавая, что только героическими усилиями нашей армии и может быть спасена Родина и обеспечен покой их близким. Они легко и охотно подчиняются воинской дисциплине и к службе относятся с должным усердием.

По свержении большевистского ига, в виду особой спешности формирования правительственных и общественных учреждений для введения в нормальное русло общественной жизни

страны, необходимо признать, что на их укомплектование попадали лица без проверки их нравственного и политического облика, и очень часто обнаруживается, что сюда, таким образом, попали лица ненадежные, партийные деятели и т. п. Благодаря установленному надзору подобные лица выясняются и вылавливаются как подлежащие законно[й] ответственности. Замечено, как, например, в Каслинском заводе и г. Екатеринбург, что в милиции служат лица, совершенно не проверенные, попадают и красноармейцы, что уже совершенно недопустимо. Милиция комплектуется местными жителями, имеющими в местах службы близких и знакомых, а потому чины милиции, с одной стороны, не могут из-за этой близости своей к населению не потворствовать ему, а с другой, не всегда благонадежны и в политическом отношении, входя с населением в излишне тесное общение. В общем, и здесь следует признать положение не опасным, но требующим внимательного и критического отношения к личностям, входящим в состав государственного механизма. Особенно внимательно следует относиться к составу и деятельности общественных и земских учреждений.

В Курганском районе среди войск, в связи с наступлением наших частей, приходилось слышать разговоры на довольно оригинальную тему, что ушедшие вперед товарищи могут хорошо попользоваться от убитых красноармейцев, при каждом из которых, по слухам, имеются громадные суммы денег и что им, не отправленным еще на фронт, ничего не останется.

Политическое настроение в войсковых частях Тюменского военного округа в общем удовлетворительное, хотя следует отметить разделение состава частей на 2 категории. К первой надлежит отнести учебные команды унтер-офицерской школы и другие подобные части, в коих сосредоточены отборные люди и кои являют собой вполне надежные части, способные выполнять какое угодно поручение. Ко второй категории надлежит отнести всех остальных, среди которых большинство темных неразвитых солдат, несущих службу в силу необходимости, но без энтузиазма. Среди них имеются и люди отрицательно настроенные, склонные к агитации, но таковых весьма немного и, пожалуй, они являются единично, а потому не представляют опасности.

Элемент, призываемый в настоящее время по мобилизации на комплектование частей, благодаря своему составу (срок службы 1913 г. – 1918 г.) является крайне отрицательным, так как все эти люди служили при монархическом строе, будучи

на службе, пережили революцию и разложение армии большевиками, а потому развращены до последней степени. Охотно идущих на службу среди них не наблюдается, все идут по принуждению и, едва бывши призваны, уже устраивают различные сборища и требуют обмундирования их прежде отправления со сборных пунктов, [требуют] выдать каждому удостоверение в том, что они мобилизованы, а не добровольцы и т. п.

Спекуляция

Некоторое косвенное влияние на политическое настроение населения оказывает спекуляция. Устраиваемые спекулянтами придерживания¹ предметов и продуктов первой необходимости, а затем выпуск их на рынок в тот момент, когда в них замечается острая нужда, их непомерно алчные аппетиты, влекут за собой чрезмерное вздутие цен и порождают глухое недовольство и озлобление со стороны населения. Спекулянтов образовалась целая армия, спекулируют все кому не лень, и население форменным образом обирается. На создаваемый таким образом почве недовольства и раздражения чисто экономическими причинами легко может пустить корни и противоправительственная агитация, с этого могут начаться и выступления необеспеченных слоев населения. Особенно отличаются в деле спекуляции евреи и чехи, они устроили настоящие гонки, стараясь перещеголять друг друга ловким обдельванием своих делишек. Из-за этого отношение к евреям со стороны населения обостряется с каждым днем все более и раздражение против них накапливается все сильнее. В отношении чехов некоторые из населения полагают, что с их уходом вглубь Сибири положение в крае будет несколько тревожнее, зная их как внушительную силу, заставляющую подчиняться порядку, а с другой стороны многие довольны их уходом, зная их как спекулянтов, непомерно вздувающих цены на предмет[ы] первой необходимости.

Начальник отдела к[онтр]р[азведки]
при штабе Верховного главнокомандующего,
полковник Злобин

28 марта 1919 г. Ставка

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 9. Л. 104-109. Подлинник. Машинопись.

Публ. по: А.В. Колчак, 1874-1920. Сб. док. В 2 т. Т. 2. А.В. Колчак: Верховный правитель России, 1918-1920 / Сост.: Е.В. Балушкина, О.В. Лавинская,

¹ Так в документе.

№ 49

**Письмо Ю.А. Кудрявцева
председателю Совета министров
Российского правительства П.В. Вологодскому
о восстании мобилизованных.
Гор. Тюмень, не ранее 28 марта 1919 г.⁵⁴**

Глубокоуважаемый Петр Васильевич!

Ваше доверие, высказанное мне при бывшем моем назначении уполномоченным председателя Сибирского Временного правительства по Пермской губернии, дает мне смелость в настоящее время довести до Вашего сведения о событиях, развивающихся в Тюмени, в надежде, что сведения явятся для Вас беспристрастным материалом, рисующим истинную обстановку.

Назревавший поход против отдельных общественных деятелей меньшевистского толка 13-го марта, после бунта призванных бывших солдат, начался открыто вне рамок всякой законности.

Местные общественные деятели усматривают, что поход ведется против трех пунктов: городского самоуправления, рабочих профессиональных организаций, не исключая инспекции труда и больничной кассы, и определенно носит характер лично-классовой мести, питаясь соответствующим классовым пристрастным сотрудничеством.

Арестованные 13-го марта около 4-х часов дня на квартире своей секретарь Центрального бюро профессиональных союзов О.А. Дилевская и председатель правления «Народного дома» учитель Н.Н. Авдеев были в числе еще трех других лиц в ночь на 14/III конвоем контрразв[ед]ки расстреляны и ограблены по дороге в тюрьму.

По счастливой случайности один из расстрелянных, Авдеев, остался жив и, раздетый почти до белья, припелся на свою квартиру, а позже к городскому голове А.С. Флоринскому, прося¹ у него временной защиты и передачи его законному суду.

¹ После *прося* Ю.А. Кудрявцевым зачеркнуто *прося*.

Авдеев, сидя в настоящее время в тюрьме как обвиняемый, является вместе с этим свидетелем собственного расстрела, который, по речам убийц, должен [был] быть близок к симулированному побегу. Вторым случайным свидетелем этого расстрела (без суда) и грабежа является ночной сторож лавки Михалева, возле которой был расстрел.

Этот эпизод конца усмирения восстания уже свидетельствует о характере действия агентов власти.

Дилевская и Авдеев¹ были с[оциал]-д[емократами]. Зная их лично, уверен, что своей выдержкой, направлением мысли они отстояли далеко от желания реставрации советской власти, и их вина мне рисуется лишь только в том, что они вели легальной организационно-оборонительную борьбу с натиском классовых реакции, работая в профессиональных и культурных организациях. Между прочим, они арестовывались в мае 1918 г. большевиками, как контрреволюционеры, и всегда смело выступали в общественных собраниях против большевистских зверств и намерений.

Произведенную расправу оттеняет следующее обнаружившееся обстоятельство – отсутствие усиления охраны складов оружия и телефонно-телеграфной станции, несмотря на то, что новобранцы волновались 11 и 12 [марта].

Из эпизодов усмирения является показательным следующий факт разговора в помещении городской управы, свидетелем которого я был 14 марта. Подпоручик, организовавший отряд Красильникова⁵⁵ в Тюмени, похвалялся перед членами управы, что он сегодня проехался по окраинам, все тихо, кое-где стояли отдельные лица, в которых он и стрелял. «Убегают» и далее, что он зарубил со своими людьми до 15 человек за вчерашний день. На вопрос «Кого?» был ответ «Наше дело рубить, а кого – знать не наше дело».

Не могу не умолчать, что выданный родственникам для похорон труп одного случайно убитого лавочника был взят обратно уже в гробу, вынут из гроба и похоронен. И долго еще этот «подержанный гроб», оставшийся на дворе больницы, будет свидетельствовать в обывательских умах об отсутствии определенности у агентов власти.

Но этим дело не кончилось. В дальнейшем продолжается систематический подкуп под видных членов городского само-

¹ После Авдеев Ю.А. Кудрявцевым зачеркнуто *по-види*.

управления, умеренных демократов, [таких,] как, напр[имер], гор[одской] голова А.С. Флоринский, у которого даже контрразведкой производился осмотр помещения. Все члены думы и управы были активными борцами с большевизмом во время советской власти и во время восстания⁵⁶, если не были в ссылке или изгнании от этой власти. Городской голова и его товарищ М.Ф. Кузнецов, член штаба Тюменской противобольшевицкой организации, были объявлены [советской властью] вне закона.

Сейчас вся управа и дума находятся под двумя дознаниями: по поводу неоконченного обсуждения вопроса о власти после распада Всероссийской Директории и по поводу совещания после расстрела Авдеева, искавшего закона чрез городское самоуправление. За это же совещание подвергаются дознанию Управляющий уездом и гражданский прокурор.

Дня три назад подвергнут был аресту председатель Центрального бюро профессиональных союзов, он же председатель больничной кассы – М.Г. Казанцев и, кажется, без предъявления обвинения высылается из Тюмени.

Знал Казанцева лично по созданию [подпольной] военной организации против большевиков в Тюмени [в 1918 году], когда при вынужденном уходе я передавал ему все дела организации и он, несмотря на террор большевиков, сумел не растерять, а увеличить силы, постоянно снабжая агентов контрразведки корпуса генерала Вержбицкого документами и сведениями, и если не выступил с организацией, то не по своей вине. Зная его в дальнейшем, как выдержанного умеренного каторжанина с[оциалиста-]р[еволюционера], не способного к аванюре, ведущего лишь организованную борьбу за народовластие и своим влиянием содействовавшего прекращению – в свое время – железнодорожной забастовки, как наносящей удар армии, я не могу понять смысла этой репрессии.

А больничной кассе и профессиональным организациям нанесен еще урон.

И целый ряд лиц, вплоть до инспектора труда не-социалиста Воробьева, испытывает подобные удары, а массы в силу этого все более и более отклоняются от здоровых общественных организаций и направляются в сторону анархо-большевизма.

В целом атмосфера удушливая и не видать выхода. Это состояние наших общественных деятелей, преданных родине,

боровшихся и борющихся с большевизмом активно – сообщая Вам, глубокоуважаемый Петр Васильевич.

Преданный Вам Ювеналий Кудрявцев⁵⁷

P.S. Настоящее письмо из Тюмени увозит попутчик, т. к. я не могу надеяться, что даже Вам написанное письмо не будет подвергнуто цензуре еще в Тюмени, а в дальнейшем последует от местных агентов кара под каким-нибудь предлогом.

Преданный Вам Юв. Кудрявцев

ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 5. Л. 207-208. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: *Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.)*. Сб. док. / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015. С. 180-183.

№ 50

Рапорт Управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского командующему Сибирской армией генерал-лейтенанту Р. Гайде № 39 о положении дел в уезде после подавления восстания. Гор. Тюмень, 31 марта 1919 г.

Во исполнение личного приказанья Вашего Превосходительства докладываю нижеследующее:

Рабочие массы безусловно настроены, в своем большинстве, антиправительственно, что вполне понятно, так как из положения бесконтрольных распоряжений перешли на присущую им роль.

Крестьянские массы настроены в своем большинстве индифферентно. Присоединение мобилизованных крестьян-хлебопашцев к выступившим 13-го марта я объясняю не недовольством существующим правительством, а просто нежеланием идти в ряды войск. Крестьянская масса настолько не культурна и не развита, что для ней непонятна идея государственности, непонятна также та польза, которую приносит мощное государство своим, каждому в отдельности, гражданам, почему всякие повинности для государства крестьянские массы рассматривают как мероприятия, полезные только для правящих сфер. Этим, конечно, пользуются безответственные большевистские элементы и провоцируют крестьянские массы.

Смею полагать, что целесообразно было бы обратить внимание на уяснение солдатам цели войны и значения ее, в конечном итоге, для всех граждан. По моим наблюдениям этот вопрос находится в зачаточном состоянии.

Управление

Принимая во внимание политическое настроение, нельзя в настоящее время определить, когда возможно будет отменить военное положение, в связи с чем начальнику гарнизона приходится принимать участие в гражданской жизни города и уезда. Учитывая это положение, необходимо постоянное лицо, которое несло бы эти функции, ибо только при этих условиях начальник гарнизона может быть достаточно осведомлен.

Далее необходимо разграничить сферу влияния гражданских и военных властей в смысле циркуляра Его Высокопревосходительства Верховного правителя – копии прилагаемого.

Милиция

На мой взгляд, воинские части следует привлекать только в экстренных и весьма серьезных случаях, в остальных же случаях должна справляться наружная милиция, как государственный орган по охране порядка.

Но милиция переобременена чисто гражданскими административными делами. Почему необходимо создать милицейские наемные боевые части – Конный отряд – хорошо вооруженный, ведущий казарменный образ жизни, и такой же пеший резерв. Конный отряд мной формируется, но за отсутствием снаряжения и достаточных средств формирование проходит медленным темпом⁵⁸.

Полагаю, что при наличности таких милицейских боевых резервов с частичными выступлениями можно вполне было бы справляться, не привлекая войск. Причем докладываю, что во вверенной мне милиции в роли начальников служат большинство боевых офицеров, признанных не годными к строевой службе, но отвечающих своему назначению для данной цели.

Наблюдение за политичес[кими настроениями]

При Управлении уездом существует правительственный орган для борьбы с большевизмом – Следственная комиссия, составленная по моему выбору из надежных граждан.

В числе членов комиссии имеются лица с юридическим образованием и офицеры. Желательно, чтобы контрразведка поддерживала связь со Следственной комиссией – это дало бы возможность обоим органам работать с большой пользой для общего дела.

Емкость города

Далее, как уполномоченный министра внутренних дел по реквизиции квартир в г. Тюмени, докладываю, что в Тюмени можно расквартировать до 12 000 войск и производить формирование артиллерийского дивизиона¹, при условии уплотнения города, что уже имело место.

Изложенные соображения представляю на усмотрение Вашего Превосходительства^{II}.

Управляющий Тюменским уездом

Бончковский

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 85. Л. 43-44. Подлинник. Машинопись.

№ 51

**Телеграмма Главного начальника Тюменского
военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова
начальнику штаба Верховного главнокомандующего
генерал-майору Д.А. Лебедеву о внесудебном
расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Екатеринбург, 1 апреля 1919 г.**

Срочно
Военная

Омск. Наштаверху

344/6357Д. [В] связи [с] восстанием мобилизованных [в] Тюмени был произведен ряд арестов лиц, внушавших основатель-

¹ Подчеркнуто карандашом неустановленным лицом, предположительно начальником штаба Сибирской армии генерал-майором Б.П. Богословским. На полях документа подчеркнутый фрагмент предложения выделен вертикальной чертой карандашом.

^{II} На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Вх[одящий] № 8537 штаба Сибирской армии. 4/IV [1919 г.]», 2) Резолюция начальника штаба Сибирской армии генерал-майора Б.П. Богословского «Гл[авному] н[ачальнику] снабж[ения] В.В. Рычкову]. Г[енерал]-м[айор] Богословский», 3) делопроизводственный штамп «Штаб Тюменского военного округа на т[еатре] в[оенных] д[ействий]. № 4647/738. 6/IV 1919» и 4) помета «Гражд[анское]. 7/IV [1919 г.]».

ное подозрение [в] антиправительственной деятельности, в том числе Дилевская и Авдеев. [Во] время сопровождения Дилевской, Авдеева и трех других из тюрьмы [в] контрразведку, последние трое пытались бежать. Конвой [для] предупреждения побега открыл огонь, [в] результате все пятеро пали и казалось были убиты. [В] действительности оказалось, что Авдеев был ранен [и] остался жив. [На] следующий день четырнадцатого марта Авдеев пришел [к] городскому голове. Последний собрал заседание управы, которую осведомил [о] случившемся [со] слов Авдеева. Вынесенное определение управы было представлено мне, Минюст и министру внутренних дел. [Для] выяснения обстоятельств дела мною командирован [в] Тюмень штаб-офицер для поручений [для] производства расследования. [О] результатах расследования донесу дополнительно. 1063/гр

Главначокр Тюменского генлейтенант *Рычков*
1.IV.1919 г.

Отд[еление] в[оенно]-судн[ое] и гражд[анских] дел

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 83. Л. 112. Отпуск. Рукопись.

№ 52

Из обзора настроения населения Тюменского военного округа на основе перлюстрированной почтовой корреспонденции по 1 апреля 1919 г. Б. м., не ранее 1 апреля 1919 г.⁵⁹

В рабочей среде

Среди местных рабочих брожение после событий 13 марта¹ еще не улеглось¹¹. Приходится часто встречать замечания, что события 13 марта их научили, как не следует делать мятежа. Есть указания, что у местных железнодорож[ных] служащих и рабочих ж. д. депо есть огнестрельное оружие.

Среди уральских рабочих и рабочих прифронтовой полосы настроение диаметрально противоположное. Иллюстрацией

¹ Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто карандашом неустановленным лицом.

¹¹ На полях документа над этим предложением приписано карандашом *Был мятеж мобилизованных.*

этому могут служить следующие цитаты отдельных мест из различных писем:

«Да когда же, наконец, покончат с большевизмом, уничтожат, сотрут с лица земли эту банду! Сколько жертв вырывает она!»

«Когда все наладится, когда все войдет в обычную колею, когда не будет спекулянтов?»

«Переживаемый нашей Родиной момент требует, чтобы мы прилагали максимум энергии и труда к исполнению возложенных на нас обязанностей, хотя бы условия работы не всегда были благоприятны: участие в работе по возрождению Родины требует жертв...»

«Так хочется отдохнуть, но сейчас не время, ибо наш долг помогать освобождению России от большевиков, хотя не там, на фронте, но и здесь тоже нужно...»

Среди войск

Письма с фронта полны бодрости, надежды. Не встречается указаний на утомление. Все рвутся вперед. Все надежды возлагаются теперь на Казань в связи со слухами о восстании в этом городе.

Прекрасное впечатление произвела мобилизация интеллигенции, последняя является надежным оплотом против большевиков в тылу.

В тыловых гарнизонах меньше воодушевления – много писем нудных, пестрящих нескончаемыми поклонами. Но встретилось письмо малограмотного солдата [2-го] Барабинского [кадрового] полка, в котором он пишет:

«Я знаю, бои будут страшные; пойду сражаться, героем буду: я¹ за Сибирь, зарю святую, не пожалею жизни своей...»

Среди обывателей

Обыватель до сего времени ничему еще не научился. Он говорит с восторгом о фронте (правда, очень часто забывая его), когда там успехи, берет города, не считаясь ни с чем, ругает большевиков, а когда узнал, что были расстреляны 13 марта в Тюмени агитаторы, которых он знал, возмущается правительством, говоря, что этого даже при большевиках не было. Сбор белья на нужды армии обыватель сурово осуждает, мотивируя последнее отсутствием материалов на рынке, забывая, что пра-

¹ я вписано чернилами от руки, под ним зачеркнуто и.

вительство при наличии материалов на рынке не прибегало бы к подобным мерам.

Среди торгово-промышленников

Все интересы торгово-промышленников кружатся около транспорта товаров с Востока: жалуются на почту и на железную дорогу с ее служащими и на правительство за непринятие последним соответствующих мер к урегулированию транспорта.

ШАДРИНСК

Изменений в настроении масс по просмотренной почтовой корреспонденции не замечалось.

ИРБИТ

Большинство писем, проходящих через цензуру, – солдатские письма с поклонами, приветами, пожеланиями, хотя и¹ в них часто скользит жалоба, что они страдают, что их мобилизовали насильно.

Совсем иное приходится отмечать в письмах интеллигентных солдат: они радостны, нет жалоб на неудобства солдатской жизни, а наоборот, письма их полны воодушевления и полны надежд на успех.

Письма обывателей носят все тот же семейный характер. Хотя в этих письмах много внимания уделяется эпидемии сыпного тифа, широко, видимо, охватившего лагерь пленных красноармейцев, к которым проявляют большое внимание и сожаление обыватели.

В письмах сельских учительниц часто слышатся жалобы на крестьян, считающих себя хозяевами деревни, а на учительниц смотрят как на «буржук», с которыми крестьяне положительно не желают считаться.

ЯЛУТОРОВСК

Настроение частей гарнизона спокойно и вполне соответствует требованиям долга службы и дисциплины. Такое же настроение и в прочих слоях населения.

¹ и напечатано на пишущей машинке над строкой.

ИШИМ

Общий мотив в настроении всех слоев общества – это уверенность в твердости и прочности сконструированного в Сибири правительства, возглавляемого ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ, АДМИРАЛОМ КОЛЧАКОМ. Еще не так давно, в декабре минувшего года, среди писем обывателей можно было найти такие письма, в которых сквозила неуверенность в силах правительства и признание возможности возврата большевизма. Теперь этого совершенно нет. Общество, ознакомившись с задачами и методами правительства, убедившись в жизненности его, постоянно проявляет интерес к вопросам устройства внутренней жизни государства; признавая необходимость уже сделанных реформ, общество ожидает реформы ведомства народного просвещения, милиции, а также реконструкции земства. Пугает несколько могущее быть соперничество различных социалистических правительств, могущих возникнуть на развалинах «советской власти» в Москве или Петрограде, но тут же высказывается уверенность в том, что верх одержит авторитет власти АДМИРАЛА КОЛЧАКА, доведшего большевизм до окончательного падения.

Крестьяне уже вполне свыклись с правительством и не высказывают никаких жалоб и недовольств. Можно заключить, что они поняли, лучше регулярно платить подати и давать солдат¹, нежели подвергаться большевистским контрибуциям, конфискациям, реквизиции и вербовке в «Красную армию» подонков города и деревни.

Сильное недовольство выражают крестьяне и интеллигенция, в особенности чиновничий класс, против грабительских «операций» торговцев, которые взвинтили цены за² два последних месяца на все предметы потребления в два с половиной раза против цен, существовавших в конце минувшего года. высказывается пожелание об установлении твердых, нормированных цен.

В среде рабочего класса настроение спокойное. Идея о первенствующей роли рабочего класса в управлении государством, как будто совсем заглохла, и высказываются мысли, что, несмотря на удаление рабочих от управления торгово-промышленной жизнью страны, интересы их все-таки не пострадали ощутительно.

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *солдатам*.

² за впечатано на пишущей машинке над строкой.

Письма солдат говорят о вполне здоровом духе армии. Вопросы о том, за что и за кого они воюют, не¹ встречается.

Настроение вновь мобилизованных солдат спокойнее, чем можно было ожидать.

Среди писем встретилось письмо одного военного следователя, который по долгу службы объехал города к западу от города Омска, и как иллюстрацию характерности этого письма следует привести следующую цитату из него:

«Входишь в полковое офицерское собрание. Обыкновенно это довольно нищенски обставленная комната, где сидят, стоят и разговаривают «личности» с виду похожие на денщиков доброго старого времени (которые, как известно, всегда доншивали устарелые принадлежности офицерского гардероба), но с золотыми погонами, это и есть те г[оспода] офицеры, на которых всегда и везде все шишки валяются и которые получают 600 р., в то время как неграмотному чернорабочему прожиточный минимум определяется в 450–500 рубл.»

КАМЫШЛОВ

Рабочая среда

Жалобы на низкую оплату труда и на высокие цены на рынке.

Среди войск

В некоторых солдатских письмах встречаются жалобы на плохое довольствие – это письма солдат кадровых тыловых частей.

В письмах с фронта больше всего уделяется внимания успешному продвижению вперед^{II}.

<...>

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 237–239. Заверенная копия. Машинопись с рукописной правкой.

^I Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *на*.

^{II} На документе имеются: 1) помета карандашом «Г[енерал]-кв[артирмейстер]. 3/У [1919 г.]», 2) резолюция карандашом «Н[ачальни]ку отдела контрразведки [полковнику Н.П. Злобину]. 4/У [1919 г.]», 3) помета карандашом «Разв[едка]. 4/У [1919 г.]» и 4) помета карандашом «В дело».

№ 53

Приказ по войскам Тюменского гарнизона № 21. Гор. Тюмень, 2 апреля 1919 г.

§ 1

Для осмотра помещений, занимавших[ся] мобилизованными, на предмет выяснения убытков казне и порядка их возмещения назначаю комиссию под председательством поручика **Лузгина** [от] Управления [уездного] воинского начальника и членов: прапорщика караульного б[атальо]на **Залетского** и представителя от городского самоуправления **Ф.И. Рогожникова**. Комиссии собраться 4-го сего апреля в помещении городской управы.

О результатах мне донести.

§ 2

Унтер-офицерскую пехотную школу, убывшую из города Тюмени в город Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 29 сего марта.

СПРАВКА: Рапорт н[ачальни]ка унтер-офицерской пехотной школы за № 651.

§ 3

1-й и 2-й б[атальо]ны 1-го Новониколаевского [кадрового] полка, убывшие из г. Тюмени в г. Пермь, исключить из состава гарнизона с 29 сего марта.

СПРАВКА: Телеграмма наштарм⁶⁰ Сибирской № 957/0 и рапорт к[оманди]ра 1-го Новониколаевского [кадрового] полка № 69.

§ 4

Объявляю для сведения, что Тюменское отделение конского запаса считать сформированным с 3-го марта с[его] г[ода].

СПРАВКА: Рапорт к[оманди]ра Тюменского передового отделения конского запаса за № 236.

§ 5

Приказываю всем командирам частей, управлений, учреждений и заведений с получением сего сообщить в гарнизонную

канцелярию не состоят ли на службе в частях гарнизона братья:
поручик **Петр Говве** и прапорщик **Дмитрий Говве**¹.

СПРАВКА: Телеграмма наштаб [№] 1089.

Подлинный подписал:
Начальник гарнизона,
подполковник

Корзун

С подлинным верно:
Гарнизонный адъютант,
прапорщик

Полисадо

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 856. Л. 26. Типографский отпуск.

№ 54

Приказ по войскам Тюменского гарнизона № 22. Гор. Тюмень, 8 апреля 1919 г.

§ 1

Объявляю для сведения приговоры военно-полевого суда Тюменского гарнизона от 18, 19 и 24-го марта сего года.

1919 года марта 18-го дня на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 17-го марта 1919 года за № 2 военно-полевой суд Тюменского гарнизона, в законном составе, рассмотрев дело о гражданине хутора Тарасовского поселка Фоминской волости Тюменского уезда Афонасии Яковлевиче МОШКИНЕ, 27 лет, по обвинению его в хранении у себя на квартире одной обоймы патронов японского образца, признал его виновным в хранении без надлежащего разрешения предметов вооружения, а потому и на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 30-го ноября 1918 года за [№] 52 § 5 постановил: подвергнуть подсудимого Афонасия МОШКИНА, 27 лет, содержанию в тюрьме сроком на 1 месяц, с заменой денежным штрафом.

§ 2

1919 года марта 19-го дня военно-полевой суд Тюменского гарнизона, сформированный на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 19-го марта за № 5, в судебном

¹ На полях документа напротив этого абзаца чернилами приписано «Сообщить».

заседании, в законном составе, рассмотрев дело о мобилизованном солдате Тюменского [уездного] воинского начальника Федоре Алексеевиче СЫСОЛЯТИНЕ, 22 лет, по обвинению его в оказании насильственного противодействия вооруженной силе, признал его виновным в оказании насильственного противодействия вооруженной силе, а потому и на основании ст[атьи] 123 пункта 1-го Уголовного уложения постановил: лишить подсудимого Федора Алексеевича СЫСОЛЯТИНА, 22 лет, воинского звания, всех прав состояния и сослать его в каторжные работы сроком на 8 лет.

§ 3

1919 года марта 24-го дня военно-полевой суд Тюменского гарнизона, сформированный на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона [от] 24-го марта сего года за № 6, в судебном своем заседании, в законном составе, рассмотрев дело о мобилизованном солдате Тюменского [уездного] воинского начальника Тимофее Семеновиче ВЕРШИНИНЕ, 25 лет, по обвинению его в хранении у себя на квартире 30 штук берданочных патронов, признал предъявленное ему, ВЕРШИНИНУ, обвинение недоказанным, а потому постановил: подсудимого Тимофея ВЕРШИНИНА считать по суду оправданным.

§ 4

1919 года марта 24 дня военно-полевой суд Тюменского гарнизона, сформированный на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 24-го марта сего года за № 6, в судебном своем заседании, в законном составе, рассмотрев дело о гражданине Тюменского уезда Велижанской волости Сергее Васильевиче ПИАХОВЕ, 38 лет, по обвинению его в том, что он, ПИАХОВ, 12-го сего марта произносил в пьяном виде у ворот Унтер-офицерской школы, при солдатах последней, слова: «всех военных надо разоружить, а потом мы разделаемся с ними по-своему», признал его виновным в заявлении своего сочувствия готовившемуся восстанию, а потому и на основании ст[атьи] 121 части 1-й Уголовного уложения и ст[атьи] 36 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных постановил: подвергнуть подсудимого Сергея ПИАХОВА, 37¹ лет, временно-му заключению в тюрьме сроком на 8 месяцев и лишению не-

¹ Так в документе.

которых особенных лично по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ.

§ 5

На основании вышеприведенных приговоров военно-полевого суда, утвержденных мною и вступивших в законную силу, приказываю Тимофея ВЕРШИНИНА немедленно освободить из тюрьмы и представить его в распоряжение Тюменского уездного воинского начальника, приговоры по отношению к Афанасию МОШКИНУ, Федору СЫСОЛЯТИНУ и Сергею ПИАХОВУ немедленно привести в исполнение.

§ 6

Поступают жалобы городской управы на неуплату воинскими частями причитающихся за отпущенное сверх свечной нормы электрическое освещение.

Приказываю войсковым частям, пользующимся электрическим освещением, произвести немедленно расчет за излишек отпущенного освещения и об исполнении мне донести причем предупреждаю, что части, не произведшие своевременно расчет, могут быть выключены из сети.

§ 7

В исполнение § 4 приказа по гарнизону № 19 предписываю командирам всех частей, команд, управлений, учреждений и заведений вверенного мне гарнизона представлять требуемые сведения приказом по гарнизону № 18 § 4 о личном состоянии частей в гарнизонную канцелярию, а не в штаб Тюменского округа к 3-му и 2-му числу каждого месяца¹.

Приложение: Форма.

Подлинный подписал:
Начальник гарнизона,
подполковник

Корзун

С подлинным верно:
Гарнизонный адъютант,
прапорщик

Полисадо

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 856. Л. 27-28. Типографский отпуск.

¹ На документе имеется делопроизводственная помета «12/IV [1919 г.]».

**Рапорт и. д. старшего делопроизводителя
канцелярии Главного инспектора по пересылке
арестантов подполковника М.К. Центиловича
Главному инспектору по пересылке арестантов
генерал-майору Н.Н. Соболевскому № 366
о результатах опроса начальника и чинов
Тюменской конвойной команды.
Гор. Омск, не позднее 9 апреля 1919 г.⁶¹**

Во исполнение предписания Вашего от 19 марта за № 271 мною произведен опрос начальника и чинов Тюменской конвойной команды, результат коего при сем представляю.

Считаю долгом доложить, что Тюменская команда произвела на меня весьма хорошее впечатление. Люди дисциплинированы, воински воспитаны и, по моему мнению, а также и по заявлению начальника команды, представляют вполне надежный¹ в политическом смысле элемент. Все происшедшее с чинами Тюменской команды я полагал бы возможным объяснить минутным замешательством, происшедшим благодаря тому, что в помещение команды на плечах солдат, вбежавших в казарму с площади из опасения, чтобы у них не отбили винтовок, так как таковые были у них без штыков, ворвалась хорошо вооруженная толпа человек 200, разъединившая солдат и совершенно не дававшая возможности им соединиться. Подпрапорщик команды Семенов, вбежав в команду, крикнул «в ружье», но исполнить этого люди не могли, т.к. были разъединены.

Солдат команды Кузнецов заявил сразу бунтовщикам, что «ни начальства, ни винтовок не выдадим». То, что произошло с Тюменской командой, я полагал бы справедливым назвать только несчастьем, которое может произойти со всяким.

Команда находится в конце города, в нескольких стах шагах расквартировано управление коменданта города и начальника гарнизона, мимо которого должны были пройти бунтовщики.

У людей команды вполне могло получиться убеждение, что город во власти восставших и, конечно, раз восставшим не мог противодействовать весьма многочисленный гарнизон города, то конвойной команде в составе 40 человек с винтовками Бер-

¹ Подчеркнуто карандашом.

дана без штыков нечего было и думать брать на себя миссию подавления бунта.

После опроса людей по делу 13 марта, мною был произведен осмотр канцелярии по пересыльной части, причем все найдено в полном порядке.

Во исполнение предписания Вашего от 27/III за № 308 и телеграммы начальника Главного управления местами заключения № 311 я произвел осмотр Тюменской тюрьмы, причем оказалось: подлежащих пересылке арестантов в тюрьме имеется 62. Случаев задержания отправления без причин не было. В данное время по распоряжению Тобольского губернского тюремного инспектора движение арестантских партий по случаю эпидемии тифа прекращено.

Казенная одежда для пересыльных имеется лишь общего типа. При сопровождении арестантов по городу конвой не снабжается сопроводительной бумагой, согласно приложения XXVI Устава конвойной службы.

О вышеизложенном доношу¹.

Приложение: результат опроса солд[ат] Тюменск[ой] к[онвойной] к[оманды], показания кап[итана] Максимова, прап[орщика] Заболотского, губ[ернского] секр[етаря] [нрзб] рисова и подпоручика Якушева.

И. д. старшего делопроизводителя,
подполковник

Центилович

Результаты опроса чинов Тюменской конвойной команды
по делу о выступлении большевиков в г. Тюмени
13 марта сего года.

Опрошенные по этому делу 31 марта в помещении команды солдаты показали:

Фельдфебель команды ЕВМЕНИЙ ЗУБАРЕВ:

13 марта около 11 часов дня я был во дворе, где показывал плотникам, какие исправления надо сделать в койках вдруг я услышал крики «вот они, бери их» и увидел около дома начальника команды большую толпу человек 400, вооруженную винтовками, которая лезла со всех сторон через забор во двор

¹ На документе имеется делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 754. 9.IV.[19]19 г.».

команды. У некоторых были бомбы. Когда я вошел в казармы, то увидел, что 23 человека, бывшие на занятиях, уже в казармах. Я вбежал в канцелярию и сказал начальнику К[оман]ды, что нас окружили рабочие, не успев я этого сказать, как в канцелярию ворвались человек 7 рабочих, начали обыскивать начальни[ка] К[оман]ды и отбросили писаря от телефона. В это время в казармах набралось масса бунтовщиков, которые требовали оружие, но рядовой Кузнецов крикнул, что оружие не дадут. Вообще, в казармах был большой хаос и крик; разобрать что-бы то ни было, кто что кричит было невозможно. Я совершенно растерялся. Мелькала у меня мысль оказать бунтовщикам сопротивление, но я вспомнил, что ружья без штыков, патроны далеко, люди разрознены бунтовщиками и потому сделать что-нибудь очень трудно. Все это произошло очень быстро: толпа была в казармах минут 4–7 и также быстро и неожиданно ушла, как пришла. Все это произвело как на меня, так и на других солдат ошеломляющее впечатление, вследствие чего и после ухода бунтовщиков как-то никому не пришло в голову их преследовать.

Подпрапорщик Василий Семенович СЕМЕНОВ:

13 марта я был на площади около команды с 22 солдатами на занятиях; как вдруг со стороны города появилась вооруженная винтовками толпа человек 400–500, которая, увидев нас, начала кричать «вот они, давайте их сюда» и произвела несколько выстрелов, после чего, так как винтовки у людей были без штыков, патронов не было и люди, боясь, чтобы у них не отняли винтовки, побежали в казармы. Вбежав в казарму, я крикнул бывшим в казармах людям «в ружье» с целью оказать бунтовщикам сопротивление, но вслед за мной с криком влетела в казарму толпа, разрознила людей и выполнить ничего не удалось. С меня сорвали погоны, кто – я не видел. Все это меня, старого солдата, взволновало страшно. Я подумал, что значит в городе все кончено, город захвачен бунтовщиками и команда – последняя часть. Нас абсолютно никто ни о чем не предупредил, что в городе готовится бунт; если бы было предупреждено, я убежден, команда достойно встретила бы бунтовщиков, так как люди у нас вполне надежные. Даже среди той суматохи, которая была в казармах, недавно прибывший рядовой Кузнецов крикнул, что оружия и начальников команды не выдаст и с бунтовщиками не пойдет.

Около 3-х часов дня к нам в казармы пришел отряд [2-го] Барабинского [кадрового] полка и отобрал у команды оружие по распоряжению начальника гарнизона, а на другой день оружие возвратили. Почему это было сделано – не знаю.

Рядовой Афанасий Качура:

13 марта я был дежурным по команде и в момент прихода толпы был на кухне. Ко мне подбежало человек 5 с ружьями и, сорвав с меня шашку и погоны, потребовало, чтобы я показал им, где хранятся патроны, но я сказал им, что патронов в команде нет, и начал водить их по сарайчикам, где хранятся метлы и другие хозяйственные принадлежности, осмотрев которые они оставили меня и ушли на улицу.

Рядовой Кузнецов Александр:

13 марта я сидел в швальне и, взглянув в окно, увидел, что казарма наша оцеплена и против казармы расставлено 2 пулемета. Я сначала не понял в чем дело – думал, что это производят ученье с молодыми. Затем я услышал выстрелы и шум в казармах и, выскочив из швальни, увидел, что в казарме наши люди перемешались с наполнившей казарму вооруженной толпой. Из толпы кричали: «Давайте нам начальников и оружие», на что я крикнул – «начальников мы не дадим и оружия тоже, а патронов у нас нет». Один из них крикнул: «что с ним разговаривать, берите его на штыки», но в этот момент они почему-то, услышав стрельбу на улице, выскочили.

[Рядовой] Мартынец Федор:

13 марта мы были на занятиях, как вдруг увидели, что к нам идет толпа с винтовками и стреляет. Мимо нас просвистели пули две. Тогда боясь, что нас окружают и отберут оружие, т. к. штыков на винтовках у нас не было, мы побежали в казармы. Вслед за нами ворвалась и толпа человек в 200. Они начали срывать с солдат погоны и сорвали почти со всех. Из толпы кричали: «Давайте начальников и оружие», но благодаря тому, что Кузнецов крикнул, что «начальников и оружия не дадим», они, захватив только шашки, из казармы ушли. В казармах они пробыли недолго.

ГАРФ. Ф. Р-3908. Оп. 1. Д. 37. Л. 79-81. Подлинник. Машинопись.

**Приказ войскам Тюменского военного округа № 228.
Гор. Екатеринбург, 13 апреля 1919 г.**

Из расследования, произведенного по моему приказанию штаб-офицером для поручений полковником Кобылинским⁶² по делу о бунте мобилизованных солдат в городе Тюмени 13 марта с[его] г[ода], усматриваю отличную работу частей гарнизона: Офицерской пехотной школы, Офицерской артиллерийской школы, унтер-офицерской пехотн[ой] школы, Тюменской кадровой батареи и частей 2[-го] кадров[ого] Барабинского полка, сознательно отнесшихся к происшедшему, быстро и энергично ликвидировавших попытку безумцев.

Из числа отдельных исполнителей должен особенно выделить деятельность некоторых лиц, которые своими распоряжениями, энергией и нравственным влиянием способствовали поддержанию и восстановлению нарушенного порядка.

Комендант г. Тюмени подполковник **Корзун**, получив сведения о бунте, немедленно принял меры к усилению и упорядочению охраны тюрьмы, как места, куда, конечно, взбунтовавшиеся должны были двинуться с целью усилить свои ряды освобожденными; он усилил караул тюрьмы боевыми патронами, направил туда конные части чехов и часть 2[-го] кадрового] Барабинского полка и тем не допустил захвата тюрьмы.

Начальник окружной пехотной унтер-офицерской школы подполковник **Заалов** – первый со школой явился на место и, руководя объединенными силами Офицерской и унтер-офицерской пехотных школ, своими энергичными распоряжениями и действиями способствовал быстрому подавлению бунта.

Младший офицер местной команды подпоручик **Пимонюк**⁶⁵ – начальник по охране сборного пункта – организовав охрану пункта и получив сведения от высланной им разведки о направлении бунтовщиков, он с отрядом, усиленным мобилизованными интеллигентами, быстро направился к тюрьме, куда прибыл одним из первых со своим отрядом и своими энергичными действиями не только охранил тюрьму от захвата, но, преследуя бежавших мятежников, произвел обыск в «Сараях», где захватил часть оружия и арестовал 30 человек.

Бывший начальник Контрразведывательного отделения штаба округа подпоручик **Борисов** – благодаря энергии и распоряди-

тельности коего вдохновители восстания были заранее раскрыты и арестом их в день восстания таковое лишено было руководства.

Во время подавления бунта он все время находился в наиболее важных пунктах и осведомлял начальствующих лиц о ходе событий.

Молодой солдат конвойной команды **Кузнецов**, когда банда бунтовщиков, ворвавшись в помещение, стала требовать выдачи оружия и начальства, когда среди солдат стал раздаваться призыв присоединиться к восставшим, выдвинувшись вперед, смело крикнул: «Начальства не выдадим, а также и оружия!» и тем показал пример мужества остальным.

После этого банда быстро удалилась из помещения команды, не встретив сочувствия.

Той же конвойной команды солдат **Качура**¹ на требование восставших показать где хранятся патроны, водил их по всем кладовым и хозяйственным постройкам, не показывая лишь той кладовки, где хранились боевые припасы. Этим он выиграл время и сохранил патроны, так как торопившаяся банда, не производя тщательного обыска и не встречая сочувствия в команде, быстро удалилась.

От лица Родины и службы благодарю все поименованные части гарнизона, г[оспод] офицеров и солдат за проявленное ими чувство долга, энергию и распорядительность. Солдат конвойной команды **Кузнецова** и **Качура** произвожу в ефрейторы с 13 марта.

Но наряду с проявлениями таких высоких нравственных качеств, необходимо отметить и лиц, поступивших крайне малодушно.

Начальник Тюменской конвойной команды капитан **Максимов** – когда толпа ворвалась в команду и производила беспорядок, хотя и все время находился в команде, но никаких распоряжений не отдавал и даже по уходе толпы, отправившись домой, снял с себя офицерские погоны. За такое поведение, недостойное звания офицера и начальника, и за бездействие власти отрешаю капитана **Максимова** от командования конвойной командой и предаю военно-окружному суду.

Той же конвойной команды солдат **Кравченко**^{II} – когда бунтовщики пришли в казарму и стали требовать выдачи оружия,

^I Исправлено. Здесь и далее по тексту документа ошибочно *Кочура*.

^{II} Исправлено. В документе здесь и далее по тексту документа ошибочно *Кровченко*.

начальства и предлагали солдатам присоединиться к ним, малодушно снял с себя погоны и сорвал таковые с солдата, стоявшего рядом с ним.

За такое проявление малодушия и непонимания своего долга перед Родиной солдата Кравченко предаю военному окружному суду.

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант **Рычков**
(Отделение инспекторское)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 139-140. Типографский отпуск.

№ 57

Приказ войскам Тюменского военного округа № 229. Гор. Екатеринбург, 13 апреля 1919 г.

Поручик Окружной унтер-офицерской школы Тюменского военного округа Виктор Петрович Турукин предан Тюменскому военному-окружному суду на театре военных действий по обвинению в том, что в ночь на 26 января 1919 года в гор. Тюмени, находясь в наряде для производства обысков и арестов и будучи в подчинении начальнику 4-го участка капитану Михайлову, он, Турукин, получив общее с другими офицерами распоряжение о производстве обысков в оцепленной 4-ой части гор. Тюмени и ордер на право обысков, распоряжения этого умышленно не выполнил, обысков производить не стал и ушел к себе на квартиру, т.е. в деянии, предусмотренном лит[ерой] б 104 ст[атьи] кн[иги] XXII С[вода] В[оенных] П[остановлений] 1869 года изд[ание] 4-ое.

Основание: Сношение военного прокурора Тюменского военному-окружного суда от 5-го апреля с[его] г[ода] за № 1015.

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант **Рычков**
(Отделение военно-судных и гражданских дел)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 140. Типографский отпуск.

**Доклад помощника-заместителя Управляющего
Тобольской губернией К.Ф. Копачелли
Управляющему Тобольской губернией
В.Н. Пигнатти о восстании мобилизованных
в гор. Тюмени.
Гор. Тобольск, 14 апреля 1919 г.**

Секретно
Копия

За время, проведенное мною в Тюмени (с 1-го по 9-е апреля 1919 г.), я имел беседы со следующими лицами: Управляющим Тюменским уездом В.Э. Бончковским, городским головой А.С. Флоринским, членом Тюменской городской управы В.Д. Пагиревым, начальником Тюменской тюрьмы В.В. Золотаревым, начальником Тюменской милиции В.К. Островским⁶⁴, помощниками начальника милиции Е.И. Клепацким и П.А. Емельяновым, начальником конного отряда милиции М.В. Николаевым¹, участковыми начальниками милиции 1-го уч[астка] М.Н. Заблоцким⁶⁵, 2[-го] уч[астка] А.Ф. Гусевым, 3[-го] уч[астка] И.П. Задорожных и 4[-го] уч[астка] Н.Н. Хеновым, с заведующим Тюменским лагерем военнопленных шт[абс]-кап[итаном] Подлашук[ом], начальником Уголовного отделения Н.Н. Кислицким⁶⁶, товарищем прокурора С.П. Агатовым и милиционером 1-го уч[астка] Титовым.

Кроме того, я имел секретное совещание с начальником гарнизона гор. Тюмени подп[олковником] Корзун[ом], начальником Тюменской контрразведки ротмистром Посниковым¹¹ и Управляющим Тюменским уездом В.Э. Бончковским – по вопросу о поведении Тюменской милиции во время событий 13-го марта.

Независимо [от] сего мною был произведен детальный осмотр Тюменской [уездной] тюрьмы, где имел беседу с заключенным Авдеевым, и лично посетил в сопровождении Управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского, начальника милиции В.К. Островского, помощника начальника П.А. Емельянова и начальника конного отряда милиции М.В. Николаева⁶⁷ все

¹ Исправлено. В документе здесь и далее ошибочно *М.Н. Николаевым*.

¹¹ Исправлено. В документе ошибочно *Постниковым*.

места, где в той или иной степени развертывались события 13–15 марта¹.

На основании собранных сведений вся картина восстания и его ликвидации сложилась в моем представлении в следующем виде.

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ВОССТАНИЮ

1. В городе Тюмени

Восстание 13-го марта не было неожиданностью ни для представителей гражданской власти, ни для представителей военной власти.

С первого появления на Тюменском сборном пункте лиц, подлежащих призыву по мобилизации, 1914–1918 годов [призыва], для постороннего наблюдателя было заметно, что настроение призываемых неспокойно: как сами призываемые, так и сопровождающие их родственники не скрывали своего недовольства объявленной мобилизацией. Менее сдержанные из них открыто выражали свое недовольство, иногда с прямыми угрозами: «Пусть только нам выдадут оружие, мы им покажем».

Подобное настроение мобилизуемых не скрылось от наблюдения чинов наружной и уголовной милиции, и с 8-го марта начальником милиции был принят ряд мер к предупреждению возможности беспорядков среди мобилизуемых. Меры эти принимались отчасти по инициативе самого начальника милиции, отчасти вырабатывались на совместных совещаниях начальника милиции с участковыми начальниками. Было усилено негласное наблюдение в местах нахождения мобилизованных, а также на фабриках и заводах, увеличены сторожевые посты, производились объезды, усилена была охрана у Управления [Тюменского уездного] воинского начальника, где заседало присутствие по приему мобилизованных. Как о настроении призываемых, так и о всех принимаемых милицией предупредительных мерах доводилось до сведения Управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского и начальника местного гарнизона полковника Зенкевича.

Лица, принятые по мобилизации в воинском присутствии, отводились и размещались в полковых казармах, в помещении

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот абзац на полях документа вертикальной чертой.

нового ночлежного дома, в отведенном для постоя войск магазине Бардыгина. В последних двух помещениях мобилизованные были предоставлены сами себе. Офицерского надзора почти не было. Мобилизованные свободно во всякое время выходили из помещений, разбредались по городу и даже далеко не все из них возвращались в помещения ночевать. Доступ посторонним лицам в помещения мобилизованных был совершенно свободен.

Такие ненормальные условия казарменной жизни мобилизованных, при наличности среди них определенно враждебного отношения к объявленной мобилизации, создали чрезвычайно благоприятные условия для антигосударственной агитации в среде мобилизованных. Агитаторы проникли в помещения мобилизованных, где, разжигая недовольство мобилизованных, открыто пропагандировали идеи павшей советской власти. В помещениях мобилизованных образовывались сборища, носившие характер митингов; в¹ этих сборищах участвовали родственники мобилизованных, рабочие местных заводов и др[угие] посторонние лица. Такие же сборища наблюдались на улицах, в местах наибольшего скопления мобилизованных, и напоминали по своей внешней обстановке летучие митинги.

Милиция боролась с антиправительственной агитацией, арестовывая агитаторов и подозрительных лиц и передавая их в распоряжение Следственной комиссии.

Стали наблюдаться на улицах случаи вызывающего поведения солдат по отношению к офицерскому составу. Появились слухи, подтверждавшиеся отчасти агентурными сведениями, что где-то кто-то организует выступление мобилизованных, без указания, однако же, на какую-либо определенную цель такого восстания. Но все это было туманно, расплывчато, разноречиво и неясно. Было усилено наблюдение за лицами, известными определенностью своих крайних политических убеждений, но никаких указаний на существование где-либо организации предполагаемого восстания добыто не было.

О всех этих слухах было доложено Управляющему уездом и начальнику гарнизона полковнику Зенкевич[у]. Последний созвал 10-го марта секретное совещание из представителей гражданской власти, милиции и военной власти. Совещание это прошло несоорганизованно и вылилось в форму частной

¹ Исправлено. В документе ошибочно *на*.

бессистемной беседы полк[овника] Зенкевич[а] с отдельными участниками совещания по мере их прибытия¹ в помещение совещания. Большинство прибывших на совещание оказалось не в курсе обмена мнениями между полк[овником] Зенкевич[ем] и лицами, ранее прибывшими на заседание. На этом совещании не только не было выработано определенного плана действий на случай восстания, но этот кардинальный вопрос даже не был предметом суждения. Возбужденный одним из участников совещания вопрос о степени надежности охраны здания Ремесленного училища, где имелось оружие и патроны и где производилась починка ружей, остался без ответа. Кто-то из участников совещания обратил внимание на ненадежность солдат батальона 49[-го] пех[отного] полка, из состава которого формируется караул для охраны Ремесленного училища. Этот вопрос также был замолчан.

Приблизительно на другой день появился слух о том, что восстание мобилизованных ожидается в два часа ночи с 12-го на 13-ое марта. Хотя никаких определенных данных в подтверждение этого слуха не имелось, тем не менее, гражданская власть приняла ряд мер, чтобы на всякий случай быть готовой отразить восстание. Так, напр[имер], были усилены все городские посты милиции и охраны каталажных камер, стянуты на ночь в участки все наличные силы милиции, а в Управление милиции – весь резерв; приказано было ночь с 12-го на 13-е марта провести в полной боевой готовности; все лошади конного отряда оставлены были на эту ночь под седлами, установлена была непосредственная связь между Управлением милиции и участковыми канцеляриями; заранее были намечены правительственные и общественные здания (напр[имер], телеграф, водопровод, банк и др[угие]), подлежащие оцеплению при первых реальных попытках к восстанию, и т. п.

В час ночи начальник гарнизона полк[овник] Зенкевич созвал из представителей власти экстренное совещание, в¹¹ котором принимал участие и начальник Тюменской милиции В.К. Островский. Это совещание прошло так же бессистемно, как и первое. Полк[овником] Зенкевичем была проявлена полная растерянность, в силу чего присутствовавший на совещании начальник чешского кавалерийского отряда покинул комнату заседания.

¹ Исправлено. В документе ошибочно *пробывания*.

¹¹ Исправлено. В документе ошибочно *на*.

Ночь с 12-го на 13-ое марта прошла совершенно спокойно. В 8 час. утра 13-го марта третья часть милиционеров была отпущена на отдых, и с 9 ч. утра остальная часть милиции приступила к своей обычной повседневной работе.

2. В Тюменском уезде

Помощник начальника Тюменской милиции И.Е. Клепацкий, заведующий уездной милицией, получил от военной власти сведения, что среди мобилизованных, имевших прибыть 10-го марта на жел[езно]дор[ожной] ст. Кармак (в 30 верст[ах] от Тюмени по направлению к Екатеринбург) для посадки на поезд, нарастает настроение, обещающее вылиться в беспорядки. Взяв с собой отряд молодых солдат в составе 30 штыков и 5 милиционеров, И.Е. Клепацкий ранним утром 10-го марта прибыл на станцию Кармак, где стал ожидать прибытия мобилизованных. Солдатам отряда было выдано военной властью всего по два патрона на винтовку, милиционеры имели у себя по 15 патронов и, кроме того, при них было до 10 ручных гранат, кроме обычного вооружения.

Время посадки на поезд было заранее назначено (и объявлено мобилизованным) в 10 час. утра 10-го марта. К этому времени на ст. Кармак стали прибывать мобилизованные в сопровождении многочисленных родственников и родных. Мобилизованных, подлежащих посадке на поезд, было 210 человек, но вместе с провожающими их лицами образовалась на станции толпа до 1 000 человек.

Ст. Кармак была при бегстве большевиков сожжена дотла; в настоящее время там имеется два дощатых¹ барака для обслуживания нужд технического персонала станции; никаких иных, хотя бы временных, построек для лиц, ожидающих прихода поезда, там не имеется.

Прибывшие мобилизованные были совершенно спокойны, тем более, что значительное большинство их принадлежало к составу Фоминской волости, наиболее лояльной. Однако, когда ожидание поезда для посадки стало довольно продолжительным, а от начальника ст. Кармак мобилизованные узнали, что время прихода поезда остается неизвестным, причем на все свои запросы о поезде начальник станции никаких сведений со ст. Тюмень получить не может – настроение толпы стало резко

¹ Исправлено. В документе ошибочно *досчатых*.

повышаться. Уже в середине дня состояние толпы стало настолько угрожающим, что И.Е. Клепацкий принужден был привести весь отряд в боевую готовность. К полудню, не видя поезда, толпа стала бушевать, возмущаясь жел[езно]дор[ожными] порядками, угрожала самосудом начальнику станции и предпринимала попытки снести¹ временные станционные бараки. Только после усиленных запросов по телеграфу И.Е. Клепацкий к вечеру получил из Тюмени сообщение, что поезд для мобилизованных прибудет на станцию Кармак не ранее 2-х часов ночи. Известие это взвинтило настроение толпы и были моменты, когда казалось, что огонь по толпе является единственным средством предотвратить катастрофу.

Твердость и самообладание И.Е. Клепацкого, дисциплинированность, проявленная отрядом, и самовольный отъезд части мобилизованных вместе с провожающими лицами на ст. Тюмень – разрядило стихийность толпы, и положение на ст. Кармак улучшилось.

Ночью И.Е. Клепацкий, найдя возможным поручить дальнейшую охрану ст. Кармак юнкеру из состава своего отряда, выехал в Тюмень вслед за уехавшей туда частью толпы. Однако, по прибытии в Тюмень, он получил сведения, что в Велижанах и окре[с]тных селениях происходят среди мобилизованных беспорядки; причем мобилизованные чинят насилие над сельской администрацией и должностным составом волостных сельских управ. Взяв с собой из Тюмени 25 солдат и 10 милиционеров, И.Е. Клепацкий отправился в Велижаны. Дорогой, в дер. Тюневой, он застал буйствовавших мобилизованных. Решительными действиями, без применения оружия, он быстро привел к повиновению мобилизованных и отправил их в Тюмень. То же он успел сделать и в Велижанах. Главари им были арестованы и сданы в Тюмени в распоряжение военных властей.

II. ВОССТАНИЕ МОБИЛИЗОВАННЫХ В ТЮМЕНИ

1. Начало восстания

В 10 час. утра 13-го марта неизвестная женщина, проходя мимо здания Ремесленного училища, сообщила стоявшему на посту у Ремесленного училища младшему милиционеру 1-го

¹ Исправлено. В документе ошибочно *снести*.

участка (из эвакуировавшихся чинов Ставропольской⁶⁸ милиции) Дмитрию Титову, что по Тюменской улице направляется к училищу отряд восставших мобилизованных. Желая проверить сообщение, Титов побежал на угол Тюменской ул[ицы], но едва он поравнялся с углом этой улицы, как из-за угла быстрым шагом, в довольно стройном порядке вышел отряд мобилизованных численностью до 300 человек под командой неизвестного лица. Отряд повернул с Тюменской улицы по направлению к Ремесленному училищу. Отряд не имел винтовок, но в руках немногих из состава этого отряда были заметны револьверы. Титов тотчас же бросился бежать обратно к Ремесленному училищу, чтобы предупредить военный караул, находящийся внутри помещения училища, и по телефону училища дать знать о случившемся канцелярии ближайшего участка.

Завидев бегущего к училищу милиционера, из отряда выделилось 10-12 человек, бросившихся вслед за Титовым с намерением задержать его, чтобы не допустить до училища. Так как расстояние между бегущим Титовым и преследовавшими его людьми было крайне незначительно, то в коридор Ремесленного училища Титов успел вбежать почти одновременно с преследовавшими его лицами. Крикнув на бегу военному караулу об опасности, Титов забежал в помещение, где находился телефон, успел сделать поворот ручкой телефона, но в это время был отброшен от телефона подбежавшими людьми. До слуха Титова донеслась команда караульного начальника «встать», затем Титов увидел, что часть отряда мобилизованных ворвалась в помещение Ремесленного училища, а другая часть осталась на улице и, по долетевшим до Титова отдаленным крикам, видимо, стала «митинговать». Из коридора училища слышен был голос заведующего Ремесленным училищем, в чем-то убеждавшего восставших.

Вбежавшие в училище мобилизованные сделали попытку разоружить Титова, но последний, взяв винтовку наперевес, с криком «ура», угрожающе размахивая винтовкой, бросился к противоположной двери комнаты, ведущей во внутренний двор училища. Стоявшие у этой двери мобилизованные растерялись от неожиданного крика Титова и стремительного движения его к двери со штыком в руках и в смятении расступились, открыв Титову свободный доступ через дверь. Титов выбежал во внутренний двор, перелез через забор на улицу, вскочил на

случайно проезжавшего свободного извозчика¹ и погнал в канцелярию 1-го уч[астка], где доложил о происшедшем. Из участка о восстании было тотчас сообщено в Управление милиции, Управляющему уездом и начальнику гарнизона.

Восставшие без всякого труда обезоружили военный караул, состоявший из 7 солдат во главе с унтер-офицером, и разобрали имевшееся в училище оружие, патроны и порох. Среди забранного оружия оказалась захваченная часть оружия, подлежащего ремонту, а потому совершенно негодного к употреблению.

По получении известия о восстании начальник милиции приказал начальнику 1-го уч[астка] подпоручику М.Н. Заблоцкому отправиться с отрядом своих милиционеров к Ремесленному училищу. Во исполнение этого приказа М.Н. Заблоцкий с четырьмя своими помощниками и с отрядом милиционеров в составе 27-30 человек отправился к месту происшествия. На углу Садовой ул[ицы] и Республики М.Н. Заблоцкий встретил воинский отряд в 210 человек, состоящий из чинов офицерской и унтер-офицерской школ. Отряд этот был послан распоряжением начальника гарнизона к Ремесленному училищу.

Когда оба отряда пришли к месту своего назначения, восставших там уже не было.

2. В центре города

Получив сообщение о восстании, начальник милиции В.К. Островский, сделав необходимые распоряжения, сам с небольшим конным отрядом милиционеров отправился к Ремесленному училищу. Не застав там мятежников и получив сведения о том, что вооруженные мятежники направлялись к лагерю военнопленных, В.К. Островский в виду малочисленности своего отряда не нашел возможным преграждать путь восставшим, а принял меры к охране центральных частей города. С этой целью, возложив на помощника своего Лепешинского с резервом в 15 человек милиционеров охрану Управления милиции, Казначейства и катажных камер, В.К. Островский усилил охрану банка, телеграфа и городской электрической станции, а затем со вторым своим помощником поручиком П.А. Емельяновым отправился в центральную часть города.

¹ Исправлено. В документе ошибочно *извозчика*.

На ул[ице] Республики и прилегающих к ней частям центральных улиц было заметно стечение публики, которую привлекло необычно продвижение по городу вооруженных воинских и милицейских отрядов. Настроение публики, не знавших действительных событий, было спокойное, но полное любопытства. Во избежание случайных жертв и в целях освобождения улицы от праздной толпы вся местность от Ремесленного училища до ул[ицы] Республики, а также улица Республики, Садовая ул[ица] и ближайшие перекрестки были оцеплены милиционерами: везде были расставлены посты, прекращавшие по этим улицам движение, и, кроме того, разъезды конных милиционеров быстро, но без решительных мер, очищали улицы от любопытствующих, предупреждая тем самым возможность скопления на улицах публики.

Принятие всех этих мер не вызвало никаких инцидентов, так как публика беспрекословно подчинялась предъявляемым к ней требованиям.

На углу Садовой ул[ицы] и Республики начальник 1-го уч[астка] милиции М.Н. Заблоцкий, вернувшись от Ремесленного училища, установил при посредстве телефона № 141 связь с начальником гарнизона и комендантом города. Отсюда М.Н. Заблоцкий имел все время наблюдение за порядком в этой части города и, в частности, своего участка.

3. На пути к лагерю военнопленных

Мятежники, вооружившись в Ремесленном училище, отправились по Томской улице в лагерь военнопленных, отстоящий от черты города приблизительно в 2–3 верстах. Дорогою они останавливали прохожих, предлагая им присоединиться к восстанию, и производили выстрелы в воздух. Некоторые из прохожих присоединялись к бунтовщикам. Пройдя Томскую улицу, мятежники направились по Пароходской ул[ице]. Здесь они встретили местную конвойную команду в составе 25 шашек и 3-х винтовок¹. Конвойная команда без всякой попытки к сопротивлению дала себя разоружить; отношение этой команды к мятежникам было, видимо, благожелательное, или, по крайней мере, совершенно индифферентное^{II}, потому что

¹ Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто карандашом генерал-лейтенантом В.В. Рычковым.

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *индифферентное*.

у некоторых из состава конвойной команды мятежники сохранили их оружие¹.

Пройдя Пароходскую ул[ицу], мятежники разделились: часть из них направилась к пристаням, как оказалось впоследствии, эта часть, минуя лагерь военнопленных, пошла к чугуноплавильному заводу Машарова; другая же часть мятежников по Островской ул[ице] направилась к лагерю военнопленных.

4. В лагере военнопленных

О лагере военнопленных, видимо, представители местной власти забыли, потому что появление там мятежников оказалось для администрации лагеря совершенно неожиданным.

Канцелярия лагеря занимает один из центральных барачков. С самого утра там шли обычные повседневные занятия. В помещении канцелярии, состоящей из 4-5 комнат, находилась администрация лагеря, канцелярские служащие и, как обычно, много военнопленных с различными справками, заявлениями, просьбами.

Приблизительно около 12 часов дня у канцелярии совершенно неожиданно появилась с шумом и криками большая толпа вооруженных мятежников, сопровождаемая военнопленными. Из толпы неслись призывы к восстанию. Часть мятежников ворвалась в канцелярию. Один из мятежников, увидев^{II} в офицерской форме помощника заведующего лагерем, приставил к его груди винтовку со штыком, держа палец на спуске курка. Из находящихся в канцелярии военнопленных раздались тревожные крики: «не стреляй, не смей стрелять, он ничего нам худого не делал». Одновременно с этим часть ворвавшихся мятежников проникла в кабинет заведующего лагерем штабс-капитана Подлащук[а], который тотчас был мятежниками обезоружен. Из толпы мятежников раздались голоса, требовавшие немедленного расстрела Подлащука и всей администрации лагеря. Военнопленные, находившиеся в конторе, протестовали против расстрела, уверяя мятежников, что вся администрация лагеря относилась к военнопленным хорошо и что они никого расстреливать не дадут.

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил весь абзац на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Команда не принимала участия в мятеже».

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *увидя*.

Среди общего шума толпа мятежников продолжала призывать военнопленных присоединиться к восстанию, уверяя, что вся власть в городе перешла в руки восставших, что к ним присоединились чехи и что из Омска и Екатеринбурга идут советские войска. Встретив со стороны военнопленных дружный отказ поддерживать восстание, толпа мятежников, к которой примкнули содержащиеся в лагере красногвардейцы, покинула лагерь и пошла по направлению к бывшей Текутьевской мельнице (ныне Гусева).

При произведенной вечером проверке оказалось, что к восставшим присоединилось 200 красногвардейцев; никто из содержащихся в лагере военнопленных австрийцев и мадьяр к восстанию не примкнул¹.

5. На пути к тюрьме

Ближайшая дорога от лагеря военнопленных к тюрьме лежит чрез Копыловские сараи, мимо мельницы Гусева.

Когда толпа мятежников поравнялась с мельницей, часть восставших занялась призывом рабочих присоединиться к восстанию. Некоторые из рабочих примкнули к восставшим, хотя вскоре покинули ряды мятежников.

Войдя в подгородную местность (Копыловские сараи), толпа мятежников соединилась здесь с той частью восставших, которые, минуя лагерь военнопленных, направились непосредственно к заводу Машарова, находящемуся в районе Копыловских сараев.

Эта последняя часть восставших, приблизившись к заводу Машарова, увидела стоявшего на посту милиционера 4-го участка Дмитрия Стрюкова. Толпа потребовала от Стрюкова оружие; последний, не отдавая оружия, бросился бежать по направлению к своей квартире. Несколько мятежников стали его преследовать; из толпы по убежавшем Стрюкове был открыт огонь. Недалеко от своей квартиры Стрюков был тяжело ранен пулей в спину навылет. Догонявшие Стрюкова мятежники, увидев^{II}, что Стрюков не убит, а лишь ранен, решили его добить. Мольба жены Стрюкова^{III}, просившей мятежников дать ей возможность проститься с умирающим мужем, несколько

^I Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил весь абзац на полях документа вертикальной чертой и поставил вопросительный знак.

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *увидя*.

^{III} Исправлено. В документе ошибочно *Стрюковой*.

замедлили решение мятежников, которые, заметив, что в пого-не за Стрюковым они слишком далеко отделились от остальных восставших, поспешили вернуться к заводу Машарова.

На заводе Машарова восставшие занялись агитацией, но успеха не имели. Отдельные рабочие примкнули к мятежникам, но затем оставили их.

Из Копыловских сараев дорога к тюрьме идет через железно-дорожное полотно, куда все восставшие и вышли приблизительно в два часа дня.

6. Руководство военными действиями

Руководство действиями воинских сил по подавлению восстания составляло обязанность начальника гарнизона полк[овника] Зенкевича. Когда восстание началось, о чем немедленно было дано знать в Управление начальника гарнизона, В.К. Островский на лошади отправился к полк[овнику] Зенкевичу для получения от него личных распоряжений. В течение времени около 1 ½ часов В.К. Островский нигде не мог найти полк[овника] Зенкевича, так как последний в это время переезжал из одного дома в другой¹. Только около 12 час. дня В.К. Островскому удалось застать полк[овника] Зенкевича в Управлении коменданта города. Полк[овник]^{II} Зенкевич оказался крайне растерянным и не в курсе происходивших событий, поэтому никаких указаний или распоряжений В.К. Островский добиться от него не мог. Тогда В.К. Островский рекомендовал полк[овнику] Зенкевичу отправиться вместе с ним к командиру 2-го Чехословацкого кавалерийского полка полковнику Червинке^{III}. Последнего В.К. Островский и полк[овник] Зенкевич застали сидящим за столом, на котором была разложена карта города Тюмени. К нему все время приезжали ординарцы с донесениями. Полк[овник] Червинка объяснил прибывшим путь следования восставших и их местонахождение в данный момент. Далее полк[овник] Червинка сообщил, что вся река Тура, лагерь военнопленных (после ухода оттуда восставших), вокзал, винный склад и окраины города охраняются чешскими частями.

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это и предыдущее предложение на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Находился в кабинете прокурора Во[енно]-окр[ужного] суда».

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *подп[олковник]*.

^{III} Исправлено. Здесь и далее по тексту документа ошибочно *Черевинка*.

7. В воинском присутствии

Обычно заседания [уездного] воинского присутствия по приему мобилизованных происходили в помещении⁶⁹ при Управлении [уездного] воинского начальника. Председательствование в воинском присутствии В.Э. Бончковским было поручено помощнику Управляющего Тюменским уездом И.В. Удинцеву.

13-го марта к 10 час. утра в помещении воинского присутствия собралось много подлежащих призыву. Вскоре явились И.В. Удинцев, Тюменский уездный врач Осокин⁷⁰, член городской управы В.Д. Пагирев, представитель Тюменского уездного земства Черноморский и представитель военного ведомства.

Слухи о начавшемся восстании быстро дошли до сведения собравшихся в присутствии. Настроение мобилизуемых было спокойное. Председательствующий И.В. Удинцев предложил отложить заседание. К нему присоединились врач Осокин и Черноморский. Против предложения И.В. Удинцева горячо протестовали В.Д. Пагирев и представитель военного ведомства, доказывая, что работу присутствия необходимо открыть немедленно, чтобы отвлечь внимание собравшихся мобилизуемых от происходящих в городе событий.

Врач Осокин откровенно заявил членам присутствия, что в такой тревожный момент он не может чувствовать себя среди призываемых в безопасности, будучи уверенным, что в случае присоединения мобилизуемых к мятежникам, он окажется главным объектом насилий.

Необходимо отметить, что, по свидетельству В.Д. Пагирева, председательствующий И.В. Удинцев, [а] в особенности же врач Осокин, проявляли при приеме мобилизуемых крайне грубое обращение в отношении призываемых. Грубость обращения усиливала обычное недовольство призываемых и потому всегда вызывала со стороны В.Д. Пагирева протесты.

После заявления врача Осокина все трое быстро удалились из помещения присутствия, не объяснив – совсем ли они ушли из присутствия, или лишь до более благоприятного времени. В присутствии остались В.Д. Пагирев и представитель военного ведомства.

Призываемые, видя, что присутствие долго не открывается, стали проявлять недовольство. К 12 час. дня недовольство это стало принимать характер открытого возмущения.

В.Д. Пагирев вызвал к телефону Управляющего уездом В.Э. Бончковского и просил его дать указания, как поступить

в отношении заседания. В.Э. Бончковский признал необходимым немедленно открыть присутствие и обещал сам председательствовать в заседании.

Однако время шло, а В.Э. Бончковский не являлся. Настроение призываемых, раздраженных долгим ожиданием заседания, стало угрожающим.

Вновь позвонили к В.Э. Бончковскому. Последний ответил, что он сам приехать в Управление воинского присутствия не может, а потому им приняты меры к отысканию И.В. Удинцева, врача Осокина и Черноморского¹, чтобы приказать им немедленно приступить к работам по приему мобилизуемых.

Среди находившихся в помещении присутствия подлежащих призыву было несколько интеллигентных лиц. Тюменский [уездный] воинский начальник решил использовать их в качестве боевой силы на тот случай, если беспорядки перекинутся в район воинского присутствия. Лица эти были вызваны в особую комнату, где [уездный] воинский начальник и В.Д. Пагирев обратились к ним с призывом встать в случае надобности на защиту порядка; призыв был выслушан молча: только некоторые из интеллигентных мобилизуемых неуверенно заявили о своей готовности вооружиться. Всего набралось желающих до 35 человек; под командой офицера они отправились за получением винтовок и патронов. Часть из них дорогой исчезла неизвестно куда и только человек двадцать составили небольшой отряд, который был двинут против мятежников, когда последние приступили к тюрьме.

В 2 часа дня явились в помещение присутствия И.В. Удинцев, врач Осокин и Черноморский, скрывшиеся, как оказалось, в земской уездной управе. Присутствие было открыто и благополучно продолжало работать весь день.

8. В районе тюрьмы

Тюрьма оказалась забытой так же, как и лагерь военнопленных^{II}.

Приблизительно после часа дня начальник Тюменской тюрьмы В.В. Золотарев приехал к Управляющему уездом по служебным делам. От последнего В.В. Золотарев совершенно

^I Исправлено. В документе ошибочно *Черноморцева*.

^{II} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это предложение на полях документа вертикальной чертой, поставил вопросительный знак и сделал помету «неправда».

неожиданно узнал о происходящем в городе мятеже и что мятежники в настоящее время, захватив в Ремесленном училище оружие, направились в лагерь военнопленных. В.В. Золотарев тотчас же оставил помещение Управляющего уездом и поехал обратно в тюрьму, чтобы немедленно привести тюрьму в боевую готовность на случай, если мятежники направятся к тюрьме для освобождения заключенных.

Дорогою, на ул[ице] Республики, В.В. Золотарев встретился с начальником гарнизона полк[овником] Зенкевичем. Последний остановил В.В. Золотарева и спросил его, какие им приняты меры для охраны тюрьмы.

В.В. Золотарев объяснил полк[овнику] Зенкевичу, что никаких мер им не могло быть принято, так как о происходящем в городе мятеже он случайно узнал только сейчас.

Приехав в тюрьму, В.В. Золотарев приказал немедленно созвать в тюрьму всех надзирателей без исключения, приостановить всякие работы и передвижения арестантов по тюрьме, камеры запереть на двойные замки, вынести из цейхгауза имеющиеся там патроны и оружие для раздачи их надзирателям.

Команда надзирателей собралась в тюрьму в течение нескольких минут. При этом выяснилось, что из всего состава надзирателей не оказалось налицо троих: старшего надзирателя Григорьева, который находился на квартире, старшего надзирателя Попова, командированного в город за мукой, и младшего надзирателя Рыбьякова, находившегося с двумя арестантами на внешних работах. Чтобы не обессиливать количественного состава надзирательской команды, В.В. Золотарев решил не посылать людей за отсутствующими тремя надзирателями¹.

Всего в тюрьме в тот момент оказалось 27 надзирателей и 29 солдат военного караула, несущего наружную службу по охране тюрьмы.

Когда В.В. Золотарев приступил к вооружению надзирателей, то выяснилось, что военный караул в тот день располагал всего лишь 35-ю берданочными патронами. При таких условиях военный караул был бессилён оказать тюрьме сколько-нибудь существенную помощь. Поэтому В.В. Золотареву пришлось

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот и предыдущие 4 абзаца на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Все распоряжения делались шт[абс]-кап[итаном] Веселухиным, которому была поручена охрана тюрьмы по расп[оряжению] коменданта г[орода] подп[олковника] Корзуна».

озаботиться не только вооружением своих надзирателей, но и снабжением караульных солдат боевыми патронами. Запас патронов в цейхгаузе тюрьмы составлял 200 штук. Эти патроны были распределены между наличными винтовками. В результате, боевые силы тюрьмы выразились в 40 винтовках с 5-ю патронами на каждую винтовку и кроме того 16 надзирателей были вооружены револьверами системы «Смит и Вессон».

Закончив с вооружением надзирателей и солдат, В.В. Золотарев выставил на прачечной¹, в сушилке, наблюдательный пост, поместив туда надзирателя Кичигина.

Через несколько минут с наблюдательного поста были получены сведения, что с северной стороны продвигается цепь восставших мятежников в числе 150–200 человек.

Цепь эта, приблизившись, открыла огонь по тюрьме. Подойдя затем к тюремному огороду на расстоянии приблизительно до 80 сажень от тюремной деревянной ограды, мятежники залегли в овраге и участвовали огонь^{II}.

Учитывая, с одной стороны, незначительную численность тюремного боевого состава и крайнюю ограниченность патронов, а, с другой стороны, принимая во внимание обширную территорию тюрьмы при 500-х человек заключенных, а также наличие деревянных ворот в ограде с восточной стороны и калитки с западной, В.В. Золотарев из опасения очутиться в мешке и, тем самым, оказаться отрезанным от главного корпуса, нашел необходимым, не отвечая на огонь мятежников, сконцентрировать все свои боевые силы у главных тюремных ворот. Для этого В.В. Золотареву пришлось отвести всю охрану с северной стороны тюрьмы, сняв наружные и внутренние посты с мужской больницы и женского отделения, оставив заключенных на замках.

Вскоре с наблюдательного поста было дано знать, что со стороны мятежников выделились две группы: одна, численностью до 40 человек, взяла направление к восточным воротам, а другая, в числе до 30 человек, направилась к западной калитке. В это время к тюрьме шел на дежурство старший надзиратель Григорьев. Завидев Григорьева, мятежники бросились к нему, отобрали от него револьвер системы «Наган»^{III} и шашку и при-

^I Исправлено. В документе ошибочно *прачешной*.

^{II} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот и предыдущие 3 абзаца на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Также шт[абс]-кап[итаном] Веселухиным».

^{III} Исправлено. В документе ошибочно «*Ноган*».

ступили к обсуждению дальнейшей его судьбы. Из толпы мятежников слышались настойчивые голоса, требовавшие убить Григорьева. Пока среди мятежников шли рассуждения на эту тему, по дороге проезжала неизвестная женщина в кошевке; Григорьев, уловив удобный момент, вырвался из толпы, добежал до кошевки, впрыгнул на нее и, вырвав из рук оторопевшей женщины вожжи, погнал лошадь. Все это было сделано так быстро и неожиданно, что толпа мятежников растерялась, а Григорьев успел в то время скрыться от глаз восставших и благополучно приехал в 4-й участок.

Подойдя к воротам, мятежники стали бить в них и кричали: «откройте, товарищи». Между тем, та часть восставших, которая расположилась в овраге с северной стороны, все время продолжала обстрел тюрьмы. В.В. Золотарев, сохраняя патроны на случай более критического момента, держал свои боевые силы в полной готовности, не открывая однако же по мятежникам огня. В то же время В.В. Золотарев предупредил по телефону начальника гарнизона и Управляющего уездом о необходимости скорейшей посылки к тюрьме воинской части, так как при решительном наступлении мятежников на тюрьму охрана ее вследствие недостаточности патронов долго продержаться не сможет¹. Начальник гарнизона ответил В.В. Золотареву, что к тюрьме уже давно послана рота [2-го] Барабинского [кадрового] полка. Как потом выяснилось, сообщение начальника гарнизона не соответствовало действительности, ибо никакой воинской части от [2-го] Барабинского [кадрового] полка к тюрьме не приходило¹¹.

Довольно продолжительное время в ограде тюрьмы было напряженное состояние: мятежники настойчиво требовали открыть ворота и, теряя терпение, готовы были ломать их, а помощь извне не приходила.

Вскоре со стороны Управления [уездного] воинского начальника показалась небольшая цепь солдат. Это был отряд из добровольцев-интеллигентов, сформированный в [уездном] воинском присутствии. Вследствие неимения в достаточном

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил подчеркнутое предложение на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Переговоры вел шт[абс]-кап[итан] Веселухин».

¹¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это и предыдущее предложение на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Ложь! Часть Бараб[инского] полка была у тюрьмы».

количестве боевых патронов, отряд этот остановился в некотором отдалении от тюрьмы в вынужденном бездействии. Мятежники, заметив появление этого отряда, стали отходить от ворот на западную сторону для соединения с теми, которые обложили калитку тюрьмы. К этому времени отряд добровольцев получил подкрепление: к нему подошла воинская часть^I. Перестроивши свою цепь, правительственные войска открыли огонь по мятежникам. Перестраивание цепи в связи с вынужденным бездействием из-за неимения патронов было понято в тюрьме, как отступление отряда. Поэтому, установив возможность переговоров с начальником правительственного отряда, В.В. Золотарев просил его в случае необходимости отступления отступить в тюрьму, а не от тюрьмы. Начальник отряда ответил, что он не имеет распоряжения отступить в тюрьму, тем более, что в отряде крайне ограниченное количество патронов. Вскоре отряду доставили боевые патроны, а начальник отряда получил разрешение, если он найдет нужным, отступить в тюрьму.

Подошли чехи^{II}. С приходом их мятеж быстро подошел к концу. Под ружейным огнем чехов и русских воинских частей мятежники отступили к полотну железной дороги, где окопались и вступили в перестрелку. Перестрелка продолжалась недолго: теснимые войсками, мятежники вынуждены были укрыться в Копыловские сараи. Войска повели наступление на Копыловские сараи, где мятежники оказали последнее сопротивление, но не удержались и в беспорядке стали разбегаться. Войска вошли в Копыловские сараи и здесь стали преследовать мятежников, расстреливая всякого, застигнутого там с оружием в руках^{III}.

9. Окончание восстания

Приблизительно в 4 часа дня воинскими частями, совместно с милицией был произведен в Копыловских сараях повальный обыск; причем было задержано подозрительных лиц до 500 человек, которых направили для содержания в каталажные камеры и в тюрьму.

^I Напротив подчеркнутой части предложения генерал-лейтенант В.В. Рычков сделал помету на полях документа «Барабинского полка».

^{II} Напротив этого предложения генерал-лейтенант В.В. Рычков сделал помету «Ранее ун[тер]-оф[ицерская] школа».

^{III} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил весь абзац на полях документа вертикальной чертой.

К 7 часам вечера мятеж был совершенно подавлен, а в 8 час. вечера было введено в городе усиленное военное положение с прекращением какого-либо движения по городу.

Мятеж, возникший в черте городской оседлости, тотчас же затем перебросившийся в загородную часть и закончившийся в пригородной слободе, прошел для значительной части городского населения совершенно незамеченным. Многие даже в день 13-го марта не знали о том, что в городе происходит мятеж, и только на следующий день оказались в той или иной степени осведомленными о происходивших накануне событиях. Поэтому весь день 13-го марта административная, общественная, торговая и промышленная жизнь в городе не приостанавливались.

Потери со стороны мятежников не поддаются точному учету, поэтому не только среди местного населения, но даже в официальных сферах города Тюмени варьируют совершенно произвольные цифры убитых мятежников от 100 до 500¹. Милицией было подобрано и предано земле всего 34 трупа, что дает основание считать эту цифру официально установленной. Но это не исключает возможности допустить большее число погибших, оставшихся вне ведения милиции.

Со стороны чехов и русских – пострадавших нет, за исключением тяжело раненого милиционера Стрюкова, в состоянии здоровья которого недавно наступил кризис с ясно выраженным показанием на благоприятный исход.

В населении упорно держится слух об убитом во время подавления восстания одном чешском солдате, но командир чешского отряда полк[овник] Червинка категорически утверждает, что среди чешского отряда никаких потерь нет¹¹.

И команда тюремных надзирателей, и милиция проявила во время мятежа полную дисциплинированность и находчивость. Поведение и образ действий милиционеров Стрюкова, Титова и тюремного надзирателя Григорьева являются достаточными к тому иллюстрациями. Некоторый диссонанс в этом отношении внес начальник 4-го уч[астка] городской милиции

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил строку с цифрами потерь мятежников на полях документа вертикальной чертой и поставил вопросительный знак.

¹¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот и предыдущий абзацы на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Почему же заседание думы почтило вставанием павших воинов?!».

Афонасьев. Ему еще до мятежа был разрешен двухнедельный отпуск, течение которого начиналось с 13-го марта. Когда получились первые известия о начале мятежа, начальник городской милиции В.К. Островский отдал Афонасьеву распоряжение усилить отрядом милиционеров 4-го участка охрану тюрьмы. Афонасьев, не смотря на исключительность обстоятельств, все же решил считать себя с 13-го марта в отпуске, приказания В.К. Островского не исполнил и выбыл из канцелярии своего участка. По представлению В.К. Островского Афонасьев уволен от службы без прошения.

Следует отметить крайне неприятный для самочувствия всего *состава*^I Тюменской милиции и безусловно вредный для внутреннего спокойствия города Тюмени слух, усиленно муссировавшийся в течение очень продолжительного времени, о том, что будто бы был установлен факт участия чинов местной милиции в мятеже. Слух этот получил распространение из контрразведки, которая довела до сведения начальника гарнизона, что среди убитых агитаторов-мятежников оказался труп с милицейской *повязкой*^{II} на рукаве^{III}. Доверяя этому донесению, начальник гарнизона [под]полк[овник] Корзун телеграфировал 25-го марта в Екатеринбург Главному^{IV} начальнику Тюменского военного округа ген[ерал]-лейт[енанту] Рычкову: «Милиция ненадежна, установлено задержание милиционеров [в] выступлении 13 марта»^V.

Приблизительно 8-го или 9-го апреля я имел в Тюмени деловое собеседование с начальником гарнизона [под]полк[овником] Корзун[ом], с начальником контрразведки ротмистром Посниковым⁷¹ и Управляющим уездом В.Э. Бончковским; причем ротмистр Посников объяснил мне, что вопрос о трупе с милицейской повязкой выяснился. Оказывается, это было неизвестное лицо, агитировавшее среди мятежников и

^I *состава* вписано черными чернилами поверх угасающей машинописи.

^{II} *повязкой* вписано черными чернилами поверх угасающей машинописи.

^{III} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это и предыдущее предложение на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «есть подтверждения».

^{IV} *Главному* печатано на пишущей машинке над строкой.

^V Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это предложение на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Откуда известно содержание шифрованной телеграммы?».

одевшее милицейскую повязку, чтобы создать впечатление, что милиция не только сочувствует восстанию, но и готова принять в нем непосредственное участие. Во всяком случае, по объяснению ротм[истра] Посникова, в настоящее время вполне установлено, что убитый агитатор – не милиционер.

Однако, ген[ерал]-лейт[енанту] Рычкову контртелеграммы послано не было, и я был вынужден просить начальника гарнизона телеграфировать в Екатеринбург опровержение по содержанию телеграммы от 25-го марта. Мне это было обещано.

Таким образом, с 25-го марта по 9-ое апреля все время муссировался слух об участии милиции в восстании.

Вообще, к глубокому сожалению, приходится отметить, что между контрразведкой и милицией создались ненормальные взаимоотношения. Со стороны контрразведки наблюдается полное недоверие к составу милиции: определенно заявляют на ненадежность милиции, но никаких указаний на конкретные факты, дающие основания к такому выводу, я не мог получить ни от начальника гарнизона, ни от ротмистра Посникова. Взаимное недоверие этих двух органов приняло такие уродливые формы, что начальник [уездной] милиции, посещая по служебным делам контрразведку, вынужден в целях личной безопасности иметь при себе эскорт¹ из нескольких конных милиционеров. Отсюда – полное отсутствие солидарности и сотрудничества во взаимной работе.

III. ЛИКВИДАЦИЯ ВОССТАНИЯ

Позволив себе ввести в содержание настоящего доклада термины «подавление» и «ликвидация» восстания, я исходил из различия внутреннего содержания этих двух понятий. Под «подавлением» восстания я разумею прекращение восстания путем открытого применения вооруженной силы в условиях боевой обстановки. Под понятием же «ликвидации» восстания я представляю себе процесс наложения кар на непосредственных участников восстания, а также на лиц, в той или иной степени причастных как к самому факту восстания, так и к созданию условий, вызвавших восстание, причем самый процесс наложения кар может происходить в условиях, предусмотренных законом (военно-полевой суд), или вне этих условий (расстрелы без суда).

¹ Исправлено. В документе ошибочно *эскаорт*.

1. Расстрелы

Окончание мятежа совпало с началом его ликвидации.

При отступлении мятежников в Копыловские сараи правительственными войсками был взят и доставлен в тюрьму один из мятежников. С этого момента началось почти непрерывное поступление в тюрьму участников восстания.

Арестованные доставлялись партиями. Одна из самых больших партий была доставлена начальником унтер-офицерской школы [под]полк[овником] Зааловым. По приводе этой партии в тюрьму, из состава ее было выделено 5 неизвестных лиц, которые тотчас же были расстреляны в тюремном дворе^I.

По поводу произведенного в тюрьме расстрела В.В. Золотарев послал товарищу прокурора С.П. Агатову отношение, в котором, умалчивая о расстреле, просил его срочно прибыть в тюрьму по весьма важному делу, находящемуся в связи с текущими событиями.

Под вечер были доставлены в тюрьму из контрразведки Авдеев, Дилевская, Емельянов и Кузьмин^{II}. Лица эти были препровождены в тюрьму при отношении начальника контрразведки поручика Борисова⁷²; в отношении этом значилось, что препровождаемые лица подлежат передаче вместе с содержащейся в тюрьме Базилевской начальнику чешской охраны. Явившийся затем начальник чешской охраны потребовал Емельянова, Кузьмина и Базилевскую, которых передал дежурному по караулу офицеру, а последний их расстрелял во дворе тюрьмы^{III}.

В 10–11 час. вечера В.В. Золотаревым были переданы явившемуся в тюрьму [под]полк[овнику] Заалову, согласно распоряжения начальника контрразведки, следующие лица: Холмский, Зиверт, Накосевич, Тупицин, Авдеев и Дилевская⁷³. Лица эти были уведены в контрразведку. Из них поступил обратно в тюрьму на следующий день только Авдеев, который оказался раненым огнестрельным оружием в запястье правой руки и в спину^{IV}.

^I Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил весь абзац на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Согласно прик[азу] командарма Сибирской, тел[еграмма] от 13/III [1919 г.]».

^{II} Исправлено. В документе здесь и далее ошибочно *Кузнецов*.

^{III} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это предложение на полях документа двумя вертикальными чертами.

^{IV} Напротив подчеркнутой части предложения генерал-лейтенант В.В. Рычков сделал помету на полях документа «при побеге».

Авдеев помещен в больницу и в настоящее время числится содержанием за начальником гарнизона.

Трупы расстрелянных оставались лежать во дворе тюрьмы, на месте расстрела. Так как товарищ прокурора С.П. Агатов на приглашение В.В. Золотарева в тюрьму не явился, то на следующий день, 14-го марта, В.В. Золотарев сообщил о трупах по телефону начальнику милиции.

Явившиеся на этот вызов чины милиции подобрали трупы и увезли их из тюрьмы⁷⁴. После этого явился товарищ прокурора С.П. Агатов, которому В.В. Золотарев доложил о произведенных в тюрьме расстрелах.

2. Базилевская

Расстрелянная 13-го марта в тюремной ограде Базилевская, по общим отзывам, принадлежит к разряду темных личностей с довольно подозрительным прошлым. Она – дочь тюремной надзирательницы, прослужившей в тюрьме свыше 20 лет. Впервые имя Базилевской упоминается в период большевистского террора в Тюмени: каракулево пальто одной из расстрелянных большевиками¹ женщин оказалось впоследствии на Базилевской. Во время наибольшего засилья в Тюмени совдепщины Базилевская состояла агентом большеви[с]тской контрразведки. С падением в Тюмени советской власти она оказалась на службе у правительственной контрразведки¹¹.

Причины, вызвавшие расстрел Базилевской, мне не известны, но по поводу этого события в обществе существует много предположений. Характерно, что к факту расстрела Базилевской все в городе отнеслись или совсем безучастно, или же с чувством даже некоторого удовлетворения.

3. Авдеев и Дилевская

Авдеев – преподаватель Коммерческого училища⁷⁵ бр[атьев] Колокольниковых. По отзывам городского головы А.С. Флоринского и члена городской управы В.Д. Пагирева Авдеев очень развитой, интеллигентный человек, прямолинейный, искренний и редкой политической честности. По своим политическим

¹ *большевиками* впечатано на пишущей машинке над строкой.

¹¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это и предыдущее предложение на полях документа вертикальной чертой и сделал помету «Распоряжение начальни[ка] контр[разведки] пор[учика] Купреянова».

убеждениям он принадлежит к партии эсдеков меньшевиков и, если не ошибаюсь, к крылу интернационалистов. В период особого подъема революционного настроения среди преподавателей Коммерческого училища он был в центре той группы преподавателей, которые проводили идею полной автономии училища с устранением от участия в делах училища Колокольниковых.

Авдеев всегда пользовался большой популярностью среди местных рабочих кругов. Он был руководителем их политических настроений и стоял во главе тюменской газеты «Наш путь».

Как во времена большевизма, так и во все последующие этапы политической жизни Сибири Авдеев оставался и в своих политических взглядах, и в своей политической тактике неумолимо последовательным. Большевики относились к нему недоверчиво, причисляя его к правым социалистам⁷⁶; с падением же советской власти в отношении Авдеева установился определенный взгляд, как на представителя крайне левого политического течения.

Из личной беседы с ним в тюрьме я вынес впечатление, что Авдеев принадлежит к числу тех партийных деятелей, которые, глубоко погрузившись в основоположения своей политической программы, утратили способность наблюдать и оценивать реальные жизненные явления. Авдеев – теоретик до автоматичности. Строго последовательно проводя свои взгляды в окружающую его рабочую среду, он не учитывал ни степени интеллектуальности этой среды, ни тех последствий, какие создаются в настроениях рабочих, превратно воспринимавших его политические воззрения и своеобразно их усваивавших. Авдеев совершенно бессознательно, не желая этого, создавал и поддерживал в рабочих кругах большеви[с]тское настроение.

Дилевская – гражданская жена Авдеева, сотрудничавшая с ним в области партийной работы. Она обладала решительным характером и известной степенью экспансивности. Если Авдеев оказывал влияние на умы рабочих масс, то Дилевская воздействовала на их чувства. В этом отношении Авдеев и Дилевская взаимно дополняли друг друга. Дилевская состояла в родстве с известным Свердловым. Это обстоятельство сдерживало представителей советской власти в Тюмени от проявления в отношении Дилевской и Авдеева репрессивных мер, тем более, что Дилевская в период большевизма поддерживала телеграфные сношения со Свердловым⁷⁷. Это же обстоятельство после падения в Тюмени советской власти послужило одним из доказательств антигосударственности Дилевской.

Дилевская состояла секретарем профессионального союза рабочих и руководила всей профессиональной жизнью рабочих масс в Тюмени.

В настоящее время, с устранением Дилевской и Авдеева, вся политическая и профессиональная жизнь рабочих города Тюмени замерла.

По словам самого Авдеева, обстоятельства расстрела Дилевской и др[угих] представляются в таком виде: приблизительно в 2 часа дня 13-го марта в квартиру Авдеева явились чины контрразведки. Дома была только Дилевская. Ее задержали и отправили в контрразведку. Затем те же чины контрразведки арестовали в редакции⁷⁸ газеты «Наш путь» Авдеева, которого также препроводили в контрразведку. Там арестованные без всякого допроса пробыли значительное время, и под вечер их вместе с другими двумя задержанными лицами препроводили в тюрьму, где сдали В.В. Золотареву.

Часов в 10–11 вечера в тюрьму явился [под]полк[овник] Заалов с военным конвоем и, истребовав Авдеева, Дилевскую и еще четырех человек, препроводил всех этих лиц в контрразведку. И на этот раз никакого допроса в контрразведке не производилось; из содержания же разговора по телефону одного из офицеров контрразведки с неизвестным лицом Авдеев понял, что никакого допроса с них снимать не будут, и что сейчас их всех куда-то отправят.

Действительно, по окончании телефонного разговора задержанным приказали собираться, чтобы идти обратно в тюрьму. Пошли в сопровождении офицера и семи солдат.

Дилевская обратила внимание, что их повели иным путем, чем обычно водят арестованных в тюрьму. Своей тревогой она поделилась с Авдеевым. Тот ее успокоил, высказав предположение, что их ведут в тюрьму другой дорогой для того, чтобы избежать какой-либо встречи с другой партией заключенных, препровождаемой из тюрьмы в контрразведку для допроса.

Вышли на Базарную площадь. У одной из лавок офицер приказал остановиться. Солдаты почему-то отошли от арестованных на несколько шагов. Офицер подошел к арестованным и потребовал отдать деньги, если они у них имеются. Необычность обстановки, предъявление странного требования, плохо скрываемая нервозность офицера – все это создало среди арестованных жуткое настроение. Повяло холодом смерти. Кто-то болезненно простонал: «За что...». Дилевская истерически

вскрикнула: «Стреляйте же, не мучьте». Быстро отобрав от некоторых из арестованных оказавшиеся у них деньги, офицер отошел в сторону, и что-то сказал солдатам. Те вскинули ружья. Опять кто-то застонал. Раздался залп. Авдеев увидел, как упала Дилевская. У него подкосились ноги и он почувствовал, что лежит на земле. На минуту он как будто потерял сознание. Затем пришел в себя. Он увидел, как солдаты снимали с убитых платье и обувь. Подошли к нему. Авдеев лежал на боку. Один из солдат стал грубо стягивать с его ног ш[т]иблеты: почти срывал. Затем стали стаскивать меховое пальто. В правой руке, которая застряла в рукаве, почувствовалась острая боль. Солдаты сильно рванули за рукав пальто...

Авдеев очнулся. Солдат уже не было. Вокруг лежали трупы. Он подполз к Дилевской: она была мертва. Попробовал встать. Не сразу удалось.

Окружающая местность была знакома. Недалеко находилась квартира Авдеева. Он пошел туда. Дорогой встретился с патрулем. Пропустили.

Дома он кратко рассказал о случившемся. Нравственная и физическая усталость от всего пережитого была настолько велика, что Авдеев не мог ни о чем думать. Ему было все безразлично.

Утром он явился к городскому голове А.С. Флоринскому и рассказал о расстреле. Был вызван врач, оказавший Авдееву первую медицинскую помощь¹.

А.С. Флоринский вместе с Авдеевым⁷⁹ отправился в городскую управу, где было создано экстренное частное совещание членов управы. На этом совещании был составлен протокол, в который со слов Авдеева были занесены обстоятельства расстрела Дилевской и др[угих]. На совещании этом было решено, не предавая дела¹¹ огласке, о происшедшем довести до сведения Управляющего уездом, товарища прокурора, министра юстиции и министра внутренних дел. Для разрешения же вопроса о способах обеспечения дальнейшей неприкосновенности Авдеева было решено созвать в тот же день второе совещание членов управы с участием Управляющего уездом и товарища прокурора.

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот и предыдущие 4 абзаца на полях документа вертикальной чертой.

¹¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков напротив слов *не предавая дела огласке* сделал на полях документа помету «предано широкой огласке».

Второе совещание состоялось в 1 час дня^I. На этом совещании при участии В.Э. Бончковского и С.П. Агатова было постановлено сообщить о совершенном расстреле начальнику гарнизона и просить его гарантировать жизнь Авдеева.

В.Э. Бончковский, А.С. Флоринский и С.П. Агатов отправились к начальнику гарнизона, где доложили о событии. Там было решено содержать Авдеева в тюремной больнице впредь до суда.

В тот же день Авдеев был добровольно^{II} доставлен в тюрьму.

Обращаясь к вопросу о тех причинах, которые вызвали расстрел Авдеева и Дилевской^{III}, приходится для разрешения его ограничиться одними лишь предположениями.

Официальная версия, исходящая из контрразведки, о том^{IV}, что расстрел Авдеева и Дилевской^V был вызван попыткой их бежать из-под конвоя во время следования в тюрьму, не имеет подтверждения в обстоятельствах, предшествовавших и сопро-
вождавших акт расстрела^{VI}.

По моему мнению, причину расстрела^{VII} необходимо искать в том общем психологическом настроении, какое создалось вокруг личностей Авдеева и Дилевской.

Впервые Авдеев и Дилевская были подвергнуты аресту как лица, вредные для воссоздания государственности, еще в декабре минувшего года. Однако, по ходатайству городского головы А.С. Флоринского, поддержанного Управляющим уездом, Авдеев и Дилевская были освобождены. При освобождении их из тюрьмы они были предупреждены одним из лиц контрразведки, что в случае восстания в городе, они будут расстреляны первыми^{VIII}.

^I Генерал-лейтенант В.В. Рычков напротив этого предложения сделал помету на полях документа «По одном голословном заявлении Авдеева».

^{II} Напротив подчеркнутого слова генерал-лейтенант В.В. Рычков поставил на полях документа вопросительный знак.

^{III} Напротив подчеркнутых слов генерал-лейтенант В.В. Рычков поставил на полях документа вопросительный знак.

^{IV} Напротив подчеркнутых слов генерал-лейтенант В.В. Рычков поставил на полях документа вопросительный знак.

^V Исправлено. В документе ошибочно *Данилевской*.

^{VI} Напротив подчеркнутых слов генерал-лейтенант В.В. Рычков поставил на полях документа вопросительный знак.

^{VII} Напротив подчеркнутого слова генерал-лейтенант В.В. Рычков поставил на полях документа вопросительный знак.

^{VIII} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил начало этого предложения на полях документа дополнительной вертикальной чертой, поставил напротив него вопросительный знак и сделал помету «Откуда это известно?».

По выходе из тюрьмы Авдеев и Дилевская не прекратили своей политической и профессиональной работы среди рабочих.

Настроение рабочего класса в Тюмени вообще очень неспокойное, иногда оно бывает тревожным. Для постороннего наблюдателя было ясно, что в среде рабочих все время тлеет какой-то огонек, будирующий рабочих и подогревающий их настроение. В официальных кругах Тюмени и в широких слоях общества существовало определенное убеждение, что таким огоньком в рабочей среде являются именно Авдеев и Дилевская.

Когда началось в Тюмени восстание мобилизованных, к которому примкнули отдельные из рабочих, никто не считал Авдеева и Дилевскую непосредственными участниками или вдохновителями мятежа¹, но всякий понимал, что большевистская пропаганда среди мобилизованных, вызвавшая восстание, является результатом их политической и профессиональной работы^{II}.

4. Облава в селе Заводо-Успенском

Имелись указания, что мятежники, с подавлением восстания, рассеялись по уезду и, в частности, скрылись в районе села Заводо-Успенского, где имеется писчебумажная фабрика Ятес. Среди рабочих этой фабрики наблюдалось определенное противогосударственное настроение, ярко выражавшееся во время, предшествующее и сопутствующее восстанию в Тюмени. Среди Заводо-Успенского населения и, главным образом, рабочей массы фабрики Ятес велась большевист[с]кая пропаганда в направлении восстановления советской власти.

14-го марта в с. Заводо-Успенское был отправлен отряд [2-го] Барабинского [кадрового] полка в составе 60 солдат под командой прапорщика Шахтарина. К этому отряду были прикомандированы 5 милиционеров. Отряду сопутствовал помощник начальника Тюменской милиции И.Е. Клепацкий. Отряд этот имел своим заданием поимку скрывающихся в с. Заводо-Успенском участников мятежа и большевист[с]ких агитаторов.

¹ Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил это предложение на полях документа дополнительной вертикальной чертой и поставил напротив него вопросительный знак.

^{II} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот и предыдущие 10 абзацев на полях документа вертикальной чертой.

По прибытии в с. Заводо-Успенское прап[орщик] Шахтарин произвел там облаву, результатом которой был арест 15 человек, проявивших себя в качестве антиправительственных деятелей. Кроме того, были задержаны трое местных активных деятеля, открыто пропагандировавших в с. Заводо-Успенском восстановление советской власти. Среди этих лиц задержанным оказался местный большевик Медведев. Эти три лица были расстреляны на месте задержания. Остальные арестованные были доставлены в Тюмень.

По свидетельству лояльной части населения с. Заводо-Успенского, изъятие из их среды противоправительственных элементов и расстрел трех большеви[с]тских деятелей внес полное успокоение в жизнь села.

5. Облавы на городских окраинах

В ночь с 15-го на 16-ое марта Тюменскую милицией¹ совместно с воинскими частями были произведены облавы на окраинных частях города, носящих название «Кузницы», «Угрюмовские сараи», «Крестьянские места», а также – в Копыловских сараях^{II}.

Во время этих облав было задержано до 50 человек скрывавшихся мобилизованных, 5 большеви[с]тских агитаторов, в числе их оказался один моряк, несколько человек красноармейцев, бежавших во время восстания из лагеря военнопленных, и разные подозрительные личности. Во время облав было отобрано несколько ручных гранат, около фунта артиллерийского пороха, винтовочные патроны, седло воинского образца, большеви[с]тская литература и до 20 охотничьих ружей у разных лиц, не имевших на то разрешения.

Облавами руководил начальник Тюменской милиции В.К. Островский^{III}.

Расстрелов при обыске не производилось.

^I Напротив подчеркнутых слов генерал-лейтенант В.В. Рычков поставил на полях документа вопросительный знак.

^{II} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот абзац на полях документа вертикальной чертой.

^{III} Генерал-лейтенант В.В. Рычков выделил этот абзац на полях документа вертикальной чертой, поставил напротив него вопросительный знак и сделал помету «Пор[учик] Борисов. Островского не было».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Способом выяснения общей картины событий в Тюмени, имевших место 13–15 марта, мною были избраны исключительно собеседования с лицами, упомянутыми в начале настоящего доклада. Никаких допросов в порядке формального расследования мною не производилось, так как на это я не имел специальных полномочий. Посему никаких протоколов или актов мною не составлялось. Собранный материал мною был систематизирован, однако без предварительной поверки, ибо такая поверка, по моему мнению, возможна лишь в порядке производства формального дознания.

Помощник-заместитель
Управляющего Тобольской губернией **К. Копачелли**

г. Тобольск
14-го апреля 1919 года

С подлинным верно:
Старший делопроизводитель [*неразборчивая подпись*]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 77-95. Заверенная копия. Машинопись с рукописной правкой.

Опубл.: Партизанщина в Тобольской губернии. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке. С предисловиями С. Пионтковского и Н. Авдеева) // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 168–195.

№ 59

**Телеграмма Главного начальника
Тюменского военного округа
генерал-лейтенанта В.В. Рычкова
начальнику штаба Верховного главнокомандующего
генерал-майору Д.А. Лебедеву о результатах
расследования внесудебного расстрела
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Екатеринбург, 15 апреля 1919 г.**

Военная

ОМСК. НАШАТВЕРХ

344/6357/Д. Произведенным штаб-офицером для поручений расследованием выяснилось: 13 марта [в] день мятежа

были арестованы Авдеев и Дилевская¹. Вечером того же числа эти лица и еще трое других были доставлены [в] контрразведку для допроса, но таковой не состоялся вследствие назначенной ночной облавы [с] участием чинов контрразведки. Около одиннадцати часов вечера конвоем унтер-офицерской школы [под] командой подпоручика Константинова эту партию арестованных отправили [в] тюрьму. [По] дороге [в] тюрьму [на] Базарной площади среди ларей и лавок трое из сопровождавшихся, но кто именно за темнотой нельзя было рассмотреть, бросились бежать. Начальник конвоя приказал стрелять [по] убегающим. [Под] выстрелами пали все пятеро. [На] следующий день 14 марта выяснилось, что Авдеев, будучи ранен ночью, через некоторое время, придя в чувство, отправился [к] городскому голове Флоринскому, где и скрывался до утра. [На] основании голословного и необследованного заявления Авдеева городской голова Флоринский, не ставя [в] известность [об] этом начальника гарнизона, экстренно созвал чрезвычайное собрание общего присутствия Тюменской городской управы, а затем особое совещание для ознакомления [с] заявлением Авдеева и обсуждения деятельности военной власти при подавлении мятежа и дальнейшего плана действий управы. О незаконных действиях городской управы, Управляющего уездом и товарища прокурора представляю почтой особый доклад. 1379/грж

ГЕНЛЕ[Й]ТЕНАНТ *Рычков*
15.IV.1919 г.

[Отделение] В[оенно]-судн[ое] и гр[ажданских] д[ел]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 83. Л. 150. Отпуск. Машинопись.

¹ Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто от руки чернилами.

**Доклад Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова управляющему министерством внутренних дел Российского правительства А.Н. Гаттенбергеру № 5525 о незаконных действиях городской управы Тюмени, Управляющего Тюменским уездом и товарища прокурора Тобольского окружного суда по Тюменскому уезду.
Гор. Екатеринбург, 15 апреля 1919 г.**

В связи с мятежным выступлением в г. Тюмени мобилизованных при поддержке рабочих и красноармейцев, содержащихся в концентрационном лагере, имевшим место 13 марта с[его] г[ода], обращает на себя образ действий городской управы, а также и Управляющего Тюменским уездом г[осподина] Бончковского и товарища прокурора Тоб[ольского] окружного суда по Тюм[енскому] участку г[осподина] Агатова.

Обстоятельства данного дела заключаются в следующем:

Около 11 часов вечера 13 марта с[его] г[ода] под конвоем от унтер-офицерской школы из помещения контрразведки препровождалась в тюрьму партия арестованных (5 человек), в том числе гражд[ане] Авдеев и Дилевская. Проходя через Базарную площадь, среди ларей и лавок трое арестованных бросились бежать, но кто именно – за темной конвоем не удалось рассмотреть. Начальник конвоя подпоручик Константинов приказал стрелять по убегающим. В результате под выстрелами пали все пятеро. На следующий день, 14 марта, выяснилось, что Авдеев, будучи ранен, упал без чувств и через некоторое время, придя в себя, отправился ночью на квартиру городского головы Флоринского, которому и заявил, что на Базарной площади арестованные были остановлены конвоем и расстреляны. Городской голова вместо того, чтобы немедленно осведомить начальника гарнизона о прибытии к нему Авдеева, предпочел его скрыть до утра у себя на квартире. Рано утром, не ставя в известность начальника гарнизона, уполномоченного по охранению государственного порядка и спокойствия⁸⁰, экстренно созвал чрезвычайное собрание общего присутствия городской управы, на котором познакомил членов управы со сделанным ему Авдеевым заявлением и предложил на обсуждение ряд во-

просов, совершенно не входящих в компетенцию управы, о незаконных действиях военных властей, допущенных последними при подавлении восстания. Последствием такого предложения городского головы было вынесено определение управы от 14-го марта с[его] г[ода] за № 256 – городская управа пришла к выводу, что факт расстрела требует проверки законности действий со стороны тех властей, которые принимали участие в этом деле, и считает необходимым довести до сведения Управляющего уездом, прокурорской власти, председателя уездной земской управы и председателя думы и с этой целью созвать особое совещание в 1 час дня, на котором решить, как должно быть поступлено в сем деле, чтобы были соблюдены интересы государственного порядка, законности и справедливости, а также дальнейшей безопасности Авдеева от расстрела.

В этом выводе определенно подчеркивается какое-то недоверие и антагонизм управы к военным властям, несмотря на то, что военные власти не только не дали к тому никакого повода, но, наоборот, принимали всегда все меры к установлению с гражданскими властями наилучших отношений; занятое управой по отношению к воинским властям положение подтверждается решением ее о необходимости выработки плана дальнейших действий для спасения Авдеева от расстрела.

Характерно в определении и то обстоятельство, что, несмотря на полное отсутствие потерь среди войск, принимавших участие в подавлении мятежа, гор[одской] голова почему-то считал нужным почтить «память» воинов, павших при исполнении своего долга. Далее управа признала нужным кроме рассмотрения заявления Авдеева внести на обсуждение особого совещания вопрос о доведении до сведения об этом деле военных властей в лице начальника гарнизона вплоть до командующего войсками Сибирской армии, а также и министров юстиции и внутренних дел. В данном решении можно усмотреть со стороны управы стремление под благовидным предлогом не ставить сразу в известность военные власти о случившемся, а отложить это, хотя бы на некоторое время, т. к., считая Авдеева и Дилевскую невинно пострадавшими, как это выражено в определении, гор[одская] управа путем особого совещания имела в виду создать обстановку для широкой огласки дела Авдеева, еще совершенно не обследованного и возникшего единственно по его голословному заявлению.

14-го марта около 1 часу дня было созвано особое совещание, на которое были приглашены, кроме членов управы, Управляющий уездом, товарищ прокурора и председатель уездной земской управы. На этом совещании было заслушано определение управы за № 256 и признано необходимым довести до сведения начальника гарнизона г. Тюмени об этом деле для принятия им необходимых мер к обеспечению личной безопасности Авдеева впредь до назначения над ним суда. И в том решении совещания опять проглядывает какое-то скрытое опасение на возможность расстрела Авдеева до суда, не взирая на то, что военные власти всегда стояли на страже законности и порядка и данных к подобному недоверию не давали.

Необходимо отметить, что представители правительственной власти – Управляющий уездом г[осподин] Бончковский и товарищ прокурора г[осподин] Агатов, прибывшие на особое совещание, не сделали заявления городской управе, как это они обязаны были сделать, о незаконности созыва особого совещания для обсуждения вопросов, не входящих в его компетенцию, а находящихся в исключительном ведении военных властей за нахождением г. Тюмени в районе театра военных действий.

В дальнейшем, приняв участие в совещании и обсуждении постановленных управой вопросов, расписавшись под протоколом от 14-го марта, Управ[ляющий] уездом и товарищ прокурора придали этому совещанию особую авторитетность и создали основание к неправильному толкованию действий военных властей в такое тревожное время, когда подрыв престижа власти недопустим.

Оба эти постановления (определение и протокол) городской управы, хотя и были вынесены «при закрытых дверях» и с оговоркой «не предавать гласности» – не замедлили сделаться достоянием широких масс населения, особенно в среде рабочих. В результате, под влиянием агитации началось новое брожение среди рабочих, ободренных поддержкой гор[одской] управы, и населению пришлось вновь пережить тревожное время, пока энергичными мерами военных властей эта агитация не была пресечена.

Произведенным штаб-офицером для поручений полковником Белицким расследованием по делу Авдеева голословное заявление последнего, а равно и незаконность действия военных властей, о которой было доложено городским головой в общем присутствии управы, не подтвердились. Наоборот, сви-

детельскими показаниями установлено, что все арестованные пали под выстрелами конвоя во время попытки к побегу трех арестованных из препровождающейся партии.

Допрошенный 27-го марта Стрельбицким товарищ прокурора Агатов по делу о созыве гор[одской] управой чрезвычайного общего собрания и особого совещания заявил, что считает созыв таковых, а равно и участие его в совещании законным, т. к., участвуя в совещании, он поступал как должностное лицо, имеющее определенные обязанности. В показании же своем, данном полк[овнику] Белицкому, г[осподин] Агатов признал действия гор[одского] головы недопустимыми и совещание незаконным. При этом он не дал никаких объяснений по поводу того, что им не было указано гор[одской] управе на незаконность собрания и обсуждения вопросов, подлежащих исключительно ведению военных властей за нахождением гор. Тюмени на театре военных действий.

Считаю необходимым отметить, что Управляющий Тюм[енским] уездом, приглашенный на особое совещание в гор[одскую] управу, не счел нужным поставить в известность об этом начальника гарнизона, будучи безусловно осведомлен о цели совещания до прибытия в управу. На основании показания товар[ища] прокурора г[осподина] Агатова, Управляющий уезд[ом] Бончковский, зная, что Авдеев был ранен при следовании в тюрьму, находясь во главе делегатов от особого совещания, пришедших к начальнику гарнизона, предложил на обсуждение вопрос о помещении раненого Авдеева в городскую больницу.

Несколько месяцев тому назад, согласно показания¹ городского головы, Управ[ляющий] уездом совместно с последним лично ходатайствовали об освобождении из-под стражи Авдеева и Дилевской, арестованных контрразведкой, между тем как Управляющему уезд[ом], казалось бы, должно было быть известно, что Авдеев и Дилевская играли в Совдепе при советской власти видную роль.

Данными расследования полковника Белицкого выяснилось, что арест Авдеева и Дилевской, произведенный в день мятежа, был вызван необходимостью.

Расследование выяснилось, что при захвате большевиками власти Авдеев и Дилевская состояли деятельными членами

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *приказания*.

Тюм[енского] Совдепа: первый – председателем ревизионной комиссии, а Дилевская – секретарем рабочего отдела. Члены управы также не отрицают, что эти лица служили¹ в Совдепе при советск[ой] власти, но стараются смягчить это обстоятельство, указывая, что они находились в оппозиции к этой власти. Между тем как дознанием устанавливается близость их отношений к председателю Центрального исполнительного комитета Свердлову, с которым Авдеев и Дилевская находились в родстве и переписке. Тов[арищ] прокурора Агатов и директор Ком[мерческого] училища Колокольников свидетельствуют о видной роли Авдеева и Дилевской в Совдепе.

На основании свидетельских показаний некоторых лиц можно предполагать, что Авдеев и Дилевская в день мятежа принимали участие в организации толпы мобилизованных, бросившихся расчищать оружие в артиллерийском складе, находящемся в Ремесленном училище; Авдеев был арестован в день мятежа у станка типографии газеты «Наш путь», закрытой навсегда по распоряжению начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Необходимо также отметить, на основании резолюции, помещенной в протоколах [от] 19, 21, 25 ноября 1918 года, оппозиционное отношение гор[одской] управы к установленной в освобожденной части России правительственной власти.

Для полной иллюстрации деятельности гор[одской] управы считаю не лишним указать, что управа не ограничилась созывом двух совещаний для обсуждения действий военных властей, участвовавших в подавлении восстания, но в дальнейшем таковая заявляла, пользуясь случаем, целый ряд мелких претензий по поводу образа действий и распоряжения военных властей, так, например, на постановку караула на электрической станции для ее охраны, на отданное в день мятежа распоряжение непосредственно в машинное отделение и т. п.

Доводя об изложенном до Вашего сведения, считаю необходимым указать, что незакономерность действий городской управы, Управляющего уездом и товарища прокурора выразилась в следующем:

1) Городская управа вопреки действующим законам, определяющим права, обязанности и предметы ведения городских самоуправлений, созвала сначала чрезвычайное собрание об-

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *служат*.

щего присутствия управы, а затем особое совещание, на котором подвергла обсуждению деятельность военных властей при подавлении мятежа.

2) Путем созыва этих заседаний городск[ая] управа нанесла удар авторитету военных властей и, несмотря на закрытые двери заседания, предала широкой огласке дело Авдеева, основанное на его голословном заявлении и не обследованное, – в искаженном освещении.

3) Своим образом действий городск[ая] управа вызвала брожение среди рабочих, не вылившееся в новое выступление только благодаря решительным мерам, принятым военными властями.

4) Городской голова не передал военным властям раненого Авдеева, а скрывал его до утра.

5) Управляющий уездом и товарищи прокурора, будучи приглашены на совещание и узнав о цели его, не сделали управе указания на незаконность такового, а наоборот, приняли участие в обсуждении вопросов, не входящих в компетенцию совещания, чем придали таковому особую авторитетность, и дали повод к неправильному толкованию деятельности военных властей при подавлении мятежа.

6) Управляющим уездом был возбужден вопрос о помещении раненого Авдеева в городской больнице, тогда как ему должен быть известен установленный законом порядок помещения арестованных на излечение в тюремные больницы.

7) Управляющий уездом, ходатайствуя о помещении раненого Авдеева, тем самым проявил какое-то недоверие к военным властям.

8) Управляющим уездом не было сообщено начальнику гарнизона о предполагаемом совещании, хотя он обязан был это сделать, то же самое и товарищ прокурора.

Публ. по: Белогвардейские документы // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 16–18.

№ 61

**Отношение Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова командиру 3-го Лаишевского стрелкового полка подполковнику А.М. Заалову № 84 о присылке характеристики на участников внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Екатеринбург, 15 апреля 1919 г.**

Секретно

Из дознания, произведенного штаб-офицером для поручений полковником БЕЛИЦКИМ, я усматриваю, что фельдфебель бывш[ей] унтер-офицерской школы КОНДРАШЕВ снял с убитой Дилевской пальто, а унтер-офицер ЕФИМОВ снял с кого-то сапоги.

Для принятия решения по этому делу мне необходимо иметь сведения о служебных и нравственных качествах названных солдат, а равно об образе их действий при подавлении мятежа.

Ввиду этого предлагаю подробно донести по указанным вопросам.

Подписал генерал-лейтенант Рычков

Скрепил начальник штаба,
генерал-майор Вихирев

Верно: за старшего адъютанта,
прапорщик

Иванов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 73. Заверенная копия. Машинопись.

№ 62

**Приказ войскам Тюменского военного округа № 237.
Гор. Екатеринбург, 17 апреля 1919 г.**

При сем объявляю для сведения и руководства приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего от 23 марта 1919 года за № 255:

«Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего 23 марта 1919 года № 255 гор. Омск.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий повелел:

§ 1

На основании ст[атьи] 90 XXII кн[иги] С[вода] В[оенных] П[остановлений] временно увеличить на театре военных действий строгость положенного в законе наказания до смертной казни включительно:

За нанесение начальниками всех степеней подчиненным обид действием, ран или увечия, или нанесения ударов или побоев, или применение к подчиненным такого наказания, которое не установлено законом или могло быть определено только приговором суда – ст[атьи] 184, 185, 187, 189 XXII кн[иги] С[вода] В[оенных] П[остановлений].

§ 2

Объявить, что подчиненные за нанесение начальнику или поднятие на него с таким же намерением руки или оружия, а также за всякого рода насильственное или в высшей степени дерзкое против него действие – подлежат по закону лишению всех прав состояния и смертной казни через расстреляние (л[итера] Б ст[атьи] 98 XXII кн[иги] С[вода] В[оенных] П[остановлений]).

Дела последнего рода передавать на рассмотрение военно-полевого суда.

Подписал: Генерального штаба генерал-майор Лебедев

С подлинным верно: и. д. Главного военного прокурора театра военных действий полковник Полидоров»

Главный начальник округа,
генерал-лейтенант **Рычков**

(Отд[еление] воен[но]-суд[ных] и граж[данских] дел)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 142. Типографский отпуск.

№ 63

**Рапорт командира 3-го Лаишевского стрелкового полка подполковника А.М. Заалова
Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову
№ 4 с характеристикой участников внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Тюмень, 18 апреля 1919 г.**

Секретно

Доношу, что подпрапорщик Кондрашев и унтер-офицер Ефимов за все время пребывания в унтер-офицерской школе всегда отличались отличным поведением и ревностным отношением к служебным обязанностям. При подавлении мятежа названные солдаты были все время в самых опасных местах, выполняли самые ответственные поручения и служили примером для прочих солдат школы. В настоящее время оба занимают в полку командные должности.

Подполковник Заалов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 75. Подлинник. Рукопись.

№ 64

**Протокол дознания по делу
о внесудебном расстреле
заключенных Холмского и Л. Базилевской.
Гор. Екатеринбург, 21 апреля 1919 г.**

Акт дознания

1919 года апреля 21-го дня в г. Екатеринбурге я, штаб-офицер для поручений при Главном начальнике Тюменского военного округа полковник Белицкий, на основании предписания Главного начальника округа от 16-го сего апреля за № 89/804 производил дознание по сообщению Тюменской следственной комиссии о расстреле бывшего комиссара почты и телеграфа Холмского и агента большевистской контрразведки Базилевской, причем опрошенные по настоящему делу нижепоименованные лица объяснили:

Бывший начальник Контрразведывательного отделения в г. Тюмени подпоручик Константин Николаевич Борисов, православный, 28 лет от роду, проживающий в г. Екатеринбург, показал:

13-го марта сего года в день мятежа в гор. Тюмени я большую часть времени находился в унтер-офицерской школе и вечером, желая установить не имеется ли связи и знакомства у задержанных во время мятежа лиц с бывшим комиссаром почты и телеграфа Холмским, который при большевиках, как мне известно, был организатором боевого отряда, я сделал распоряжение о вызове Холмского для допроса в распоряжение начальника унтер-офицерской школы, предполагая послать за ним и конвой от этой школы, но вечером было на совещании решено организовать облаву в городе с целью извлечь разбежавшихся мятежников, а потому, не имея возможности произвести допрос Холмского лично, я поручил это чиновнику военного времени Шнейдеру, приказав послать за Холмским своих агентов отделения, так как все чины школы должны были принять участие в облаве. Поздно вечером чиновник Шнейдер мне по телефону доложил, что Холмский после допроса при следовании обратно в тюрьму пытался бежать и агентами был убит, тогда я, выслушав доклады, приказал вызвать санитарную двуколку и убрать труп. Относительно бывшего агента большевистской контрразведки Базилевской мною было сделано письменное распоряжение начальнику тюрьмы о передаче ее в день мятежа под надзор чешской охраны при тюрьме, так как у меня имелись определенные сведения, что Базилевская может оказать свое влияние на арестованных и вызывать среди них восстание. Под вечер в тот же день, т.е. 13-го марта, один из агентов, не помню кто, мне доложил, что Базилевская во дворе тюрьмы за агитацию среди солдат караула в тюрьме расстреляна. Ввиду моего распоряжения о передаче Базилевской чинам чешской охраны, я за массой работы в этот день не спросил кем именно расстреляна Базилевская и в своем рапорте донес, что она расстреляна чешской охраной, и лишь потом узнал, что до передачи ее в названную охрану она подстрекала к неповиновению конвоировавших ее солдат и была расстреляна по приказанию слышавшего это дежурного по караулам, находившегося в тюрьме. Больше добавить ничего не имею. Показание мною прочитано.

Подпоручик

Борисов

Начальник Контрразведывательного отделения при штабе Тюменского военного округа ротмистр Владимир Федорович Посников, православный, 42 лет от роду, показал:

Сведений о том, когда были арестованы бывший комиссар почты и телеграфа Холмский и агент большевистской контрразведки Базилевская, у меня не было и дела этих лиц были переданы в Следственную комиссию до принятия мною отделения. 20-го марта сего года, вступив в должность начальника отделения и усмотрев из дел, что вышеназванные лица в день мятежа в гор. Тюмени были убиты, на основании существующих законоположений о передаче дел об умерших на прекращение, затребовал дела Холмского и Базилевской от Следственной комиссии, каковые дела по получении мною при сношении от 31-го марта сего года за № 1259 в числе прочих были препровождены товарищу прокурора по Тюменскому уезду. Посланное сношение председателю Следственной комиссии от 20-го марта сего года за № 1043 о возвращении дел Холмского и Базилевской неправильно редактировано. Показание мною прочитано.

Ротмистр

Посников

И. об. офицера для поручений при Контрразведывательном отделении штаба Тюменского военного округа чиновник военного времени Иоаким Семенович Шнейдер, 26 лет от роду, православный, проживающий в г. Тюмени, показал:

В день выступления мятежников в гор. Тюмени 13-го марта настоящего года, когда было задержано много лиц, как заподозренных в участии среди мятежников, я вечером, часов в 11-ть, по ликвидации происходивших событий в городе, по приказанию бывшего начальника отделения подпоручика Борисова вызвал из уездной тюрьмы бывшего комиссара почты и телеграфа г. Тюмени Холмского, дабы путем допроса установить возможную связь и знакомство его с лицами, задержанными по подозрению. Из тюрьмы Холмский мною был вызван запиской на имя начальника тюрьмы за моей подписью с приложением печати отделения и был доставлен под конвоем двух агентов отделения Кадеева и Петрова. После опроса Холмский с указанными конвоирами при бумаге был отправлен обратно в тюрьму, но минут через 40 конвоиры возвратились и доложили мне, что Холмский, дойдя до базарной площади, бросился бежать и не останавливался несмотря на ряд окликов, а потому конвоиры стали стрелять по убежавшему и Холмский оказался убитым.

О происшедшем я доложил начальнику отделения и по его распоряжению вызвал санитарную двуколку для уборки трупа. О Базилевской мне ничего неизвестно, а равно вызывалась ли она в контрразведку я не знаю. Больше объяснить ничего не могу. Показание мною прочитано.

Чиновник в[оенного] вр[емени]

И. Шнейдер

Агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа Павел Иванович Кадеев, от роду 23-х лет, православный, проживающий в гор. Тюмени, показал:

Точно не припомню, кажется, в ночь после мятежа в городе я вместе с агентом отделения Петровым был командирован начальником отделения в уездную тюрьму для доставления в контрразведку бывшего комиссара Холмского для допроса, а затем по окончании допроса вместе с Петровым я сопровождал Холмского обратно в тюрьму и около Андреевского лазарета на базарной площади Холмский пытался у меня, шедшего впереди, выхватить винтовку, но так как это ему не удалось, то он бросился бежать, не обращая внимание на крики «стой», после чего я и Петров стали стрелять и Холмский был убит. О случившемся я доложил нашему начальнику отделения, после чего¹ был командирован с милиционером убрать труп в больницу. Больше добавить ничего не имею, вставленному сверху между слов «чего» верить. Показание мне прочитано.

Кадеев

Председатель Тюменской следственной комиссии подпоручик Виктор Людвигович Инзель, православного вероисповедания, 29 лет от роду, проживающий в гор. Тюмени, показал:

Дела о бывшем комиссаре почты и телеграфа Холмском и бывшем агенте большевистской контрразведки Базилевской были переданы в комиссию Контрразведывательным отделением в гор. Тюмени и находились в производстве. При расследовании этих дел одним из членов комиссии, кажется, г[осподином] Курдяевым, при явке его для допроса в тюрьму было установлено, что Базилевская расстреляна, а Холмский передан в распоряжение начальника унтер-офицерской пехотной школы [под]полковника Заалова по требованию начальника

¹ чего вписано А.В. Белицким над строкой.

Контрразведывательного отделения, о чем и были начальником тюрьмы выданы справки. 20-го минувшего марта ввиду того, что справки, выданные начальником тюрьмы, были хотя и за печатью, но без номера и указания числа, комиссия постановила затребовать от начальника тюрьмы официальные сведения о судьбе вышеупомянутых лиц, на каковой запрос от начальника тюрьмы были получены копии отношений начальника Контрразведывательного отделения о передаче Базилевской в распоряжение начальника чешской охраны, а Холмского – о передаче начальнику вышеназванной школы [под]полковнику Заалову. Одновременно с сим от начальника Контрразведывательного отделения было получено отношение о возвращении дел Базилевской и Холмского, как неправильно засланных, а посему комиссия постановила дела препроводить начальнику Контрразведывательного отделения, а о всем случившемся довести до сведения Главного начальника Тюменского военного округа, что мною и было исполнено.

Копии поименованных в моем показании бумаг прилагаю и считаю необходимым добавить, что переписка по делу Холмского и Базилевской была вызвана тем, что названные лица, будучи арестованными, числились содержанием в тюрьме за Следственной комиссией. Показание мною прочитано.

Председ[атель] Тюм[енской] следств[енной] комиссии,
подп[оручик] *В. Инзель*

Начальник Тюменской уездной тюрьмы Владислав Владимирович Золотарев, православный, 32 лет от роду, показал, что 13-го минувшего марта в день мятежа в городе Тюмени, когда было уже объявлено осадное положение и по закону вся власть перешла в исключительное ведение военных властей, мною было получено два сношения от начальника Контрразведывательного отделения о передаче числящихся за Следственной комиссией бывшего комиссара почты и телеграфа Холмского в распоряжение начальника унтер-офицерской школы и бывшего агента большевистской контрразведки Базилевскую в распоряжение чешской охраны при тюрьме, что мною и было исполнено. Холмский мною был отправлен с пришедшим за ним конвоем и затем при возвращении в тюрьму был убит, но при каких обстоятельствах, мне неизвестно. Базилевская была передана в распоряжение находившейся в тюрьме чешской охраны в количестве двух рот при нескольких офицерах, фамилии которых

мне неизвестны. При каких обстоятельствах была расстреляна Базилевская и кем я не знаю, но при этом находился мой помощник г[осподин] Саутин. Базилевская по происхождению дочь бывшего надзирателя тюрьмы, при большевиках была в близких отношениях с комиссаром тюрьмы и, гуляя за руку с последним, неоднократно угрожала бывшим надзирателям. Будучи большевичкой, Базилевская кроме того была и воровкой, так, мне известно, что у расстрелянной при большевиках, содержавшейся в тюрьме г[оспожи] Одинцовой, похитила вместе с матерью хранившийся в цейхгаузе каракулевый сак. Больше добавить ничего не имею. Показание мною прочитано.

Начальник Тюменской т[юрьмы]

Владислав Владимирович Золотарев

Помощник начальника Тюменской [уездной] тюрьмы Константин Иванович Саутин, православный, 36 лет от роду показал:

В день мятежного выступления в г. Тюмени 13-го марта сего года я вечером проходил по двору тюрьмы и видел, что арестованную Базилевскую вывели из женского отделения и поставили к стене в ограде, после чего чинами караула по команде офицера Базилевская была расстреляна. Фамилию офицера я не знаю – он был дежурным по караулам, офицер был русских, а не чешских войск. Больше показать ничего не имею. Показание мною прочитано.

К. Саутин

Командир 3-й батареи 1-го дивизиона 16-ой Сарапульской¹ дивизии штабс-капитан^{II} Владимир Михайлович Веселухин, православный, 25 лет от роду, проживающий в гор. Тюмени, показал:

13-го марта сего года я был дежурным по караулам тюменского гарнизона и с момента возникновения в городе мятежа находился в уездной тюрьме для непосредственного руководства действиями караула в случае наступления мятежников. Приблизительно около 2-х часов дня восставшие окружали тюрьму и со всех сторон велась перестрелка и настроение в тюрьме

¹ После 16-ой Сарапульской А.В. Белицким зачеркнуто *брига*.

^{II} *штабс-капитан* вписано над строкой.

было тревожное. Под вечер, часов около пяти, когда на дворе было еще светло, а за оградой тюрьмы были слышны частые выстрелы, из женского отделения была выведена арестованная женщина, которая должна была быть передана чешской охране и следовала по двору в сопровождении чинов караула при тюрьме от батальона 49-го [Сибирского] стрелкового полка, чешская же охрана была от 6-го [Ганацкого] пехотного чешского полка. При проходе арестованной мимо меня я услышал обращение ее к сопровождавшим солдатам в следующих выражениях: «Товарищи, вы не знаете, что делаете, помните, что правда за нами и не верьте вашим офицерам, нарядившимся опять в погоны». Что говорила еще эта женщина, я уже не слышал, но принимая во внимание ее вызывающее поведение, которое могло оказать влияние на мало обученных солдат и привести к печальным последствиям, тем более, что положение в городе для меня оставалось абсолютно невыясненным, я немедленно приказал расстрелять эту арестованную, что и было исполнено чинами караула, ее сопровождавшими, но с некоторым колебанием. Фамилия арестованной и расстрелянной Базилевской мне была известна, но о прошлой ее политической деятельности я ничего не знал и действовал исключительно под влиянием момента, требовавшего решительных действий. Больше добавить ничего не имею. Показание мною прочитано. Зачеркнутому «брига» и вставленному между слов сверху «штабс-капитан» – верить.

Штабс-капитан

Веселухин

Начальник гарнизона гор. Тюмени подполковник Алексей Павлович Корзун, православный, 40 лет от роду, показал, что караульный батальон 49-го [Сибирского] стрелкового полка из состава гарнизона выбыл на фронт, а 6-ой [Ганацкий] пехотный чешский полк, по сведениям штаба чехо-войск в г. Тюмени, выбыл из города недели две тому назад по железной дороге на восток. Показание мною прочитано.

Подполковник

Корзун

Агент Контрразведывательного отделения Петров Михаил за вызовом на фронт не опрошен.

Полковник

Белицкий

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 18-25. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

№ 65

**Отношение Управляющего Тобольской губернией
В.Н. Пигнатти Главному начальнику Тюменского
военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову
№ 153 об отправке доклада К.Ф. Копачелли
о восстании мобилизованных.
Гор. Тобольск, 24 апреля¹ 1919 г.**

Секретно^{II}

Препровождаю при этом Вашему Превосходительству для сведения копию с доклада⁸¹ помощника-заместителя моего К.Ф. Копачелли от 14 апреля н[астоящего] г[ода] о событиях, происшедших в гор. Тюмени 13-го марта настоящего года^{III}.

Управляющий губернией *Пигнатти*

И. д. заведующего Отделом милиции
[неразборчивая подпись]

Старший делопроизводитель [неразборчивая подпись]
РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 76. Подлинник. Машинопись.

№ 66

**Отношение Главного начальника Тюменского
военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова
командиру 8-го Камского армейского корпуса
генерал-лейтенанту Ф.П. Панову № 5818/863
о наложении дисциплинарного взыскания
на участников внесудебного расстрела
Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской.
Гор. Екатеринбург, 25 апреля 1919 г.**

Подпрапорщик Кондрашев и унтер-офицер Ефимов бывшей Тюменской унтер-офицерской школы допустили во время

^I Изначально в документе стояла дата *23 апреля*, затем она была зачеркнута и вписано *24 апреля*.

^{II} Подчеркнуто на пишущей машинке.

^{III} На документе имеются 3 делопроизводственные пометы: 1) «Гр[ажданское]. Вх[одящий №] 23», 2) «Гражд[анское]. 30/IV [1919 г.]» и 3) «№ 84».

усмирения мятежа по отношению бунтовщиков недостойные с званием солдата поступки.

Принимая во внимание, что упомянутые солдаты, по за-свидетельствованию бывшего начальника унтер-офицерской школы подполковника ЗААЛОВА отличились при подавлении мятежа доблестным поведением и показывали пример мужества остальным чинам школы, я нахожу возможным на этот раз ограничиться наложением на них дисциплинарного взыскания властью командира части.

Об изложенном сообщаю на распоряжение.

Подписал генерал-лейтенант Рычков

Скрепил начальник штаба,
генерал-майор Вихирев

Верно: за старшего адъютанта,
прапорщик

Иванов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 74. Заверенная копия. Машинопись.

№ 67

Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 25. Гор. Тюмень, 26 апреля 1919 г.

<...>

§ 9

Объявляется для сведения приговор прифронтового военно-полевого суда Тюменского гарнизона, сформированного на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 17-го марта за № 2, в законном составе, рассмотрев дело о мобилизованных солдатах Тюменского воинского начальника Николае Захарове и Владимире Вьюшкове, преданных суду за агитацию против правительства среди мобилизованных солдат, признал подсудимых Захарова и Вьюшкова виновными в явном восстании в числе более восьми человек, с намерением воспротивиться начальству или нарушить долг службы в военное время, а потому и на основании лит[еры] б ст[атьи] 110 кн[иги] XXII св[ода] В[оенных] П[остановлений] 1896 г. изд[ание] 4 постановил: подсудимых Николая Захарова и Владимира Вьюшкова лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни.

Согласно телеграммы начальника штаба Тюменского военного округа за № 1465 распоряжением командующего армией смертная казнь Владимиру Вьюшкову и Николаю Захарову заменена бессрочной каторгой.

Приказываю приговор по отношению к Владимиру Вьюшкову и Николаю Захарову привести немедленно в исполнение.

§ 10

Окружное Инженерное управление, убывшее из города Тюмени в город Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 25-го апреля сего года.

СПРАВКА: Рапорт начальника инженеров Тюм[енского] воен[ного] окр[уга] № 3254.

<...>

Подлинный подписал:
Начальник гарнизона,
подполковник

Корзун

С подлинным верно:
Гарнизонный адъютант,
прапорщик

Полисадо

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 856. Л. 34об. Типографский отпукс.

№ 68

**Рапорт штаб-офицера для поручений
при Главном начальнике Тюменского военного
округа полковника А.В. Белицкого Главному
начальнику Тюменского военного округа
генерал-лейтенанту В.В. Рычкову № 39 о результатах
дознания по делу о внесудебном
расстреле заключенных Холмского и Л. Базилевской.
Гор. Екатеринбург, 28 апреля 1919 г.**

Представляю при сем оконченное производством дознание, доношу, что таковым установлено следующее: дела о бывшем комиссаре почты и телеграфа Холмского и бывшем агенте большевистской контрразведки Базилевской были переданы в Тюменскую следственную комиссию Контрразведывательным отделением для производства надлежащего расследования.

В день мятежа в г. Тюмени, 13-го минувшего марта, бывший в то время начальник Контрразведывательного отделения подпоручик Борисов, имея сведения, что Базилевская может оказать влияние на арестованных и вызвать среди них восстание, письменно сообщил начальнику тюрьмы о передаче Базилевской под надзор чешской охраны при тюрьме, причем, как выяснилось при дознании, Базилевская при следовании по двору тюрьмы для передачи чешской охране, под конвоем солдат караула при тюрьме, позволила себе подстрекать солдат, ее сопровождавших, к неповиновению офицерам, что было услышано бывшим во дворе дежурным по караулам штаб-капитаном Веселухиным, который и приказал Базилевскую немедленно расстрелять, что и было исполнено сопровождавшими ее солдатами.

В тот же день подпоручиком Борисовым был вызван из тюрьмы для допроса бывший комиссар Холмский с целью при допросе установить связь и знакомство его с лицами, задержанными в день мятежа. После допроса, который производил чиновник Шнейдер, Холмский был отправлен обратно в тюрьму с двумя агентами, по дороге, по объяснению агента Кадеева, арестованный пытался обезоружить его, Кадеева, а затем бросился бежать, а потому и был убит. Второй агент, сопровождавший Холмского, за выездом на фронт не допрошен.

Ввиду того, что Базилевская и Холмский в день мятежа оказались убитыми, начальником Контрразведывательного отделения ротмистром Посниковым дела о них были затребованы от Следственной комиссии для передачи товарищу прокурора на прекращение, но сношение в названную комиссию им было редактировано неправильно¹.

Полковник

Белицкий

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 16-17. Подлинник. Рукопись.

¹ На документе имеется делопроизводственный штамп «Штаб Тюменского военного округа на т[еатре] в[оенных] д[ействий]. № 77/секр. 29.03.1919 г.».

**Приказ войскам Тюменского военного округа № 280.
Гор. Екатеринбург, 9 мая 1919 г.**

§ 1

Солдаты караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка Степан МЕЛЬНИКОВ, Григорий МЕДВЕДЕВ и Павел БОРОДИН переданы Тюменскому военно-окружному суду на театре военных действий по обвинению в нарушении особых обязанностей караульной службы, выразившихся в том, что в военное время, 13 марта 1919 года, в гор. Тюмени, на театре военных действий, входя в состав караула: Мельников в качестве караульного начальника при временном артиллерийском складе, а Бородин и Медведев – часовыми, первый у склада с оружием, а второй у мастерских того же склада, при приближении толпы взбунтовавшихся мобилизованных солдат, прибывших для насильственного снятия караула, они, обвиняемые Мельников, Бородин и Медведев, из страха личной опасности не только не защищали от нападения посты и все порученное их надзору, но, покинув свои места и оружие, самовольно ушли из караула, оставив посты без всякой охраны, т. е. в деянии, предусмотренном 155 ст[атьи] XXII кн[иги] С[вода] В[оенных] П[остановлений] 1869 года изд[ание] 4-е, а в отношении караульного начальника Мельникова и 72 ст[атьи] той же книги.

ОСНОВАНИЕ: сношение военного прокурора Тюменского военно-окружного суда от 2 мая сего года за № 1349.

§ 2

Солдаты караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка Сергей ТОКАРЕВ, Андрей ГОРДЕЕВ и Александр ГРИГОРЬЕВ преданы Тюменскому военно-окружному суду на театре военных действий по обвинению в нарушении особых обязанностей караульной службы, выразившихся в том, что в военное время, 13 марта сего года, в гор. Тюмени, на театре военных действий, входя в состав караула: Токарев в качестве караульного начальника караула при заразном отделении, а Гордеев и Григорьев – часовыми, первый у наружных ворот, а второй во дворе у барака военнопленных того же заразного отделения, при приближении толпы взбунтовавшихся мобилизованных солдат,

прибывших для насильственного снятия караула, они из страха личной опасности не только не защищали от нападения посты и все порученное их надзору, но, покинув свои места и оружие, самовольно ушли с караула, оставив посты без всякой охраны, т.е. в деянии, предусмотренном 155 ст[атьи] XXII кн[иги] С[вода] В[оенных] П[остановлений] 1869 года изд[ание] 4-е, а в отношении караульного начальника ТОКАРЕВА и 72 ст[атьи] той же книги.

ОСНОВАНИЕ: сношение военного прокурора Тюменского военно-окружного суда от 2 мая сего года за № 1348.

(Отделение воен[но] суд[ное] и гражданских дел)

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 36. Л. 156об-157. Типографский отпуск.

№ 70

Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 29. Гор. Тюмень, 21 мая 1919 г.

<...>

§ 6

1) В последнее время в нашу молодую армию бросаются семена вражды к благородным и доблестным союзникам нашим – чехословацким войскам. Ясно и не приходится объяснять откуда идет эта агитация, кому надо посеять рознь, пользуясь подчас доверчивостью и простодушием нашего солдата, между нашей и чехословацкой армией. До сведения моего дошло, что распространяются между частями и командами гарнизона слухи, что на наши деньги чехи щеголевато одеты, получают от Российского правительства огромное жалование, всем снабжены за наш счет.

Объявляю для общего сведения, что это явная и преступная ложь: со времени заключения Брест-Литовского договора чехословацкая армия в России содержится исключительно на средства правительства Чехословацкой республики. Что касается периода до Брест-Литовского договора, когда чехословацкие части были частью российской армии – то этот вопрос, если он еще не разрешен, то будет ликвидирован или мирной конференцией, или правительствами обоих заинтересованных государств.

Приказываю всех распространяющих подобные слухи с явной преступной целью задерживать и о случае доносить мне.

В частях приказываю по этому поводу сделать беседы, объяснив солдатам истинное значение в истории нашего освободительного движения чехословацких войск, первых поднявших меч за освобождение России от большевизма и кровью многих сынов запечатлевших многочисленные подвиги наряду с лучшими сынами нашей Родины.

2) За пьянство, связанное с буйством или даже с ранением чинов, наводящих порядок, виновных приговаривать к расстрелу.

О наложении взыскания на виновных в будущем будет объявляться в приказах, публикуемых в газетах.

<...>

§ 8

Согласно телеграммы наштаокра сего числа сдал должность начальника гарнизона г. Тюмени и уполномоченного Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в г. Тюмени и уезде командиру 50[-го] Сибирского [стрелкового] полка⁸² полковнику Осипову⁸⁵.

Подлинный подписал:
Начальник гарнизона г. Тюмени,
подполковник

Корзун

С подлинным верно:
Гарнизонный адъютант,
прапорщик

Полисадо

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 856. Л. 43-45. Типографский отпуск.

№ 71

**Доклад Главного военного прокурора генерал-майора К.П. Полидорова начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генерал-майору Д.А. Лебедеву № 1126 о прекращении дела о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева.
Гор. Омск, 26 мая 1919 г.**

Из переписки и расследования, произведенного по распоряжению Главного начальника Тюменского военного округа по

поводу ареста гр[ажданина] Авдеева и др[угих] в связи с мятежным выступлением мобилизованных в гор. Тюмени устанавливается следующее:

13-го марта [с[его] г[ода] в гор. Тюмени местным контрразведывательным отделением был произведен ряд арестов в связи с имевшим в этот день выступлением части мобилизованных солдат, причем, в числе прочих лиц были задержаны преподаватель Тюменского ремесленного училища и бывший председатель ревизионной комиссии Тюменского Совета депутатов Николай Авдеев и его гражданская жена Ольга Дилевская. В тот же день, около одиннадцати часов вечера, часть арестованных, а именно – Авдеев, Дилевская и большевистские деятели Накоскин, Зиверт и Тупицин, препровождались под конвоем от унтер-офицерской школы из помещения контрразведки в тюрьму. По дороге, в глухом месте на базарной площади, трое последних (Накоскин, Зиверт и Тупицин) бросились бежать, вследствие чего начальник конвоя, подпоручик Константинов, приказал стрелять по убегающим; в результате открытой конвоем стрельбы все арестованные были убиты, кроме Авдеева, который упал, будучи только ранен, но за темнотой был сочтен конвоем за убитого. По уходе конвоя, Авдеев добрался до своей квартиры, а на другой день явился к городскому голове и заявил, что он, Авдеев, вместе с четырьмя другими арестованными был подвергнут расстрелу конвойными и спасся только тем, что притворился мертвым.

Произведенным по содержанию заявления гр[ажданина] Авдеева расследованием, согласно показания конвойных и прочим обстоятельствам, устанавливается, что в то время, как арестованных вели через базарную площадь, сначала один из них, а потом еще двое других, пользуясь темнотой и глухой местностью, бросились бежать; конвойные первоначально пытались настигнуть бегущих, а когда это оказалось невозможным, открыли стрельбу, в результате которой, вследствие темноты и нервно-возбужденного состояния стрелявших, были убиты четверо арестованных и ранен пятый – Авдеев.

В виду вышеизложенных обстоятельств, сопровождавших ранение гр[ажданина] Авдеева, и принимая во внимание, что показания конвойных вполне подтверждаются показаниями двух агентов местного Контрразведывательного отделения, принимавших участие в сопровождении вышеназванных арестованных, полагал бы:

заявление гр[ажданина] Авдеева считать не нашедшим себе подтверждения в обстоятельствах произведенного расследования и настоящее расследование о действиях конвойной команды, подлежащим прекращению дальнейшим производством.

Что же касается до самого события мятежного выступления, имевшего место 13-го марта в гор. Тюмени, то, согласно полученным мною телеграфным сведениям, расследование по сему делу передано: в части, касающейся виновных в восстании – на рассмотрение военно-полевого суда, в части же, касающейся начальствующих лиц, против коих возникает обвинение в бездействии власти и несоблюдении правил караульной службы – военному следователю Тюменского военно-окружного суда для производства следствия.

П[одлинный] п[одписал] генерал-майор *Полидоров*

верно: секретарь *[неразборчивая подпись]*

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 168. Л. 33-34. Заверенная копия. Машинопись.

№ 72

**Из телеграммы командира 1-го Штурмового полка
штабс-капитана Ключарева
командиру 3-й Сибирской Штурмовой бригады
3-го Степного Сибирского корпуса подполковнику
К.А. Троицкому.
Гор. Агрыз, 3 июня 1919 г.**

Комбригу Штурмовой

От командира 1[-го] Штурмового полка

03.06.1919

12 часов 20 мин[ут]

Из Агрыза

13[-м Омским стрелковым] полком занят Агрыз. Через два часа думаю наступать

<...>

В Агрызе (по словам местных жителей) сдались в плен красным 800 мобилизованных в Тюмени солдат, посланных из Сарапула на поддержку, по их словам, из-за дурного с ними

обращения офицеров. Послал связь в 16[-й Ишимский стрелковый] полк.

Шт[абс]-капитан Ключарев

РГВА. Ф. 39630. Оп. 1. Д. 40. Л. 3. Копия. Рукопись.

№ 73

**Телеграмма начальника гарнизона Тюмени
подполковника А.П. Корзуна Главному инспектору
по пересылке арестантов
генерал-майору Н.Н. Соболевскому № 2156.
Гор. Тюмень, 5 июня 1919 г.**

Приказом Тюм[енского] ВО [№] 228 начальник конвойной команды капитан Максимов отстранен от должности и по приговору суда разжалован в рядовые⁸⁴. По соображениям охраны города мною назначен офицер для принятия команды до прибытия назначенного вами заместителя, т.к. допустить, чтобы солдаты оставались без офицеров в такое время, я не могу. № 2156

Начгар Тюмени, подполковник Корзун

ГАРФ. Ф. Р-3908. Оп. 1. Д. 31. Л. 21. Телеграфный бланк.

№ 74

**Доклад начальника
Тюменского контрразведывательного пункта
ротмистра В.Ф. Посникова помощнику
начальника отдела контрразведки
и военного контроля штаба Верховного
главнокомандующего о работе пункта
в марте-июне 1919 года.
Б. м., не ранее 9 июня 1919 г.⁸⁵**

20 марта с[его] г[ода] я принял Тюменское отделение контрразведки при штабе Тюменского военного округа в тот момент, когда после ликвидации вооруженного восстания в Тю-

мени 13 марта все расследование о восстании согласно приказу начальника гарнизона было передано в комиссию, председателем коей назначен был я. В связи с восстанием число арестованных было около 800 человек, которых надо было допросить и рассортировать по степени преступности.

Отделение мною было принято от подпоручика БОРИСОВА в хаотическом беспорядке, так как подпоручик Борисов за краткостью исправления должности физически не мог привести все дела в надлежащий вид после своего предшественника поручика КУПРЕЯНОВА¹.

После окончания расследования о вооруженном восстании я стал приводить дела в порядок с тем, чтобы поставить контрразведку на ту высоту, которая требуется положением, что мне и удалось сделать.

Ознакомившись с городом Тюмень и его уездом, я убедился, что как город, так и его уезд представляют из себя серьезный пункт, где большевизм не уничтожен в корне, а наоборот большевики имеют пристанище для своей агитации. Тюменский уезд служит сборным пунктом большевиков, кои пробираются через фронт и направляются на ТАВДУ, ТУРИНСК и ТЮМЕНЬ, а отсюда по всем направлениям в Сибирь.

Кроме г. Тюмени и его уезда в ведении Тюменского пункта контрразведки находятся еще уезды ИШИМСКИЙ, ТУРИНСКИЙ и ЯЛУТОРОВСКИЙ, из коих ИШИМСКИЙ требует большого наблюдения, как имеющий железнодорожное депо, фактически означенные уезды обследования совершенно не имеют.

Желательно [распорядиться] о скорейшем образовании пунктов в названных городах.

Тюменский пункт до настоящего времени руководствуется приказом № 100 и приказ № 340 еще не проведен в жизнь, о чем имеется телеграмма НАЧАЛЬНИКА ШТАБА Тюменского военного округа.

Ввиду того, что г. Тюмень и его уезд являются промышленным центром Тобольской губернии, а также пропускного пункта пробирающихся большевиков через фронт из Советской России, желательно [распорядиться] об увеличении штата разведчиков.

В Тюменской тюрьме в настоящее время находятся под стражей видные большевист[с]кие деятели и все они по постановлению Тюменской следственной комиссии присуждены

¹ Исправлено. В документе ошибочно КУПРИЯНОВА.

содержанием под стражей до 1 октября [1919 года], в числе их есть убийцы генерала Духонина, начальники разных карательных отрядов и комиссары.

Желательно для успокоения населения выделить об них дела и передать для разбора в военно-полевой или военно-окружной суды.

Отношение чинов контрразведки к милиции до дня принятия мною отделения было недоброжелательное и недоверчивое, ввиду того, что в ней служило много лиц, служивших при советской власти. В настоящее время это отношение понемногу сглаживается, и милиция стала работать в контакте с контрразведкой.

В отношении осведомления настроения масс при вверенном мне пункте имеется секретная агентура. Агенты почти на всех заводах. Агентура есть платная и идейная. Благодаря агентуре^I я имею полное освещение настроения рабочих масс.

После вооруженного выступления 13 марта по временам среди населения распространялись провокационные слухи о готовящихся выступлениях и назначались дни, когда должно было произойти выступление. О всех таких слухах^{II} докладывалось начальнику гарнизона, который принимал меры для предотвращения выступлений. Особенно стали распространяться слухи с уходом 2-го Чешского кавалерийского полка и в городе оставалась [лишь] небольшая часть 7-го Кадрового Сибирского стрелкового полка, несшего исключительно карательную службу.

6-го июня от начальника Тюменской уездной тюрьмы было получено сообщение о готовящемся выступлении среди арестованных в ночь с 8 на 9 июня, причем были указаны участники этого восстания и намечены члены тайной совдепии из числа проживавших в городе. По проверке оказалось, что указанных лиц на жительстве в городе нет, но тем не менее наблюдение и розыск продо[л]жались. На случай выступления меры были приняты.

В отношении [личного] состава воинских частей, состоящих^{III} из 7-го Кадрового полка, нельзя желать что-либо лучшего^{IV}. Сол-

^I Исправлено. В документе ошибочно *агентуры*.

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *слухов*.

^{III} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *составляющий*.

^{IV} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *нельзя не желать что-либо лучшего*.

даты дисциплинированы, отлично несут караульную службу и вполне сознательно относятся к своим обязанностям. Настроение явно антибольшеви́ст[с]кое.

В отношении настроения населения можно разделить на три категории: 1) интеллигенции и торгово-промышленного класса, 2) рабочих и 3) крестьян.

Интеллигенции в г. Тюмени очень мало и большинство женщин, настроение которых антибольшеви́ст[с]кое. Торгово-промышленный класс к текущим моментам относится очень индифферентно¹ и только обращены взоры на то, как бы больше нажить и вознаградить себя за утраченное во время большевиков. К нуждам воинских частей относится безразлично и не видно, чтобы оно шло навстречу им. Примером может служить то обстоятельство, что когда Биржевой комитет самообложил весь промышленный класс известным процентом, то многие еще до сего времени не внесли своего пая, несмотря на то, что многие из них наживают спекуляцией громадные деньги. Большинство из них евреи.

Настроение рабочих какое-то выжидательное, большеви́ст[с]кой агитации не наблюдается. По сведениям агентуры, рабочие открыто не рискуют выступать без поддержки со стороны войск.

Настроение крестьян разделяется двояко: зажиточные крестьяне настроены против большевиков, беднота в некоторых частях уезда относится к большевикам сочувственно.

В общем, относительно района Тюменской контрразведки настроение населения можно считать спокойным в зависимости от настроения в других частях губернии.

Ротмистр

Посников

РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 97. Л. 44, 48. Подлинник. Машинопись.

¹ Исправлено. В документе ошибочно *индефирентно*.

**Обвинительный акт по делу об участниках восстания
мобилизованных в Тюмени Т.С. Вершинине,
И.А. Морозове, А.Я. Долгодворове, А.В. Бессонове
и А.С. Кравченко.
Гор. Тюмень, 11 июля 1919 г.**

Утром 13 марта 1919 г., в гор. Тюмени, призванные по мобилизации солдаты, собравшись в числе около 600 человек, направились к оружейному складу, помещающемуся при Ремесленном училище, оттеснили и обезоружили караул и, сломав замок у склада, похитили 296 винтовок разного образца, 18 442 штуки патронов к ним, 191 штык, 9 револьверов, 24 штуки холодного оружия, одну пику и пр[очее], после чего, вооружившись, направились к лагерю военнопленных, а затем к тюрьме для освобождения и вооружения арестованных. Проходя мимо конвойной команды, которая в то время производила занятия на плацу, бунтовщики произвели несколько выстрелов, предложили им выдать офицеров и оружие и присоединяться к ним.

Конвойная команда, будучи не вооружена, бросилась к себе в казарму, но бунтовщики последовали за ними во двор, сорвали погоны с подпрапорщика Семенова и арестовали начальника команды капитана Максимова и отобрали у него револьвер.

Солдат конвойной команды Андрей Кравченко со злобой сорвал с себя погоны и у близ стоявшего с ним солдата команды, фамилия коего установлена не была, и вышел следом за бунтовщиками, но вскоре возвратился обратно в команду (л[исты] д[ела] 4, 14, 6, 15, 18, 27, 28, 43).

В это время на городскую лесопилку явились призванные по мобилизации и до того работавшие на лесопилке: Иван Морозов, Тимофей Вершинин и др[угие], кои, сказав, что мобилизованные в Ремесленном училище разбили склад и взяли оружие, призывали рабочих лесопилки забастовать и присоединиться к мятежникам).

Ввиду этого рабочие послали своих уполномоченных в древообделочный союз узнать, следует ли бастовать, но, благодаря уговорам председателя заводского комитета Мухина, не прибегли к забастовке и продолжали работать (л[исты] д[ела] 67, 48, 73, 80, 81).

По удостоверению свидетеля Гречешникова, подтвержденного свидетелем Половниковым, служивший ранее на лесопилке вновь мобилизованный Алексей Долгодворов (Мазодворов) бежал в толпе бунтовавших вооруженных лиц, имея при себе винтовку, шашку и через плечо пулеметную ленту, и кричал «давай силу!» (л[исты] д[ела] 48, 80).

Тем временем на спичечную фабрику Логинова явился призванный по мобилизации, ранее служивший на этой фабрике Андрей Бессонов с другими лицами и обратился к председателю фабричного комитета Криводанову [с предложением] созвать собрание рабочих, сказать им, чтобы они помогли бунтовщикам, т.к. у них имеется достаточно оружия, но не хватает людей. Получив отказ, Бессонов ушел от Криводанова недовольный, но задержался у ворот фабрики, где беседовал с проходившими на работу рабочими. По показанию¹ того же Криводанова Бессонов за время пребывания большевиков в г. Тюмени был «делегирован» в Совдеп (л[исты] д[ела] 122, 157).

Принятыми начальником гарнизона г. Тюмени мерами порядок в городе был быстро восстановлен имеющимися в наличии воинскими частями и главные виновные лица понесли законное наказание. Привлеченные к следствию в качестве обвиняемых в восстании в числе более восьми человек: Тимофей Вершинин, Иван Морозов, Алексей Долгодворов, Андрей Бессонов и Андрей Кравченко не признали себя виновными и объяснили (Вершинин и Морозов), что 13 марта они ходили на лесопильный завод узнать о добавочных деньгах, после чего разошлись по домам, узнав от рабочих, что в городе происходят беспорядки (л[исты] д[ела] 152 и 155). Долгодворов, что утром он выходил по своим делам и с¹¹ 8 часов утра непрерывно находился у себя на квартире (л[ист] д[ела] 129). Бессонов, что действительно в обеденное время он заходил на фабрику Логинова без всякой цели, где покурил и выпил воды, никаких разговоров о происходящих беспорядках, ни о чем не вел (л[ист] д[ела] 123), и Кравченко, что ворвавшаяся в дверь вооруженная толпа бунтовщиков так его напугала, что он под влиянием их криков и требований от страха сорвал с себя один погон, другой же погон был у него сорван до этого одним из бунтарей (л[ист] д[ела] 49).

По имеющимся в деле сведениям и собственному показанию обвиняемых видно, что все они были мобилизованы

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *приказанию*.

¹¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *в*.

в г. Тюмени 6-го марта 1919 года, из них Вершинин, имея от роду 25 лет, Морозов – 22 года, Долгодворов – 22 года, Бессонов – 25 лет и Кравченко – 19 лет (л[исты] д[ела] 79, 152, 155, 129, 123 и 49).

На основании изложенного призванные по мобилизации солдаты: Тимофей Семенов[ич] Вершинин, Иван Алексеев[ич] Морозов, Алексей Яковлев[ич] Долгодворов, Андрей Васильев[ич] Бессонов и Андрей Спиридонов[ич] Кравченко обвиняются в том, что 13 марта 1919 года в военное время в г. Тюмени, находящемся на театре военных действий с целью благоприятствовать большевикам в их враждебных против Российского правительства действий, действуя совместно и сообща с другими призванными по мобилизации солдатами и лицами, восставшими в числе более 500 человек для захвата власти и уничтожения существующей организации армии, первые трое из них, Вершинин, Морозов и Бессонов – отправились на фабрики и заводы и склоняли рабочих оставить работу и пойти присоединиться к восставшим солдатам и помочь им в вооруженном сопротивлении правительственным войскам. Долгодворов же бегал вооруженным по улицам, прилегающим к названным фабрикам, призывал рабочих к оружию, крича «давай силу», а Кравченко, желая своим примером подстрекнуть солдат конвойной команды, где он служил, к выступлению на сторону взбунтовавшихся, со злобой сорвал погоны с себя и со стоявшего рядом с ним другого солдата конвойной команды, т. е. в преступлении, предусмотренном в отношении каждого обвиняемого 243 ст[атьи] XXII кн[иги] С[вода] В[оенных] П[остановлений] 1869 года, изд[ание] 4-е. За означенное преступное деяние на основании 1335, 1336, 1365, 1391 ст[атей] XXIV кн[иги] того же Свода и пр[иложения] «И» 2 ст[атьи] приказа В[оенного] в[едомства] от 4 февраля 1919 г. № 25 солдаты: Вершинин, Морозов, Долгодворов, Бессонов и Кравченко предаются¹ Тюменскому военно-окружному суду на театре военных действий.

Составлен 11 июля 1919 года г. Тюмень.

Помощник военного прокурора корнет **Панов**

Сверял: секретарь прапорщик

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *передаются*.

Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию

Подсудимые:

- 1) Призванные по мобилизации Тим[офей] Семенов[ич] Вершинин, л[ист] д[ела] 152.
- 2) Иван Алексеев[ич] Морозов, л[ист] д[ела] 155.
- 3) Алексей Яковлевич Долгодворов, л[ист] д[ела] 129.
- 4) Андрей Васильевич Бессонов, л[ист] д[ела] 123.
- 5) Андрей Спиридонович Кравченко, л[ист] д[ела] 49.

Свидетели:

- 1) Павел Алексеевич Лазарев, л[ист] д[ела]¹ 4 и 14.
- 2) Прапорщик Давид Заглядимов, л[ист] д[ела] 6.
- 3) Подпоручик Антон Пилюнюк, л[ист] д[ела] 18.
- 4) Капитан Александр Максимов, л[ист] д[ела] 27.
- 5) Подпрапорщик Тюменской конвойной команды В[асилий] С[еменович] Семенов, л[ист] д[ела] 28.
- 6) Шт[абс]-капитан Макарий К[онстантинович] Подлащук^{II}, л[ист] д[ела] 43.
- 7) К[апита]н Леонтий Петрович Гре[че]шников, л[ист] д[ела] 48.
- 8) Андриян Миронов[ич] Меньшиков, л[ист] д[ела] 73.
- 9) Сергей Александрович Половников, л[ист] д[ела] 80.
- 10) Михаил Мать[еевич] Мухин, л[ист] д[ела] 122.
- 11) Иван Мать[еевич] Криводанов, л[ист] д[ела] 122.
- 12) Александр Ларионов[ич] Гуляев, л[ист] д[ела] 157.
- 13) Петр Дмитриевич Дормачев, л[ист] д[ела] 101.

С подлинным верно:

Секретарь прапорщик (подпись)

Публ. по: Белогвардейские документы // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 15-16.

^I Исправлено. В документе ошибочно *д. к.*

^{II} Исправлено. В документе ошибочно *Палащук*.

**Заявление бывшего члена
Тюменской следственной комиссии
А.С. Аржиловского в распределительную комиссию
при Тюменском исправительном доме.
Гор. Тюмень, 29 марта 1920 г.**

Постановление ревтрибунала по моему делу я считал и считаю безусловно чрезмерным и юридически необоснованным как по существу, так и по форме; но в законный срок и в общепринятой форме не кассировал, считая это совершенно бесполезным как по дальности расстояния от Центра, так и по несвоевременности.

Для меня совершенно ясно, что революционный трибунал в то время не мог вынести мне мягкого приговора, т.к. в обличающих меня материалах было слишком много если не данных, то косвенных намеков на мою личность и деятельность. Обвинители всей этой шелухой воспользовались, чтобы создать из меня противника трудового народа, чтобы продемонстрировать при такой удачной обстановке партийную ненависть к инакомыслящим. Слишком мало [было] определенных фактов, но слишком ярки краски декораций, среди которых находился суд. Обвинители так настойчиво требовали сурового наказания, им так дружно хлопала часть публики, что надо [было] иметь много мужества судьям, чтобы не подчиниться воле революционных мстителей. Оправдать меня при той обстановке суд не имел возможности – иначе его сочли бы сторонником контрреволюции.

Но теперь страсти утихли, на дело можно посмотреть спокойно, и я считаю возможным поднять вопрос о пересмотре моего дела ввиду приведенных мною ниже новых обстоятельств.

Пункты обвинения гласят:

[Пункт] 1. «Что гр[ажданин] Аржиловский действительно во время Колчака в течение около восьми месяцев был членом следственной комиссии, поставившей себе целью борьбу с большевизмом, а, следовательно, с советской властью, что в этот срок прошло через следственную комиссию около 600 дел, закончившиеся некоторые из них приговорами к каторжным работам до 10 лет».

По этому пункту я имею сказать, что, во-первых, Тюменская уездная следственная комиссия была организована пер-

вым сибирским демократическим правительством для рассмотрения внесудебных арестов, которые произведены в связи с [антибольшевистским] переворотом, и главной ее целью было освобождать лиц, задержанных без уважительных причин, не угрожающих общественному спокойствию; во-вторых, хотя через комиссию и прошло около 600 дел, но в том числе были даже дела пленных красноармейцев, и я не много ошибусь, если скажу, что две трети дел оканчивались прекращением, даже без ареста; часть окончена постановлениями о кратком заключении под стражу на сроки от одного до трех месяцев; и только несколько лиц были заключены до Всесибирского Учредительного собрания. К каторжным работам комиссия никого не приговаривала, и только одно дело о Курове и др[угих] в связи с мартовским восстанием [1919 г.] по требованию военных властей было передано военному прокурору. И если дело это за-кончилось суровым приговором, то следственная комиссия тут не причем; в-третьих, не надо забывать, и это было доказано, что в комиссию я пошел не по собственному желанию, а по назначению земской управы, членом которой я состоял, и работал в комиссии урывками, будучи завален земской работой; что, наконец, я фактически вышел из комиссии, оставив службу в земской управе, т.е. почти одновременно, а было это в конце марта 1919 г., за три с лишним месяца до падения власти Колчака.

Все это могли бы подтвердить председатель комиссии Борис Петрович Барсов и секретарь Сергей Васильевич Курдяев, которые, к сожалению, эвакуировались. Из приведенных мною данных видно, что следственная комиссия не была органом жестокой расправы с большевиками, а была лишь временным вспомогательным судебно-следственным аппаратом, ограждающим законность существовавшего в районе строя. Следственную комиссию я назвал бы органом общественно-политическим, скорее обслуживающим интересы населения, чем преследуя. Во всяком случае то был аппарат не чрезвычайный, с ограниченными правами, очень легкими применительно к революционному времени.

П[ункт] 2. «Что гр[ажданин] Аржиловский был не только свирепым членом следственной комиссии, а и выступал на гласном суде в качестве главного свидетеля-обвинителя, а также и вылавливал среди населения сочувствовавших Советской власти».

Чем же доказана моя свирепость? Показания свидетеля Курова безусловно ложны в той их части, где говорится об угрозах, гриме и даже избиении: этого никогда не было и не могло быть. Я уверен, что Курова вдохновила та сторона, которая почему-то так страстно желала моей смерти. А чтобы рассеять этот страшный призрак, я прошу опросить следующих свидетелей, знающих меня как члена следственной комиссии: если я был свирепым, то это было моей манерой вообще, а не по отношению только к Курову.

1. Дмитрий Дмитриевич Мельников, секретарь Бухарского исполкома, Тюмень, Телеграфная [улица].

2-3. Григорий Поливцов и Александр Ионов[ич] Евменин, село Заводо-Успенское той же волости, от Тюмени в 40 верстах.

4-5. Андрей Макаров и Лука Евстафьев[ич] Зуев, Чернореченская коммуна Червишевской вол[ости].

6. Михаил Федорович Конушин, Червишевский волостной исполком.

7. Егор Иванович Рычков, служит милиционером при управлении Тюменской уездной милиции.

8. Никифор Григорьев[ич] Пимнев, с. Кулаковское Троицкой в[олости], от Тюмени 18 в[ерст].

9. Николай Иустинович Каратаев, секретарь Яровского волостного исполкома, с. Мальковское.

Указываю лишь тех лиц, которых помню и знаю их адреса. Все они или были арестованы или подозревались и, кажется, все знают меня по делу следствия о них и могут обрисовать мою свирепость.

Кроме того, просил бы рассмотреть документ, врученный председателю трибунала во время судебного заседания свидетелем Стародубцевым, где также есть сведения о моей свирепости. Свидетелям я просил бы задавать определенные вопросы: «Дрался ли я при допросах? Имел ли при себе оружие? Кричал ли?», – чтобы рельефнее выделялась моя свирепость.

Сам же я решительно отрицаю какое-либо злоупотребление своим положением, злорадство, натиск, грубость, хитрость и проч. Термин «свирепый» ко мне совсем не подходит и основан на клевете Курова. По делу Курова я был почти единственным свидетелем, а потому и «главным». Случайно услышав агитацию Курова и его двух товарищей, я ее не одобрил и дал показания в милиции, что обязало меня выступить и на суде. Зная, как опасна агитация в напряженное время вообще и в особенности для

населения, ввергаемого в террор, я не замолчал факта куровского выступления, надеясь, что дело кончится арестом на время мобилизации, почему и просил дело направить в следственную комиссию, тогда как в силу обязательного постановления его следовало бы направить начальнику гарнизона. Не моя вина, что восстание [13 марта 1919 г.] действительно вспыхнуло и ненужная, невинная кровь пролилась. Благодаря этому и дело из гражданской комиссии было извлечено военному прокурору. Действительно, с евангельской точки зрения я не должен был вмешиваться и давать свидетельских показаний; но в период политической борьбы люди рассуждают иначе, а диктатура – та или иная – совсем иначе.

Но, конечно, здесь не было никакого умышленного «вылавливания», и я просто подтвердил поведение людей, которые сильно забылись и не учли момента, губя своим действием других. Всякий честный человек поступит так же, если в настоящее время какой-нибудь безумец будет говорить о сопротивлении власти. В моем поступке не было ничего личного и корыстного. Зло же, которое понесли Куров и др., – уже не от меня, а от обстоятельств.

П[ункт] 3. «Что гр[ажданин] Аржиловский при первом же удобном случае предложил гласным земства громогласную резолюцию, призывающую население на борьбу с кровожадными большевиками и приветствующую приход белых банд и братьев чехословаков, – признать виновным против трудящегося народа».

Вот это обвинение для меня уже совсем непонятно, а в особенности признание меня «врагом трудящегося народа». Правда, резолюция, предложена мной; но она единогласно принята собранием гласных, т.е. самими же трудящимися, т. к. из числа 45 гласных только три человека принадлежали к деревенской интеллигенции; остальные – крестьяне.

Как же мог бы я или кто-либо другой провести политическую резолюцию не по духу времени? Стало быть и угадал в «точку», зная хорошо настроение аудиторию. И может ли обвиняться автор резолюции, раз она принята единогласно, сознательно, без всякой агитации? Конечно нет, даже с революционной точки зрения, потому что это было 16 месяцев тому назад. По существу же резолюция была во-все не призывающая к поклонению капиталу и уничтожению рабочего класса: там говорилось об Учредительном собрании, следовательно, об

установлении истинного народовластия, осуждались кровавые выпады безответственных личностей и проч.

Ну, грешен, назвал большевиков кровожадными. Не буду доказывать верность определения, допускаю ошибку. Но кто же тогда не ругал большевиков? Все правые политические группы не жалели красок, и все теперь забыто: меньшевик сидит за одним столом с коммунистом. А я за свою резолюцию обвинен.

Кроме того, суд, по-моему, не принял во внимание очень многое: первое – давность всех моих ошибок и действий, совершенных в дни господства иной власти, понимающей оздоровление России по-своему.

Второе – когда власть зарвалась и пустила в ход насилие и разнузданность, я не бежал вместе с ней, не зная за собой ничего нечестного и кровавого, а также изверившись в ее демократичность.

Третье – на скамью подсудимых меня привели не контрреволюционные выступления в настоящее время, а происки моих свидетелей, лично на меня озлобленных за мои житейские поступки по отношению к ним, а часто и просто по недоразумению.

Четвертое – суд иронически отнесся к организованной мной в 1918 г. трудовой артели, тогда как цель и устав артели безусловно построены на коммунистических принципах; а также совершенно замолчал мое нынешнее предложение обратить мое хозяйство в советское, устранив меня от общественной и политической жизни.

Пятое – не принято во внимание и то, что все мои действия вытекали не из корыстных соображений, а из несоветской политической веры. Почему же за казаками признали психологический перелом в политической грамоте, а за мной – нет?

Принимая во внимание все изложенное и считаясь с тем, что ревтрибунал как суд совести окажется гибким, как всякое учреждение временного характера, я прошу распределительную комиссию возбудить вопрос о пересмотре моего дела и во всяком случае о применении [ко] мне амнистии 7 ноября 1919 г.

*Андрей Аржиловский*⁸⁶

ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 74. Л. 32-36. Подлинник. Рукопись.

Публ. по: Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. док. / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015. С. 288-293.

Комментарии

¹ Купреянов Николай Леонидович (1894– ?) – российский офицер. В 1916 г. окончил Казанское военное училище. Участник Первой мировой войны. Служил в 498-м пехотном Оржевском полку 125-й пехотной дивизии. Участник Гражданской войны на Востоке России. С 17 ноября 1918 г. по 10 февраля 1919 г. – начальник Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа. В декабре 1918 г. обвинялся в пьянстве и неисполнении служебных обязанностей. Весной 1919 г. – офицер для поручений командующего Северной группой войск Сибирской армии генерал-майора А.Н. Пепеляева.

² Трегубов Евгений Эммануилович (1862–1920) – российский офицер. Родился 29 октября 1862 г. в Астрахани в дворянской семье. В 1881 г. окончил Николаевско-Александровское реальное училище, в 1883 г. – Одесское пехотное юнкерское училище, в 1891 г. – Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. Участник Русско-Японской войны 1904-1905 гг. Участник Первой мировой войны. С 30 сентября 1914 г. – начальник штаба 6-го Сибирского армейского корпуса, с 31 января 1915 г. – командующий 16-й пехотной дивизией. Генерал-лейтенант (06.12.1915; со ст. с 03.06.1915). С 16 апреля 1917 г. – в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. С 16 августа 1918 г. – начальник Главного управления военных сообщений. С 18 октября 1918 г. по январь 1919 г. – начальник штаба Западного фронта. С января 1919 г. – в резерве чинов офицеров Генерального штаба при Управлении 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. С 26 августа 1919 г. – генерал для поручений при главнокомандующем Восточным фронтом. С 26 октября 1919 г. – председатель военно-следственной комиссии. Взят в плен Красной армией. Расстрелян в Томске.

³ Рычков Вениамин Вениаминович (1867–1935) – российский офицер. Родился 12 декабря 1867 г. в Тифлисе в дворянской семье. В 1885 г. окончил Тифлисский кадетский корпус, в 1887 г. – 3-е военное Александровское училище, в 1900 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. С 19 октября 1914 г. – командир 202-го пехотного Горийского полка, с 13 апреля 1915 г. – генерал-квартирмейстер штаба 1-й армии. С 13 декабря 1916 г. – командир 45-й пехотной дивизии, с 20 мая 1917 г. – командир 27-го армейского корпуса.

Генерал-лейтенант (20.05.1917). Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В первой половине 1918 г. – один из руководителей «Союза защиты Родины и свободы». С 15 августа 1918 г. – командир Казанского армейского корпуса. С 29 октября 1918 г. – Главный начальник Тюменского военного округа. С 1920 г. в эмиграции в Маньчжурии. В 1934–1935 гг. – начальник Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Скончался 22 августа 1935 г. в Харбине.

⁴ Язвин Константин Геннадьевич (1886–1958) – российский офицер. Родился 30 октября 1886 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1903 г. окончил 2-й кадетский корпус, в 1905 г. – Павловское военное училище. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку. В 1912 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. С 16 ноября 1914 г. – обер-офицер для поручений при штабе 10-го армейского корпуса, с 19 января 1916 г. – штаб-офицер для поручений при штабе 31-го армейского корпуса, с 9 февраля 1917 г. – и. д. начальника штаба 172-й пехотной дивизии, с 4 октября 1917 г. – штаб-офицер для поручений 1-го отдела Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Подполковник (15.08.1916; со ст. с 06.12.1915). Участник Гражданской войны на Востоке России. В 1919 г. – старший адъютант штаба Тюменского военного округа. В эмиграции в США. Скончался 20 января 1958 г. Похоронен на Свято-Владимирском кладбище в штате Нью-Джерси.

⁵ Борисов Константин Николаевич (1891–?) – российский офицер. Родился 2 марта 1891 г. в Казани в семье потомственных почетных граждан. В 1915 г. окончил Киевский императорский университет, в том же году – Казанское военное училище. Подпоручик. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. окончил курсы контрразведки в Петрограде. Участник Гражданской войны на Востоке России. Помощник старшего адъютанта военно-цензурного отделения штаба Тюменского военного округа. С 10 февраля по 20 марта 1919 г. – начальник Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа. Затем назначен и. д. старшего адъютанта военно-цензурного отделения штаба Тюменского военного округа.

⁶ фон Галлер Евгений Петрович (1867–?) – российский офицер. Родился 7 декабря 1867 г. в семье председателя Варшавского окружного суда. Окончил техническое училище. С 1891 г. на службе в российской армии. На 1 января 1909 г. – старший

адъютант штаба 13-й кавалерийской дивизии. Подполковник. В годы Первой мировой войны – Лбищенский уездный воинский начальник. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Помощник начальника штаба Тюменского военного округа.

⁷ Зенкевич Владимир Иванович (1867–?) – российский офицер. Родился 3 июля 1867 г. в Витебской губернии в дворянской семье. В 1885 г. окончил Полоцкий кадетский корпус, в 1887 г. – 1-е Павловское военное училище. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 2-му разряду. Участник Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Участник Первой мировой войны. Командир 2-й батареи 41-й артиллерийской бригады. Полковник (17.11.1914). С 29 мая 1915 г. – командир 1-го дивизиона 41-й артиллерийской бригады. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Начальник Артиллерийского управления Тюменского военного округа. С 8 марта 1919 г. – уполномоченный Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тюменском уезде, с 10 марта 1919 г. – и. о. начальника гарнизона Тюмени. Генерал-майор (20.04.1919). В январе 1920 г. взят Красной армией в плен под Красноярском.

⁸ Характерно, что В.И. Зенкевич использует в приказе дореволюционное название этой улицы, в 1917 г. официально переименованной в улицу Республики.

⁹ Сейчас это ул. Республики, д. 5.

¹⁰ Заалов Александр Михайлович (1886–1944) – российский офицер. Родился 20 ноября 1886 г. в Тифлисе в семье офицера-дворянина Могилевской губернии. Окончил Могилевское Александровское реальное училище. В 1908 г. окончил Алексеевское военное училище по 1-му разряду. Служил в 160-м пехотном Абхазском полку. Подпоручик (15.06.1908; со ст. с 14.06.1907). Поручик (25.10.1911; со ст. с 14.06.1911). Участник Первой мировой войны. Воевал в рядах 304-го пехотного Новгород-Северского полка 76-й пехотной дивизии. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Подполковник. С октября 1918 г. – начальник унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа. С апреля 1919 г. – командир 3-го Лаишевского стрелкового полка 16-й Сарапульской стрелковой дивизии. В эмиграции в Маньчжурии. Скончался 20 июля 1944 г.

¹¹ Авдеев Николай Николаевич (1879–1926) – российский революционер. Родился 29 августа 1879 г. в г. Козлов Тамбовской

губернии в купеческой семье. В 1899 г. окончил Тамбовскую гимназию. Член РСДРП с 1905 г. Неоднократно арестовывался. В 1908–1913 гг. учился в Московском университете. В 1914–1918 гг. – преподаватель в Коммерческом училище в Тюмени. В 1917–1918 гг. – редактор тюменской газеты «Рабочая правда». В 1918–1919 гг. – преподаватель русского языка и истории Ремесленного училища, редактор газеты «Наш путь», член Центрального бюро профессиональных союзов Тюмени. Выжил после попытки внесудебного расстрела 13 марта 1919 г. После окончания Гражданской войны переехал в Москву и занялся научной работой. Один из организаторов Общества историков-марксистов. Член коллегии Центрархива. Скончался 18 апреля 1926 г.

¹² Дилевская Ольга Александровна (1885–1919) – российская революционерка, жена Н.Н. Авдеева. Родилась в дворянской семье. В 1918–1919 гг. – секретарь Центрального бюро профессиональных союзов Тюмени, член тюменского комитета партии меньшевиков. Расстреляна конвоем якобы при попытке к бегству 13 марта 1919 г.

¹³ Заручное оружие – оружие, остающееся без употребления из-за некомплекта людей в воинской части. Хранится в цейхгаузе воинской части. В военное время возится за воинской частью в обозе.

¹⁴ Максимов Александр Петрович (1879–?) – российский офицер. Родился 12 января 1879 г. во Владивостоке в семье капитана 2-го ранга. В 1898 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1902 г. – Иркутское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду. Подпоручик (03.03.1903). Участник Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Поручик (05.09.1906). Штабс-капитан (15.10.1910). С 21 июля 1910 г. по 9 мая 1912 г. – начальник Тобольской местной команды. Участник Первой мировой войны. Капитан (10.09.1914; со ст. с 05.09.1914). С 5 декабря 1915 г. – смотритель в 149-м сводном эвакуационном госпитале в Тюмени. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. С 4 августа 1918 г. – начальник Тюменской конвойной команды. 28 мая 1919 г. разжалован в рядовые из-за событий 13 марта 1919 г.

¹⁵ 2-й Барабинский кадровый полк был сформирован в 1918 г. в Новониколаевске. В нем проходила подготовка маршевых пополнений, отправляемых на фронт. В связи с нехваткой резервов в действующей армии в марте 1919 г. был отправлен из Сибири на фронт в Северную группу войск Сибирской ар-

мии. В апреле 1919 г. переименован в 66-й Алтайский стрелковый полк и включен в состав 17-й Сибирской отдельной стрелковой бригады. После участия в боях с красными на территории Вятской и Пермской губерний остатки полка в июле 1919 г. были влиты в состав 2-го Барабинского стрелкового полка 1-й Сибирской стрелковой дивизии.

¹⁶ Корзун Алексей Павлович (1878–1937) – российский офицер. Родился 28 августа 1878 г. в семье дворян Могилевской губернии. В 1897 г. окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, в 1899 г. – Константиновское артиллерийское училище по 1-му разряду. С сентября 1899 г. по июнь 1903 г. служил в 41-й артиллерийской бригаде (в 1-й батарее, в бригадной учебной команде и в 5-й батарее). Подпоручик (09.08.1899; со ст. с 08.08.1898). Поручик (28.08.1902; со ст. с 08.08.1902). С июня 1903 г. по ноябрь 1907 г. служил в 1-й запасной пешей батарее. Штабс-капитан (01.09.1906; со ст. с 08.08.1906). С ноября 1907 г. по июль 1910 г. прикомандирован к 3-й запасной пешей батарее. С августа 1910 г. – в 4-й батарее 41-й артиллерийской бригады. Капитан (10.04.1913; со ст. с 08.08.1910). Участник Первой мировой войны. С 26 августа 1914 г. – командир 4-й батареи 2-й запасной артиллерийской бригады в Казани. Командир 4-й батареи 127-й артиллерийской бригады. Подполковник (18.09.1917; со ст. с 17.02.1917). Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Командир Тюменской кадровой легкой батареи. Весной 1919 г. – комендант, затем начальник гарнизона Тюмени и уполномоченный Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тюменском уезде. 22 сентября 1937 г. арестован НКВД по обвинению в участии в контрреволюционной подпольной офицерской организации. 1 декабря 1937 г. приговорен тройкой при УНКВД по Московской области к ВМН. Расстрелян 10 декабря 1937 г. на Бутовском полигоне. В 1956 г. реабилитирован.

¹⁷ Т. е. штаба Сибирской армии.

¹⁸ Т. е. начальника штаба Тюменского военного округа.

¹⁹ Вихирев Александр Александрович (1869–?) – российский военный деятель. Родился 18 ноября 1869 г. в Саратовской губернии в мещанской семье. В 1887 г. окончил Вольское реальное училище, в 1889 г. – Московское пехотное юнкерское училище, в 1899 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. В 1905–1909 гг. – преподаватель Алексеевского военного училища.

Участник Первой мировой войны. С 4 ноября 1914 г. – командир 142-го Звенигородского полка, с 8 декабря 1914 г. – командир 141-го Можайского полка. С 17 декабря 1915 г. – начальник штаба 110-й пехотной дивизии, с 8 февраля 1917 г. – начальник штаба 21-го армейского корпуса, с 3 июня 1917 г. – командир 45-й пехотной дивизией. Генерал-майор (20.07.1916; со ст. с 06.12.1915). Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В апреле 1918 г. вступил в подпольную антибольшевистскую организацию «Союз защиты родины и свободы». С 8 по 31 августа 1918 г. – начальник штаба формирования частей Народной армии в Казанской губернии. С 1 сентября по 27 октября 1918 г. – начальник штаба Отдельного Казанского корпуса. начальник военно-окружного управления Тюменского военного округа. С 30 октября 1918 г. по 8 сентября 1919 г. – начальник штаба Тюменского военного округа. С 8 июля 1919 г. одновременно и. д. Главного начальника снабжений Сибирской армии. Взят в плен Красной армией. С 3 мая по 6 июня 1922 г. – начальник организационного управления штаба Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. 6 июня 1922 г. арестован ОГПУ.

²⁰ Колокольников Михаил Алексеевич (1889–?) – российский офицер. Родился 19 января 1889 г. в Серпухове в семье статского советника. Окончил 2-й Московский императора Николая I 1-й кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище по 1-му разряду. Подпоручик (06.08.1909; со ст. с 14.06.1907). Поручик (31.08.1911; со ст. с 14.06.1911). Участник Первой мировой войны. С 25 декабря 1915 г. – старший офицер 5-й батареи 30-й артиллерийской бригады. Штабс-капитан (17.11.1915; со ст. с 14.06.1915). Капитан. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Командир 2-й батареи Казанского артиллерийского дивизиона. Член военно-полевого суда гарнизона Тюмени.

²¹ Андреев Алексей Николаевич (1891–?) – российский офицер. Родился 17 марта 1891 г. в семье директора Сибирского кадетского корпуса, генерал-майора Н.П. Андреева. В 1910 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1912 г. – Павловское военное училище. Служил в 21-м Сибирском стрелковом полку. Участник Первой мировой войны. Поручик (27.08.1915, со ст. с 06.08.1915), штабс-капитан (01.10.1917, со ст. с 06.08.1916). Участник Гражданской войны на Востоке России. В 1919 г. – помощник начальника Контрразведывательного отделения шта-

ба Тюменского военного округа, член военно-полевого суда гарнизона Тюмени. Взят в плен Красной армией.

²² Добек Зислав Марцелиевич (?-?) – мировой судья 6-го участка Тюменского уезда. Летом 1917 г. – член комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. Весной 1919 г. – делопроизводитель военно-полевого суда гарнизона Тюмени.

²³ Червинка Ярослав Ярославович (1889–1985) – российский и чехословацкий офицер. Родился 25 июня 1889 г. в Риге в семье генерал-майора русской армии. В 1907 г. окончил Псковский кадетский корпус, в 1909 г. – Павловское военное училище. На службе в русской армии. В 1909–1912 гг. служил в 151-м пехотном полку, в 1912–1915 гг. – в лейб-гвардии Санкт-Петербургском полку. Участник Первой мировой войны. С мая 1916 г. – начальник унтер-офицерской школы при 3-й гвардейской пехотной дивизии в Петрограде. С мая 1917 г. – член комиссии по формированию чехословацких воинских частей. Полковник (05.09.1917). С 24 сентября 1917 г. – командир 6-го Чехословацкого стрелкового Ганацкого полка. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. С июля 1918 г. – начальник штаба Чехословацкого корпуса. С 9 октября 1918 г. – командир 2-го Чехословацкого Сибирского кавалерийского полка. В мае 1920 г. эвакуировался из России в Чехословакию. На службе в чехословацкой армии. С октября 1920 г. – командир 2-го кавалерийского полка, с октября 1923 г. – командир 9-й пехотной бригады, с июня 1925 г. – командир 3-й кавалерийской бригады. Бригадный генерал (01.05.1928). С ноября 1936 г. – командующий военного округа Брно, с сентября 1938 г. – командир 1-й дивизии. С 1 января 1940 г. – в отставке. Скончался 3 апреля 1985 г. в Праге.

²⁴ Т.е. как на войска Антанты, подчиненные в Сибири объединенному командованию во главе с французским генералом М. Жаненом, а не как часть русской армии.

²⁵ Ремесленное училище (школа ремесленных учеников) – среднее учебное заведение в гор. Тюмени. Открыто в 1911 г. на средства городского головы, тюменского купца А.И. Текутьева. Программа обучения была рассчитана на 3 года. В училище было 2 отделения: слесарно-кузнечное и столярно-токарное. Двухэтажный учебный корпус училища и одноэтажная литейная мастерская, построенные в стиле модерн, находились на ул. Садовой (ныне – ул. Дзержинского, д. 7 / ул. Осипенко, д. 2).

²⁶ См. док. № 13.

²⁷ «На окраине города за “Кузнечными рядами” по обеим сторонам почтового тракта на г. Ялуторовск (Сибирского тракта) располагаются прилегающие части города, называемые “Большие кирпичные сараи” (Копыловские) и “Угрюмовские сараи” (малые), заселенные в 1880-х гг. преимущественно рабочим и бедным классом населения. Эта часть города состоит большей частью из землянок, полуразрушенных низменных домов и глиняных построек, первоначально образовавшихся от развалин бывших здесь кирпичных сараев, где, действительно, в прежнее время (в 1880-х гг.) были расположены кирпичные заводы, а в настоящее время от них сохранилось только название, так как этих заводов теперь в этом районе с того времени не существует» (1913 год. Тюмень. Справочник и адрес-календарь по городу и уезду / Составил Т.Ф. Калугин. Тюмень, 1913. С. 46–47).

²⁸ Головин Николай Аполлонович (1868–?) – российский офицер. Родился 30 октября 1868 г. в Рязанской губернии в дворянской семье. Окончил 1-й Московский кадетский корпус и 2-е Константиновское военное училище. Полковник (со ст. с 14.04.1913). Участник Первой мировой войны. С 29 ноября 1916 г. – командир батальона 9-го гренадерского Сибирского полка, с 13 октября 1917 г. – командир 21-го гренадерского Румянцевского полка. С декабря 1917 г. по апрель 1918 г. – командир 9-го гренадерского Сибирского полка. Участник Гражданской войны на Востоке России. С декабря 1918 г. – начальник офицерской пехотной школы в Тюмени. С 25 апреля по 1 июня 1919 г. – командир 16-й Сарапульской стрелковой дивизии. С 1 июня 1919 г. в резерве чинов Омского военного округа, с 1 ноября 1919 г. – в резерве чинов Иркутского военного округа. 1 апреля 1920 г. арестован ВЧК в Иркутске, 10 мая того же года освобожден. В 1920–1922 гг. – на военно-преподавательской работе в РККА. В декабре 1922 г. уволен из рядов Красной армии.

²⁹ «Вторая часть города, большая по размеру занимаемого пространства и количеству построенных домов, расположена на левом берегу реки Туры и называется “Заречной” частью, названная жителями “Зарека” <...> Местность по левому берегу р. Туры (Заречная часть) заселена, кроме нескольких купеческих домов и кожевенных заводов, большей частью средним классом жителей и дома, прилегающие к низменному берегу р. Туры, иногда затопляются во время большого весеннего половодья. В заречной части г. Тюмени, вниз по р. Туре, рас-

положены ряд заводов и судостроительные верфи» (1913 год. Тюмень. Справочник и адрес-календарь по городу и уезду / Составил Т.Ф. Калугин. Тюмень, 1913. С. 46-47).

³⁰ См. док. № 20.

³¹ Так в документе. Правильно – № 256. См. док. № 10.

³² Ночлежный дом – приют для бездомных. Открыт в 1903 г. на средства депутата Тюменской городской думы Н.И. Давыдовского. Двухэтажное здание ночлежного дома располагалось на ул. Даудельной (ныне – ул. Свердлова, д. 33).

³³ Имеется в виду магазин торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К°», торговавший чаем и сахаром. Располагался на Базарной площади.

³⁴ Имеется в виду магазин М.Н. Бардыгина, торговавший мануфактурой. Располагался на ул. Голицынской.

³⁵ Судосоюз – Союз судоходных служащих и рабочих рек Западной Сибири. В.В. Веницкий был председателем правления Тюменского отделения этого профсоюза.

³⁶ В.В. Веницкий и М.Г. Казанцев были высланы из Тюмени после окончания забастовки.

³⁷ Имеется в виду забастовка Тюменского отделения Союза судоходных служащих и рабочих рек Западной Сибири, начавшаяся 3 марта 1919 г. Бастующие требовали повышения ставок оплаты труда для работников отрасли. Забастовка была прекращена по распоряжению командующего Сибирской армией Р. Гайды 5 марта 1919 г. Вместе с тем требования забастовщиков были частично удовлетворены.

³⁸ Народный дом – клуб в гор. Тюмени. Открыт в 1908 г. на средства Попечительства о народной трезвости и Общества попечения об учащих. В Народном доме устраивали любительские спектакли, проводили просветительские лекции и литературно-музыкальные вечера. При Народном доме были открыты мужская воскресная школа, школа хорового пения и бесплатная библиотека. В подвале Народного дома в 1911 г. открылся первый в Тюмени вытрезвитель. Здание Народного дома находилось на Ильинской улице (ныне – ул. 25 лет Октября, д. 13).

³⁹ См. док. № 10.

⁴⁰ См. док. № 20.

⁴¹ Центилович Михаил Константинович (1872–?) – российский офицер. Родился 20 июня 1872 г. в Херсонской губернии в дворянской семье. Окончил Одесское пехотное юнкерское

училище. Капитан (21.10.1907). В 1909–1914 гг. – начальник Царицынской конвойной команды. Во время мобилизации 1914 г. – и. д. Царицынского уездного воинского начальника. Подполковник. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Осенью 1918 г. – штаб-офицер для поручений при Главном инспекторе по пересылке арестантов. Весной 1919 г. – и. д. старшего делопроизводителя канцелярии Главного инспектора по пересылке арестантов. Затем – начальник Омской конвойной команды.

⁴² См. док. № 23.

⁴³ Имеется в виду учитель-инспектор Ремесленного училища Григорий Михайлович Тарасов.

⁴⁴ См. док. № 21.

⁴⁵ См. док. № 10.

⁴⁶ «Наш путь» – газета, выходившая в гор. Тюмени в 1918–1919 гг., орган тюменского комитета партии меньшевиков. Газету в разное время редактировали Н.П. Сиротин, К.С. Бабушкин и Н.Н. Авдеев. Первый номер вышел 22 ноября 1918 г. Закрыта 17 марта 1919 г. по распоряжению Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова.

⁴⁷ Комендантское управление размещалось на Ишимской улице, в доме Жернакова.

⁴⁸ Имеется в виду Владимирское сиропитательно-ремесленное заведение – приют для сирот, открытый в гор. Тюмени в 1872 г. на средства местного купца С.М. Трусова. Находилось на Базарной площади.

⁴⁹ То есть до половины десятого утра.

⁵⁰ См. док. № 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44.

⁵¹ Белицкий Анатолий Владимирович (1870–?) – российский офицер. Родился 22 апреля 1870 г. в дворянской семье. Окончил Нижегородский кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище по 2-му разряду. С 1890 г. по 1898 г. служил в 14-м Туркестанском линейном батальоне. Подпоручик (10.08.1890). Поручик (10.08.1894). С 29 мая 1898 г. – на службе в Отдельном корпусе жандармов. С 20 августа 1898 г. – адъютант Олонецкого губернского жандармского управления. С 11 сентября 1900 г. – адъютант Оренбургского губернского жандармского управления. С 14 июня 1901 г. – и. д. начальника Курганского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги. Штабс-ротмистр (06.12.1901). С 7 октября 1902 г. – на-

чальник Омского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги. Ротмистр (06.12.1902). С 23 августа 1906 г. – начальник Тамбовского отделения жандармского полицейского управления Тамбово-Уральской железной дороги. Подполковник (06.05.1913). Участник Гражданской войны на Востоке России. Весной 1919 г. – штаб-офицер для поручений при Главном начальнике Тюменского военного округа.

⁵² Т.е. начальника штаба Сибирской армии генерал-майора Б.П. Богословского.

⁵³ В феврале 1919 г. в тюменской милиции служило 19 классных чинов и 138 пеших милиционеров, а также формировался отдельный конный отряд.

⁵⁴ Датируется по содержанию письма.

⁵⁵ Предположительно, войсковой старшина И.Н. Красильников. В этом случае под отрядом Красильникова автор письма вероятно имеет в виду тюменский вербовочный пункт добровольцев в Отдельную Партизанскую бригаду И.Н. Красильникова. Однако, речь может идти и о генерал-лейтенанте В.А. Красильникове, который на момент восстания был начальником Тюменского центрального регистрационного пункта военнопленных. В таком случае под отрядом Красильникова имеется в виду какой-то импровизированный отряд, принявший участие в подавлении восстания. (В рапорте полковника В.И. Зенкевича упоминается, что в подавлении восстания приняла участие местная команда сборного пункта при Управлении Тюменского уездного воинского начальника в количестве 60 штыков, а также до 50 случайных офицеров и добровольцев – см. док. № 18).

⁵⁶ Под восстанием Ю.А. Кудрявцев имеет в виду события лета 1918 г., приведшие к свержению советской власти в Сибири.

⁵⁷ Кудрявцев Ювеналий Алексеевич (1892–?) – российский общественный деятель. Родился 22 июня 1892 г. в с. Заводоуковском в семье учителя. В 1910 г. окончил Алексеевское реальное училище в Тюмени. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Организатор антибольшевистского подполья в Тобольской губернии в первой половине 1918 г. С 25 мая 1918 г. – заместитель уполномоченного Временного Сибирского правительства по Омскому округу. В августе 1918 г. – уполномоченный Временного Сибирского правительства по Пермской губернии. 19 октября 1918 г. уволен с занимаемой должности по личному прошению. Проживал в Тюмени.

⁵⁸ В феврале 1919 г. в конном отряде Тюменской уездной милиции, которым руководил подпоручик М.Н. Заблоцкий, служил 31 конный милиционер.

⁵⁹ Датируется по содержанию документа.

⁶⁰ Т.е. начальника штаба Сибирской армии генерал-майора Б.П. Богословского.

⁶¹ Датируется по делопроизводственной помете на документе.

⁶² Кобылинский Евгений Степанович (1875–1927) – русский офицер, полковник лейб-гвардии Петроградского полка. Принимал участие в Первой мировой войне, получил тяжелое ранение, контузию и был списан в тыловые части. В марте 1917 г. был назначен начальником гарнизона Царского Села, с 26 мая 1917 г. – комендант Александровского дворца. После отправки Царской семьи в Тобольск – командир Отряда особого назначения, охранявшего дом, где содержались члены Царской семьи. 2 мая 1918 г. смещен со своей должности. В период Гражданской войны служил в колчаковской армии. Штаб-офицер для поручений при Главном начальнике Тюменского военного округа генерал-лейтенанте В.В. Рычкове. Взят в плен Красной армией. В середине 1920-х гг., когда советские власти начали разыскивать царские ценности, Е.С. Кобылинский был арестован ОГПУ. В конце 1927 г. расстрелян в московской Бутырской тюрьме.

⁶³ В рапорте начальника Артиллерийского управления Тюменского военного округа полковника В.И. Зенкевича о подавлении восстания его фамилия приводится как Пепилюк (см. док № 18).

⁶⁴ В.К. Островский был допущен к вр. испр. должности начальника Тюменской уездной милиции 15 октября 1918 г.

⁶⁵ Подпоручик М.Н. Заблоцкий был назначен начальником 1-го городского участка Тюменской уездной милиции 17 декабря 1918 г. До этого он был помощником начальника милиции Атаманского хутора г. Омска.

⁶⁶ Н.Н. Кислицкий был назначен начальником Тюменского отделения уголовного розыска 3 декабря 1918 г. В феврале 1919 г. в отделении служили 2 классных чина и 8 агентов уголовного розыска.

⁶⁷ Прапорщик М.В. Николаев был назначен начальником конного отряда Тюменской уездной милиции 12 декабря 1918 г.

⁶⁸ Имеется в виду г. Ставрополь на р. Волге (ныне г. Тольятти) – административный центр Ставропольского уезда Самарской губернии.

⁶⁹ Тюменское уездное воинское присутствие располагалось в доме Дегтяревой на Томской улице.

⁷⁰ Осокин был также и тюремным врачом. Был известен как пьяница, картежник. Несомненно, был трусом и прохвостом. Со мной был вежлив. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁷¹ Посников Владимир Федорович (1876–?) – российский офицер. Родился 3 октября 1876 г. Окончил Полоцкий кадетский корпус и Александровское военное училище по 1-му разряду. С 1897 г. по 1910 г. служил в 12-м гренадерском Астраханском полку. Подпоручик (12.08.1896). Поручик (12.08.1900). Штабс-ротмистр (12.08.1904). Участник Русско-Японской войны 1904–1905 гг. С 28 марта 1910 г. – на службе в Отдельном корпусе жандармов. С 8 апреля 1910 г. – адъютант Нижегородского губернского жандармского управления. Ротмистр (06.12.1910). С 3 октября 1912 г. – помощник начальника Тобольского губернского жандармского отделения в Тобольске и Тарском уезде. С 14 января 1914 г. – помощник начальника Тобольского губернского жандармского отделения в Березовском, Сургутском и Тарском уездах. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. С 20 марта 1919 г. – начальник Контрразведывательно-го отделения штаба Тюменского военного округа.

⁷² Борисов был заместителем начальника контрразведки, начальником был Эверт. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁷³ Копачелли ошибается: не 6, а 5 чел. – я, Дилевская, Тупицын (капитан парохода), Зиверт (латыш-красноармеец) и, кажется, Холмский. Есть основание думать, что фамилия Холмский – не настоящая. Мне потом в тюрьме говорили, что Холмский – это Новгородцев, брат Клавдии Михайловны Новгородцевой, жены Як[ова] Мих[айловича] Свердлова. Насколько это верно, не знаю. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁷⁴ Часть трупов (около 30) была зарыта на холерном кладбище, в том числе трупы Дилевской, Зиверта, Тупицина и Холмского, часть же (несколько десятков) была зарыта в яму, верстах в 7 от города. Большинство расстрелов было произведено за городом, чтобы не производить паники в городе. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁷⁵ Коммерческое училище – частное учебное заведение, основанное в 1910 г. тюменскими купцами – братьями В.И. и С.И. Колокольниковыми. Программа обучения в училище была рассчитана на 8 лет. В 1914 г. для училища было выстроено новое здание на ул. Никольской (ныне – ул. Луначарского, д. 2).

⁷⁶ Я работал в Тюмен[ском] Совдепе, как председатель ревизионной комиссии. В Совет был делегирован от Учительского союза и вместе с Дилевской состоял во фракции интернационалистов с[оциал]-д[емократов]. Хотя между мной и тюменскими большевиками и были разногласия по некоторым вопросам (между прочим, по вопросу о перспективах мировой революции), но это не мешало нам совместно работать и в момент опасности для советской власти выступать против врага единым фронтом. Я и Дилевская (она была секретарем рабочего отдела) были членами Совета до падения советской власти в Тюмени. При наступлении чехов на Тюмень было экстренное заседание Совета, на котором я произнес речь против какой бы то ни было интервенции со стороны чехов. Содержание моей речи было напечатано в газете Тюмен[ского] Совета и было потом учтено и чехами, и их друзьями. При Колчаке я и Дилевская вполне сознательно желали свержения его и в этом направлении действовали и среди рабочих. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁷⁷ Большевики никогда не собирались применять по отношению ко мне и Дилевской репрессивных мер. Родство со Свердловым не играло и не могло играть никакой роли в его отношении к нам. Большевикам незачем было считаться с нашим родством со Свердловым. Другое дело – колчаковцам. Копачелли сказку о нашей «правизне» и о влиянии нашего родства со Свердловым заимствовал от Пагирева, который старался спасти меня из колчаковского плена. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁷⁸ Не в редакции, а в типографии Тюмен[ского] союза потребит[ельных] обществ. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁷⁹ Неверно: я лежал раненым в квартире Флоринского и не мог двигаться. Кроме того, я скрывался от контрразведки. (Примечание Н.Н. Авдеева к публикации 1923 г.).

⁸⁰ Обе должности занимал в тот момент один человек – полковник В.И. Зенкевич.

⁸¹ См. док. № 58.

⁸² 50-й Сибирский стрелковый полк прибыл в г. Тюмень 11 апреля 1919 г.

⁸³ Осипов Николай Гаврилович (1867– ?) – российский офицер. Родился 12 октября 1867 г. в семье чиновника в Акмолинской области. В 1886 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1889 г. – Казанское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. Служил в 33-м Сибирском стрелковом полку. Подпоручик (05.01.1890; со ст. с 01.09.1889). Поручик (01.08.1894; со ст. с 01.09.1893). штабс-капитан (15.04.1901; со ст. с 10.01.1901). Участник Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Капитан (26.06.1907; со ст. с 10.01.1902). Участник Первой мировой войны. В 1917 г. – командир 33-го Сибирского стрелкового полка. Полковник. После Октябрьской революции взял длительный отпуск по болезни и приехал к семье в Екатеринбург. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. С февраля 1918 г. на службе в РККА. 28 мая 1918 г. был назначен военруком Уфалейского участка фронта. В июне-июле 1918 г. – начальник гарнизона Екатеринбурга и заведующий отделом формирования воинских частей. Во время эвакуации красными Екатеринбурга дезертировал из РККА и остался в городе. 2 августа 1918 г. арестован белыми за службу у красных, но после расследования его деятельности оправдан. В 1919 г. – командир 50-го Сибирского стрелкового полка колчаковской армии. С 21 мая 1919 г. – начальник гарнизона Тюмени и уполномоченный Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тюменском уезде.

⁸⁴ Приговор начальнику Тюменской конвойной команды капитану А.П. Максимову был вынесен Тюменским военным судом 28 мая 1919 г.

⁸⁵ Место и дата в документе отсутствуют. Датируется по содержанию документа. Доклад мог быть подготовлен В.Ф. Понниковым как в Тюмени, так и во время командировки в Омск.

⁸⁶ Аржиловский Андрей Степанович (1885–1937) – российский общественный деятель. Родился в с. Зырянское Червишевской волости Тюменского уезда Тобольской губернии в крестьянской семье. До революции работал писарем в Червишевском волостном правлении. Публиковался в местных газетах и журналах. В 1917-1919 гг. – член Тюменской уездной земской управы. В 1918-1919 гг. – член Тюменской уездной следственной комиссии. 16 октября 1919 г. арестован советской

властью и приговорен ревтрибуналом к 8 годам заключения. В 1923 г. вышел на свободу. Занимался крестьянским трудом. В 1929 г. арестован по обвинению в агитации против коллективизации и приговорен к 7 годам заключения. В мае 1936 г. вышел на свободу. Работал счетоводом в сельхозартели «Прогресс». 29 июля 1937 г. арестован НКВД. 5 сентября 1937 г. приговорен тройкой УНКВД по Омской области к ВМН. 7 сентября 1937 г. расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

Раздел II

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Воспоминания бывшего заключенного Тюменской уездной тюрьмы Л. Полещука о восстании мобилизованных. Гор. Екатеринбург, 23 августа 1919 г.

В Тюменской тюрьме¹

С Тюменью у меня связана самая мрачная, самая тяжелая полоса моей жизни – я просидел в Тюменской тюрьме 7 месяцев, мою девятнадцатилетнюю весну я провел в колчаковском застенке.

Но самым ярким и самым тяжелым воспоминанием о Тюмени было воспоминание о 13 марта, когда в Тюмени произошло восстание. День траура для рабочих Тюмени и день торжества буржуазии. За несколько дней до восстания уже чувствовалось что-то – грозное; – неизбежное; особенно напряженно это было у нас в камере – нас сидело 25 человек, почти все сидели до «учредиловки».

В камере говорили мало, но каждый знал, что он будет делать – когда это потребует, и вот пришел день яркий, солнечный – сама природа как будто радостно приветствовала попытку рабочих сбросить позорные цепи и снова стать хозяином, строителем жизни.

К 10 ч. утра мы услышали выстрелы, затем характерный стук пулемета. На тюремном дворе все зашевелилось.

Чаще и чаще слышатся отдельные выстрелы. И нам эти выстрелы казались какой-то небесной симфонией. Сердце неудержимо рвалось из груди... Минута казалась вечностью. Еще миг и, кажется, мы свободны.

И как свободны! Теми рабочими, которые в прошлом году так бессознательно поддались социал-предателям...

¹ Заголовок автора.

Выстрелы вдруг утихли. Стало тяжело. Было ясно, что революционная вспышка подавлена белой сволочью.

На дворе показалась рота чехов. Это авангард культурных зверей. В окно я увидел, как известный правый с[оциалист]-р[еволюционер] Флоринский привел своего раненого собрата Авдеева (тюменцам лица довольно знакомые)¹.

Послышался залп² – это расстреляли меньшевичку Дилевскую¹. В прошлом году она вела определенную кампанию против власти рабочих и крестьян.

В калитку тюрьмы вводят человек 200 арестованных. Вид унылый, подавленный. Минут через 20 опять партия и так без конца.

Сумерки. Медленно сгущается темнота. Небо словно боится тишины и мрака.

Дверь камеры неожиданно открывается и надзиратель кричит «Антон^{II} Зивер и Голевский в контору на допрос». Молча одеваются.

– «До свиданья, товарищи!» – но мы чувствуем^{III}, что они уж к нам больше не вернуться...

В отдалении раздался залп³. Все было кончено... Я вспомнил, что сегодня ночью товарищ Зивер ждал рождение ребенка. И этот ребенок родился в тот миг, когда белые звери – расстреляли его отца.

Через 2 часа вывели л[евого] с[оциалиста]-р[еволюционера] Холмского, с которым меня арестовала контрразведка⁴. Снова выстрел – через 10 минут еще и еще – и так всю ночь.

В нашей камере прощаются, торопливо дают адреса. Но каждый из нас был спокоен, ждали своей участи – предпринимать что-либо невозможно. Настала ночь, но тюрьма не спала. Она притаилась и ждала.

Изредка слышатся залпы – это расстреливали тюменских рабочих. Медленно, медленно тянется ночь и кажется, что нет ей конца.

Через каждые полчаса в коридор входит чех и спрашивает сторожа:

– Что, не шумят, тихо?

О, я думаю, что он сам боялся тишины, этой зловещей, пугающей тишины.

¹ Исправлено. В документе ошибочно – *Далевскую*.

^{II} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно – *Актон*.

^{III} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно – *чувствует*.

Я убежден, что во всей моей последующей работе мне не забыть ночи на 14 марта. Это была ночь ужаса и скорби.

Выводили людей десятками и тут же на дворе расстреливали – стариков, женщин, детей⁵. Разгул черной сотни, кровавая вакханалия, прямыми пособниками которой были люди, именующие себя социалистами.

На другой день после восстания в тюремной церкви священник читал проповедь о зверствах большевиков, о надругательствах над церковью, православием... А мы стояли за тюремной решеткой и скрежетали зубами...

Мне, только начинающему жить, вступающему на арену политической борьбы – эта ночь врезалась кровавыми рубцами. Никогда не забыть, как на моих глазах расстреливали людей. И за что?

За то, что они задыхались в удушливой, рабской обстановке, хотели жить – как люди.

Теперь, когда Тюмень свободна, когда рабочие могут творить жизнь, каждый, даже не коммунист, вспомнив весь ужас 13 марта, возьмет винтовку и пойдет защищать свою власть.

Полещук Л. В Тюменской тюрьме // Уральский рабочий. 1919. 23 августа. № 17 (379). С. 3.

№ 2

Очерк Кир. Ен-ского о восстании мобилизованных. Гор. Тюмень, 1922 г.

13-го марта 1919 г.¹

Этот день должен на вечные времена остаться в памяти тюменских рабочих.

13 марта 1919 года впервые за более чем трехсотлетнее существование города на улицах его шла вооруженная борьба, проливалась кровь, валялись трупы.

Кучка плохо вооруженных, случайно собранных, неорганизованных рабочих и крестьян в этот день, стихийно восстав, дерзнула выйти на бой с опытными, закаленными в боях полками контрреволюции, численно в 20–30 раз превосходивших восставших.

¹ Заголовок автора.

13 марта 1919 года Тюмень, для которой завоевания революции пришли со стороны, достались даром, огненным крещением приобщилась к великой действенной борьбе, бросив на общее кровавое поле сотни жертв, обагрив кровью их свои улицы.

Тюменское «13 марта» 1919 года в длинном ряду преступлений Сибирской контрреволюции занимает одно из первых мест, как по числу жертв, павших в этот день, так и по той безудержной и беззастенчивой жестокости, которую проявили в этот день победители восставших.

«13 марта» – это «день отмщения», «праздник крови и злодейства», которым тюменская буржуазия сделала вождьленную попытку заплатить рабочим за все огорчения, обиды и унижения, за весь тот страх, который они – рабочие – заставили ее, трусливую и жалкую, пережить в дни своего господства.

Для рабочих Тюмени незабываемыми должны стать и этот день, и все те, кто в этот день дерзнул восстать, пойти на улицу с оружием в руках и пасть под пулями и штыками озверевших палачей.

I. Как это произошло

Официально, с точки зрения колчаковского правосудия, ход событий 13 марта рисуется следующим образом:

«Утром 13 марта 1919 г. в гор. Тюмени призванные по мобилизации солдаты, собравшись в числе около 600 человек, направились к оружейному складу, помещающемуся при Ремесленном училище, оттеснили и обезоружили караул и, сломав замок у склада, похитили 296 винтовок разного образца, 18 442 штуки патронов к ним, 191 штык, 9 револьверов, 24 штуки холодного оружия, 1 пику и прочее, после чего, вооружившись, направились к лагерю военнопленных и затем к тюрьме для освобождения и вооружения арестованных.

Принятыми начальником гарнизона мерами порядок в городе был быстро восстановлен имеющимися в наличии военными силами и главные виновники понесли законное наказание» (Обвинительный акт по делу о 6-ти мобилизованных, привлеченных к делу о восстании).

Вот и все, что колчаковская юстиция могла сказать о событиях 13 марта. Разумеется, о причинах «мятежа» колчаковским блюстителям закона незачем было говорить, ибо это им было совсем не выгодно.

Поскольку вообще в то время заходила речь – уже после события – о причинах «мятежа», эти причины явными и тайными прелюбодеяниями определялись простой стереотипной фразой: «большевистская агитация».

Так ли это было?

Нет. Несомненно, что поскольку можно было говорить о сознательной агитации коммунистов – никакой агитации не было: восстание было чисто стихийным, случайным, совершенно неорганизованным.

К тому времени, когда произошли события, отношение населения к власти Колчака – отношение в огромной массе с самого начала отрицательное – принимало все более и более резко оппозиционный или даже революционный характер.

Резко и определенно это сказывалось у рабочих и ясно заметно было в крестьянстве, возмущенном бесконечными бесчинствами и насилиями хищной колчаковской саранчи.

Особенно высоко поднималось это недовольство при всякой мобилизации.

Разумеется, и большие, и малые колчаки не могли не видеть этого, но обойти каким бы то ни было путем этого положения они не могли: солдаты были нужны, нужны были руки, которые должны были защищать «Верховного правителя» и приходилось насильно угрозами сгонять на фронт мобилизованных.

При крайне повышенном настроении протекала и мобилизация 6 марта.

Она еще тем более усугубила раздражение, что мобилизованным было приказано явиться, имея необходимое обмундирование, обувь и белье.

Требование отмены этого приказа и выдачи казенного обмундирования и было первым требованием и связующим звеном для разнородной, собранной с нескольких уездов массы. Начались собрания в казармах (быв[ший] ночлежный дом), обсуждение вопроса, вынесение резолюций.

Наконец, была послана делегация к начальнику гарнизона с изложением требований призванных.

Когда же мобилизованные узнали, что их имеют намерение отправить немедленно на фронт и притом не всех вместе, а отдельными небольшими группами – ими было выставлено требование отмены и этого распоряжения.

Разумеется, все требования мобилизованных были отклонены⁶ и это обстоятельство подняло до высшей степени их

настроение и заставило поднять вопрос о вооруженном выступлении.

Естественно, что вопрос этот расколол массу: часть ее отступилась и испугалась, другая же, меньшая – решила положительно оказать сопротивление.

У тех, кто решил выступить, конечно, не было никакого плана, не было организации, не было руководителей. Все решилось наспех, в несколько дней.

Были попытки сговориться с рабочими, посылались какие-то делегации к солдатам (Семипалатинского полка⁷), к чехословакам.

Все это было мало надежно и заранее не обещало успеха.

Но общее всем недовольство, определенное, никем не подсказываемое, нежелание идти на фронт, частью как результат утомления от бесконечной войны и неурядицы, частью – у рабочих – как сознательное сочувствие к советской власти, неизбежно толкало на выступление.

Есть основание полагать, что на это выступление толкало и само колчаковское правительство.

«Власть», разумеется, отлично была осведомлена о положении дел в казармах мобилизованных, шпионы и агенты контрразведки неизменно присутствовали на всех собраниях и, вероятно, участвовали в обсуждении всех вопросов (один из них был опознан и жестоко избит).

«Власть» знала, что предстоит выступление, но решительно для пресечения его не принимала никаких мер, дав ему возможность вылиться в определенную форму.

Никаких репрессий против бунтовавших не было предпринято, нигде не были увеличены караулы, даже у военных складов.

Все, что власть сделала – это за 2 дня или даже накануне восстания – она очистила склад в Ремесленном училище (тот самый, на который потом напали восставшие), вывезя оттуда все годное оружие, оставив брак, к употреблению непригодный (патроны и винтовки, напр[имер], захваченные мобилизованными, были разного калибра)⁸.

Зачем это нужно было?

Нужно было «дать урок» населению, рабочим.

Точку зрения тюменской власти и ее взгляд на это «дело» исчерпывающе пояснил один колчаковский офицер, участник усмирения.

На вопрос: почему мобилизованных не поспешили отправить на фронт и тем дали им возможность выступить, г[осподин] офицер Колчака ответил буквально следующее: «на фронт их отправить было нельзя, они бы только разнесли заразу по всему фронту. Нужно было, чтоб нарыв прорвался здесь».

Им... нужно было это...

Им нужно было «13 марта».

И вышло так, как им было «нужно».

«Нарыв прорвался».

Надо ли думать, что они не помогли этому?

II. Расправа

Восстание, по его словам, приблизительно происходило так, как свидетельствует цитируемый нами выше колчаковский официальный документ.

Захватив оружие в складе при Ремесленном училище, восставшие частью бросились на тюрьму, желая освободить заключенных, частью отправились по заводам призывать к восстанию рабочих и в концентрационный лагерь, где были заключены красноармейцы.

Немедленно же против них были двинуты войска...

В первую очередь в «бой» брошены были г[оспода] офицеры: они были главными деятелями и героями этого дня, они выиграли дешевую «победу» у почти безоружной толпы мобилизованных, они были палачами побежденных...

Конечно, сразу же восставшие поняли, что их попытка совершенно безнадежна, обречена на полную неудачу и, побросав оружие, начали разбегаться, лишь в отдельных случаях оказывая мелкими группами сопротивление.

Началась расправа...

Нечего и говорить, что взятых с оружием в руках тут же убивали.

Убивали всех взятых или пойманных...

Даже не спрашивая, принимал ли он участие в восстании, достаточно того, что он был из мобилизованных...

Около 40 трупов было потом только подобрано на улицах.

Остальных взятых в «плен» уводили в тюрьму, или к коменданту, или в часть, взявшую в плен, и там... убивали...

Убивали гнусно и отвратительно.

Особенно в этом отношении мерзкие сцены происходили в тюрьме, где, как говорили, было убито около 100 человек⁹.

Г[оспода] офицеры Колчака в течение нескольких часов потешались и обучались палачеству: били взятых в плен нагайками, кому нравилось рубить шашкой, рубил – шашкой, хотелось бить прикладом – бил, упражнялись в стрельбе из револьверов, кололи штыками...

Были такие, что потом хвастались:

«Я вчера чуть ли не десяток краснокожих отправил к праотцам»...

Сколько было убито в этот день?

Точная цифра, конечно, неизвестна, но она близка к 200 человек¹⁰.

Генералу Гайде было донесено:

«Убито 27 человек...».

Потери колчаковцев?

Ни одного человека!..

Буржуазия и 13 марта

Г[оспода] тюменские буржуа принимали ли участие в кровавом пиру колчаковского воинства?

Еще бы г[оспода] буржуа обошли такой случай. Их участие несомненно. Они все время и неизменно натравливали «власть» на рабочих, они жаждали отмщения, из их среды иной раз невольно громко раздавались голоса о том, что нужно «перевешать» всех социалистов, они писали «анонимки» с глупыми ругательствами и угрозами деятелям рабочего движения, обещая в случае, ежели что начнется, «первым сорвать головы»...

В этом отношении, безусловно, первое место принадлежит одному из главарей буржуазии, просвещенному г[осподину] Виктору Колокольникову¹¹ и его достойному брату Степану¹².

Убийство О.А. Дилевской – всецело дело рук В. Колокольникова¹³.

Этот человек с самого воцарения Колчака вел упорную агитацию пред всякими «властями» о том, чтоб О.А. Дилевская и Н.Н. Авдеев были изъяты как большевики, близкие родственники Я.М. Свердлова, игравшие видную роль в Совдепе.

В обычное время это ему не удавалось – нужно было 13 марта.

В донесении министру внутренних дел Главного начальника Тюменского военного округа ген[ерала] Рычкова по поводу

расстрела О.А. Дилевской сказано: «Тов[арищ] прокурора Агатов и директор Коммерческо[го] училища Колокольников свидетельствуют о видной роли Авдеева и Дилевской в Совдепе».

Они добились своего!

Разгром меньшевистской организации

Социал-демократическая (меньшевистская) организация была единственной организацией, которая еще действовала в царствование Колчака. Но говорить о ней, как о таковой, не приходится. Она переживала период позорнейшего развала и, в сущности, не представляла собою единого целого, объединяя самые разнородные и разношерстные элементы от интернационалистов до плехановцев.

И в то время как одна часть ее – левая – группировавшаяся около газеты «Наш путь» (Н.Н. Авдеев, О.А. Дилевская, М. Мишин¹⁴) стояла в резкой оппозиции к правительству Колчака, не признавая его и подвергаясь преследованиям, другая часть в жажде «сильной власти» отбивала поклоны Колчаку и нелегитимно служила ему.

Естественно, что «власть» не могла в такой удобный день, как день 13 марта, обойти и тех из меньшевиков, кто еще пытался бороться с нею.

13 марта были арестованы Н.Н. Авдеев и О.А. Дилевская – члены с[оциал]-д[емократического] комитета и редакционной коллегии газеты «Наш путь». 14 марта газета «Наш путь» была закрыта навсегда за «большевизм» и в тот же день наряд колчаковской полиции¹⁵ под начальством социалиста-революционера Якушева разгромил редакцию, конфисковав все имущество и деньги последней. Членам редакции, избежавшим ареста, пришлось бежать.

Расстрел О.А. Дилевской

Самым страшным, позорным и бесстыдно-подлым эпизодом во всей этой кровавой вакханалии, несомненно, был расстрел О.А. Дилевской и Н.Н. Авдеева.

Конечно, не было ни оснований, ни надобности убивать и сотни других людей – тем более, что приказ генерала Гайды, полученный в день восстания в ответ на сообщение о мятеже, требовал расстрела лишь взятых с оружием в руках, но тут убийцы могли еще иметь некую, хоть жалкую, отговорку

и оправдание в том, что все жертвы их были солдаты, мобилизованные, и, значит, могли сойти за «взятых с оружием в руках».

Относительно О.А. Дилевской и этой отговорки не было. Правда уже потом, после убийства О.А., болтливые негодяи пытались создать «обстановочку» в оправдание убийства, разнося по городу сплетню о том, что О.А. была захвачена в казармах за писанием воззвания, но это было уже после убийства. Для «власти» эта сплетня не могла пригодиться.

И если убийство О.А. все-таки совершилось, то тут, по-видимому, были нажаты все пружины со стороны тюменской буржуазии. Я определенно обвиняю тюменскую буржуазию – в частности, шайку, группировавшуюся около бр[атьев] Колокольниковых – потому, что, в конце концов, банда офицерства и контрразведка, устроившая бойню, в большинстве люди для Тюмени чужие, случайные, вовсе не были заинтересованы в убийстве того или другого отдельного лица, тем более, что это лицо приходилось насильно притягивать к «делу».

Тут был свой «перст указующий», который определенно хотел убрать ненавистных людей.

О.А. Дилевская, безусловно не принимавшая никакого участия в организации восстания, была арестована 13 марта днем у себя на квартире.

Н.Н. Авдеев арестован одновременно с ней в типографии, где он корректировал газету.

Оба они были отведены в контрразведку, а потом без всякого допроса в тюрьму.

Ночью около 11 часов их и еще 3 чел[овек] обратно вызвали в контрразведку, якобы «для допроса», а затем, не спросив ни о чем, сразу же отправили снова в тюрьму...

«Около 11 ч. вечера 13 марта под конвоем из помещения контрразведки препровождалась в тюрьму партия арестованных (5 чел[овек]), в том числе граждане Авдеев и Дилевская.

Проходя через Базарную площадь среди ларей и лавок, трое арестованных бросились бежать, но кто именно за темной конвоем не удалось рассмотреть. Начальник конвоя подпоручик Константинов приказал стрелять по убегавшим. В результате под выстрелами пали все пятеро»...

Так доносит своему министру генерал Рычков.

Если бы его палачи во главе с подпоручиком Константиновым исполняли дело несколько удачнее, генеральское объяснение

было бы может быть и похоже на правду, но тут вышло так, что тов[арищ] Авдеев чудом остался жив и то, что подлые убийцы стремились свершить тайно, выявилось во всем ужасе и бесстыдстве.

Никто, разумеется, бежать не собирался... Это подлая, обычная в таких случаях ложь...

Н.Н. Авдеев и О.А. Дилевская совершенно не способны были бежать, т. к. они оба были больны; остальные арестованные имели за собой слишком ничтожное наказание, чтобы бежать.

Дело было проще: доведя до Базарной площади арестованных, конвой приказал им остановиться...

Затем было приказано раздеваться...

Жертвы палачей, поняв в чем дело, раздеваться отказались...¹⁶

Тогда на них были направлены револьверы...

Два или три раза направляли палачи револьвер, пока Ольга Алекс[андровна] Дилевская не крикнула: «будет издеваться! Стреляйте... Или вы трусите?».

Раздался залп...

Покончив с жертвами, колчаковский «подпоручик» поспешил их ограбить: со всех была снята верхняя одежда, обувь, шапки.

Н.Н. Авдеев, раненый в спину и руку, только на момент впал в беспамятство, а затем пришел в себя уже в то время, когда с него стаскивали одежду.

Ограбив расстрелянных, палачи во главе с господином офицером (подпоручиком Константиновым) поспешно скрылись.

Н.Н. Авдеев, полураздетый, истекающий кровью, с трудом добрался до своей квартиры, счастливо миновав шайки патрулей, рыскавших по улицам.

На утро, по совещании с товарищами, он добровольно явился в тюрьму¹⁷, желая предстать пред гласным судом колчаковских разбойников и разоблачить всю злодейскую гнусность убийц. В тюрьме он просидел до последних дней владычества колчаковцев в Тюмени и был выпущен за несколько дней до их бегства, причем ему было поставлено условием эвакуироваться в Сибирь.

* * *

Такова в кратких словах кровавая история 13 марта 1919 года.

Это был «урок», которым правительство Колчака хотело «покорить под ножи своя», заставить замолчать, притихнуть все недовольные элементы.

13 марта – это была чистка от всех тех, кто так или иначе «мешал» благополучию «право правящих» разбойников.

13 марта нужно было господам колчаковцам. Недаром один из них, принимавший яркое участие в убийствах, публично кричал: «нужно всех рабочих перебить, все они одинаковы, нечего разбирать, кто прав, кто виноват».

Всех перебить – это, конечно, слишком, но тех, кого убивали, убивали без разбора.

Убивались люди, решительно никакого отношения к мятежу не имевшие: были взяты из тюрьмы и убиты люди, уже отбывшие наказание; были такие, которым дано было всего по 2–3 недели тюрьмы. Несколько человек из сидевших в тюрьме были убиты только потому, что на руках у них были крупные суммы денег, которые, конечно, были поделены убийцами.

По пути были прикончены 2 или 3 агента контрразведки, с которыми, видимо, у кого-то имелись счёты.

* * *

Около 200 трупов пало 13 марта 1919 года.

Дали ли эти трупы спокойствие Колчаку, удержали ли от гнева и недовольства народа?

Нет. Как не сделали этого и тысячи других убийств, преступлений, казней и насилий.

Подлое правительство, в насилиях и убийствах родившееся, ими жившее и державшееся, в крови и грязи – трусливое и жалкое – позорно и бесславно погибло навеки!

Кир. Ен-ский¹⁸

Кир. Ен-ский. 13-го марта 1919 г. // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 9–11.

**Воспоминания Н.Н. Авдеева
о восстании мобилизованных.
Гор. Москва, 10 июля 1922 г.**

**В кровавом омуте
(Воспоминания о лично пережитом)¹**

I. Как это произошло

Предварительно небольшое замечание. Я приступаю к своим воспоминаниям, по просьбе товарищей, уже вторично. В первый раз это было в 1919 г., я написал воспоминания о том же, о чем пишу и теперь; но моя рукопись-оригинал – не знаю по чьему недосмотру – где-то затерялась в редакции «Известий ВЦИК»¹⁹. Найти ее не могли, и потому мне приходится снова приниматься за работу.

Цель моих воспоминаний – вкратце поделиться с читателем лично пережитым в г. Тюмени (б[ывшей] Тобольской губ[ернии]) 13 марта 1919 г. в «день отмщения», в «праздник крови и злодейства», которым тюменская буржуазия отплатила рабочим и крестьянам за дни советской власти. Что же произошло в этот день?

Официально ход событий 13 марта рисуется так: «Утром 13 марта 1919 г. в гор. Тюмени призванные по мобилизации солдаты, собравшись в числе около 600 человек, направились к оружейному складу, помещающемуся при Ремесленном училище, оттеснили и обезоружили караул и, сломав замок у склада, захитили 296 винтовок разного образца, 18 442 штуки патронов к ним, 191 штык, 9 револьверов, 24 штуки холодного оружия, 1 пику и прочее, после чего, вооружившись, направились к лагерю военнопленных и затем к тюрьме для освобождения и вооружения арестованных...

Принятыми начальником гарнизона мерами порядок в городе был быстро восстановлен имеющимися в наличии военными силами и главные виновные лица понесли законное наказание»...

Эта выдержка взята из обвинительного акта о 5 мобилизованных, преданных военному суду по делу о восстании и затем расстрелянных.

¹ Заголовок автора.

Это были: Вершинин, Морозов, Долгодворов, Бессонов и Кравченко. Их обвинили и расстреляли за то, что они «13 марта 1919 года в военное время в г. Тюмени, находящемся на театре военных действий, с целью благоприятствовать большевикам в их враждебных против Российского правительства действиях, действуя совместно и сообщая с другими призванными по мобилизации солдатами и лицами, восставшими в числе более 500 человек для захвата власти и уничтожения существующей организации армии – отправились на фабрики и заводы и склоняли рабочих оставить работу и пойти присоединиться к восставшим солдатам и помочь им в вооруженном сопротивлении правительственным войскам...». Из безграмотно составленного акта не видно, почему же все-таки произошло восстание солдат, к которым примкнула часть рабочих. Мобилизация произошла 6 марта, а 13-го уже началось восстание. В чем же дело? Дело в том, что к тому времени, когда произошли указанные события, отношение населения к власти Колчака становилось все более и более оппозиционным и даже революционным. Эта оппозиционность и революционность была заметна не только у рабочих, но и у крестьян, которых возмущали бесконечные бесчинства и насилия хищной колчаковской своры. Особенно сильное недовольство вызывали частые мобилизации. «Российскому правительству» нужны были солдаты для защиты «Верховного правителя», и потому приходилось угрозами, порками, нагайками, шомполами и ружейными прикладами сгонять солдат на фронт.

При таких условиях происходила и мобилизация 6 марта 1919 г. Один из моих товарищей так изображает дальнейший ход событий в Тюмени. Он говорит, что мобилизация 6 марта тем более усугубила раздражение, что мобилизованным было приказано явиться, имея необходимое обмундирование, обувь и белье. Требование отмены этого приказа и выдачи казенного обмундирования и было первым требованием и связующим звеном для разнородной, собранной с нескольких уездов массы. Начались собрания в казармах, обсуждение вопросов, выносились резолюции. Наконец, была послана делегация к начальнику гарнизона, изложившая ему требования мобилизованных. Когда же мобилизованные узнали, что их намерены отправить немедленно на фронт и притом не всех вместе, а отдельными небольшими группами, ими было выставлено требование отмены и этого

распоряжения. Разумеется, все требования мобилизованных были отклонены и это обстоятельство подняло до высшей степени их настроение и заставило поднять вопрос о вооруженном выступлении. Естественно, что вопрос этот расколол массу: часть ее отступилась и испугалась, другая же, меньшая, решила оказать сопротивление. У тех, кто решил выступать, конечно, не было никакого плана, не было организации, не было руководителей. Все решилось наспех, в несколько дней. Были попытки сговориться с рабочими, посылались какие-то делегации к солдатам (Семипалатинского полка), к чехословакам. Все это было мало надежно и заранее не обещало успеха. Но общее всем недовольство, определенное, никем не подсказываемое нежелание идти на фронт, – частью, как результат утомления от бесконечной войны и неурядицы, частью – у рабочих – как сознательное сочувствие советской власти, неизбежно толкало на выступление.

Есть несомненные данные, что это выступление хотела ускорить сама местная власть в лице колчаковской контрразведки, чтобы «проучить» рабочих и солдат. Ее агенты под видом солдат ходили на митинги и звали «к оружию». Никаких репрессивных мер, никаких арестов и обысков перед восстанием не было²⁰. Зато было вот что: 1) военная власть за день или за два до восстания вывезла все годное оружие из склада в Ремесленном¹ училище, оставив там лишь непригодное к употреблению, 2) как только начались волнения среди солдат, контрразведка устроила экстренное заседание с участием черносотенного офицерства, на котором было решено назначить восстание на 13-е марта и изъять из обращения в этот день таких зловерных людей, как Авдеев и Дилевская. Относительно двух последних лиц больше всего старался один из главрей тюменской буржуазии Виктор Колокольников, директор Коммерческого училища. Этот просвещенный и «гуманный» буржуа с самого колчаковского переворота начал вести упорную агитацию перед «властью», чтобы я и Дилевская (моя жена) были изъяты «как большевики, близкие родственники Я.М. Свердлова, игравшие видную роль в Совдепе». В то время я этого не знал, но теперь у меня есть белогвардейский документ, который с очевидностью доказывает всю «благородную» роль просвещенного мерзавца. Он мстил мне за то, что я во время

¹ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *Ремесленное*.

Февральской революции, будучи преподавателем Коммерческого училища, наряду с другими отстаивал выборное начало в училище. Когда в 1918 г. в Сибири пала советская власть, мне и еще некоторым учителям пришлось уйти из Коммерческого училища вследствие перемены политики Колокольниково по отношению к нам, он из «плехановца» (он себя считал сторонником Плеханова) сразу превратился в открытого мерзавца. По его заказу в либеральном «Свободном слове»²¹ началась травля по адресу «Авдеева и К°».

Когда я при большевиках был членом Совдепа, он держался по отношению ко мне корректно. Когда же большевики удалились, он сразу переменял фронт. Ольге Дилевской он мстил за то, что она, будучи секретарем рабочего отдела Совдепа и членом конфликтной комиссии, при разборе конфликтов рабочих с хозяевами решала дела не в пользу капиталистов. Он все это запомнил и, кроме того, от одного своего московского знакомого, который хорошо знал меня и Ольгу, «мимоходом» в разговоре узнал о нашей революционной деятельности при самодержавии. Ему все это потом пригодилось. Он безусловно жаждал выступления «13 марта». И вот оно наступило.

II. Расстрел рабочих и крестьян

Прежде чем рассказывать о расправе со мной и Дилевской, необходимо хотя бы в кратких чертах восстановить общую картину расстрела рабочих и крестьян палачами Колчака 13 марта. Я заимствую описание этой картины у одного своего товарища, который случайно уцелел от расправы и был очевидцем всего происходящего. Восстание, по его словам, приблизительно происходило так, как говорит об этом цитированный раньше обвинительный акт.

Захватив оружие в складе при Ремесленном училище, оставшие части бросились на тюрьму, желая освободить заключенных, частью отправились по заводам призывать к восстанию рабочих, и в концентрационный лагерь, где были заключены красноармейцы.

Немедленно же против них были двинуты войска.

В первую очередь в «бой» брошены были г[оспода] офицеры: они были главными деятелями и героями этого дня, они выиграли дешевую «победу» у почти безоружной толпы мобилизованных, они были палачами побежденных.

Конечно, сразу же восставшие поняли, что их попытка совершенно безнадежна, обречена на полную неудачу и, побросав оружие, начали разбегаться, лишь в отдельных случаях оказывая мелкими группами сопротивление.

Началась расправа...

Нечего и говорить, что взятых с оружием в руках тут же убивали. Убивали всех взятых или пойманных, даже не спрашивая, принимал ли он участие в восстании, достаточно того, что он был из мобилизованных... Около 40 трупов было потом подобрано только на улицах.

Остальных взятых в «плен» уводили в тюрьму, к коменданту или в части и там... убивали.

Убивали гнусно и отвратительно.

Особенно в этом отношении мерзкие сцены происходили в тюрьме, где, как говорили, было убито около 100 человек.

Г[оспода] офицеры Колчака в течение нескольких часов потешались и обучались палачеству: били взятых в плен нагайками, кому нравилось рубить шашкой, рубил шашкой, хотелось бить прикладами, бил прикладом, упражнялись в стрельбе из револьверов, кололи штывками...

Были такие, что потом хвастались: «я вчера чуть ли не десяток краснокожих отправил к праотцам»...

Сколько было убито в этот день?

Точная цифра, конечно, неизвестна, но она близка к 200 человек.

Генералу Гайде (главнокомандующему) было донесено: «Убито 27 человек».

Потери колчаковцев?

Ни одного человека!

III. Кровавая расправа со мной, Дилевской и другими товарищами

Теперь перейду к рассказу о кровавой расправе со мной и Ольгой Александровной Дилевской. Я не буду говорить об Ольге, как о личности, так как она для меня была очень близким человеком. Пусть об этом, если хотят, говорят другие. Я приведу только одно ее письмо к своей знакомой²², написанное 10 марта, за два дня до ареста и расстрела. Письмо такого содержания:

«Александра Николаевна!

Пишу Вам с расчетом, что мое письмо Вы прочтете после моего ареста. Вам придется позаботиться об Ирине. Я знаю, что Вы сделаете это и без моей просьбы. Никто не знает, что может случиться. Вот адрес моих родных в Москве: Долгоруковская ул[ица], д[ом] № 29, Дилевской, или: женская гимназия Потоцкой²³ для Д[илевск]ой.

Вот только о чем я хотела просить Вас: когда меня не будет – ласкайте Ирочку, как это делала я, и утром, и вечером, когда она будет ложиться спать. Быть может, она в этом отношении немало избалована, но мне невыносимо тяжело думать, что она лишена нежной ласки. Думаю, что в Вашем сердце найдется любовь нежная и для нее. Вот и все, что хотела сказать. Слова тусклые и бледные, но не к чему их подыскивать. Чувство слишком глубоко и интимно, передать его не умею. Поймите инстинктом и полюбите Ирину.

Ол[ьга] Дилевская»

Упомянутая в письме Ирочка – это моя и Ольгина дочь. Ей тогда было 3 года. Сейчас она живет со мной. Из письма видно, что Ольга предвидела возможность ареста. И это весьма понятно: она был секретарем Центрального бюро Тюменских профессиональных союзов, была в курсе назревающих событий, как и я. Кроме того, как и ее, так и меня кое-кто из знакомых предупреждал о грозившей нам опасности. Наконец, за нами была определенная и открытая слежка со стороны колчаковской контрразведки. Нам, конечно, в то время не были известны все планы колчаковцев, но что дело было «нечисто», я лично предполагал. Ко мне за день или за два до восстания на улице подходили неизвестные мне лица и спрашивали моего мнения по поводу происходящих волнений среди мобилизованных. Теперь я убежден, что это были лица из контрразведки, тогда же я только подозревал. Зная наше непримиримое отношение к «Российскому правительству» с Колчаком во главе, контрразведка хотела во что бы то ни стало втянуть нас в организацию восстания, которое она же и старалась вызвать, как можно скорее. Мы были за свержение Колчака, но против сепаратного восстания: слишком были неравны силы противников; у колчаковцев, кроме хороших ружей, были и пулеметы, у мобилизованных же одна надежда на склад в Ремесленном училище, который, к тому же, был перед восстанием очищен. Неудача была

неизбежной. Была ли у нас возможность скрыться из Тюмени перед восстанием, трудно сказать: за нами очень следила контрразведка. Вопрос об этом у нас не возникал. События, между тем, надвигались. Наступило 13-е марта...

Ольга была арестована у себя на квартире и немедленно отправлена в контрразведку. Я в это время находился в типографии Тюменского союза потребительных обществ. Типография находилась на Базарной площади, где как раз начались расстрелы мобилизованных. Из окон было видно, как падали мертвыми и ранеными не только солдаты, но и находившиеся в это время на базаре женщины. Выйти из типографии было уже нельзя, так как она была оцеплена вооруженными колчак-ковцами. Через некоторое время (часа в 3 дня) я был арестован чехом²⁴ и отправлен под охраной в контрразведку, где я встретил Ольгу. Ни меня, ни ее не допрашивали и отправили в так называемую «каталажку» (помещение для уголовных), которая находилась как раз против контрразведки. Город был объявлен на осадном положении. В «каталажке» мы пробыли часа три. В течение этого срока, как потом оказалось, контрразведка и все, кто был с ней в союзе, распространяли по городу слухи, что мы арестованы во время произнесения речей перед «взбунтовавшимися» солдатами, что у меня найден план вооруженного восстания. Тюменская буржуазия, в том числе и Колокольников, конечно, радовалась, что арестованы главные «организаторы» восстания. Часов в 6 вечера нас отправили под охраной на извозчиках в тюрьму. Тюремный двор в это время представлял из себя вид военного лагеря. Чехи, вооруженные с ног до головы, наполняли весь двор²⁵. Нас временно поместили в будку со стеклами, где обыкновенно происходили через решетку свидания с заключенными. Мимо нас, лязгая оружием и звеня шпорами, ходили взад и вперед чехи и поглядывали на нас с злорадным любопытством. Настроение у нас было напряженное. Вдруг раздался залп где-то вблизи. Потом я узнал, что возле женской тюрьмы, в том же дворе, чехи расстреляли Людмилу Базилевскую, с которой они расправились за то, что она, будучи на службе в контрразведке, делала неправильные доносы на местных жителей, из которых некоторые были даже на стороне Колчака. Она, между прочим, сделала донос и на нас, кажется, месяца за два до рокового дня, и нас тогда арестовали, но продержали всего несколько часов. Этот донос не спас ее от трагической развязки...

Залп заставил нас насторожиться... Невольно мелькнула мысль, что нас ожидает что-то... Помню, Ольга сказала: «Я чувствую, что нас расстреляют... Меня беспокоит участь дочки... Нам не нужно было иметь ребенка. Впрочем, теперь уже поздно говорить об этом»... Я ответил, что, может быть, еще и ничего страшного не случится, а если и случится, то найдутся люди, которые позаботятся о дочке... Скоро нас разлучили: Ольгу отвели в женскую тюрьму, а меня в мужскую. Часов в десять вечера меня и Ольгу вызвали в контору. Там мы встретили еще 3 заключенных, арестованных несколько месяцев тому назад.

Один из них, бывший красноармеец, латыш, был мне известен еще по Коммерческому училищу, где он одновременно со мной служил писцом в канцелярии. К сожалению, в данную минуту я никак не могу припомнить его фамилии.

Ему оставалось сидеть в тюрьме наибольший срок. Другой заключенный был некий Тупицын, бывший капитан парохода, которого арестовали по доносу и при аресте отобрали у него несколько тысяч романовских денег, которыми завладела контрразведка и не хотела их возвращать по принадлежности. Третий заключенный был недавно привезен из какой-то другой тюрьмы. Есть основание думать, что это был Новгородцев, кажется, родной брат Клавдии Тимофеевны Новгородцевой-Свердловой, жены Я.М. Свердлова. Из конторы нас впятером под усиленным конвоем отправили в контрразведку. Там нас не допрашивали, а заставили с полчаса ждать нового конвоя, чтобы отправить нас в тюрьму. Нам это показалось по меньшей мере странным. Я после узнал, что начальник контрразведки Эверт был в это время в поисках кого-либо из офицеров, который согласился бы руководить нашим расстрелом. Охотник нашелся. Это был подпоручик Константинов, который явился за нами «не то чтобы очень пьян, но весел бесконечно» вместе с несколькими вооруженными людьми в полушубках, папахах, но без всяких погон и военных значков.

Они тоже были «навеселе». Дальнейшие события Главный начальник Тюменского военного округа генерал Рычков в своем докладе министру внутренних дел от 15 апреля 1919 года описывает так: «Около 11 часов вечера 13 марта сего года под конвоем от унтер-офицерской школы из помещения контрразведки препровождалась в тюрьму партия арестованных (5 человек), в том числе граждане Авдеев и Дилевская. Проходя через Базарную площадь среди ларей и лавок, трое арестованных

бросились бежать, но кто именно, за темной конвоей не удалось рассмотреть. Начальник конвоя подпоручик Константинов приказал стрелять по убегающим. В результате под выстрелами пали все пятеро».

Донесение Рычкова, может быть, и было бы похоже на правду, если бы подпоручик Константинов и его помощники несколько удачнее выполнили данное им поручение, но дело вышло так, что, несмотря на расстрел, я все-таки остался жив, правда, в искалеченном виде, и потому то, что подлецы стремились сделать тайно, обнаружилось во всем ужасе и бесстыдстве.

Дело происходило иначе: когда нас довели до Базарной площади, до того места, где находятся лари и лавки, то раздался возглас Константинова: «Стой, снимай одежды, готовься к расстрелу»... Точно электрический ток прошел по всему телу, сердце «екнуло» и потом будто замерло, будто его нет... Что это – сон или действительность?.. Потом вдруг все стало ясно... Да, действительность... Хотят расстрелять... Щелкают ружейные затворы... Начинают прицеливаться... Что же так долго?.. Или это так кажется... Что это такое? Почему вдруг солдаты опустили ружья?.. Раздался лошадиный топот, и мимо нас проскакали два всадника... Что-то крикнули и помчались дальше... Вероятно, это чехи... Снова прицел... Овладеваю собой и начинаю думать о чем-то другом... Мелькает образ дочки... Вдруг кто-то крикнул: «Я знаю одно»... «Молчи, с[волочь]» – слышится в ответ... Смотрю вперед... Целятся, но что медлят?.. Что они – пьяны или трусят?.. Эх, если бы Ольга не страдала астмой, можно было бы попытаться... Вдруг раздается ее возглас: «Будет издеваться! Стреляйте... или вы трусите?»... Раздался залп... Я очнулся... Лежу на боку... чувствую страшную боль в правой руке и в спине... Чувствую, как льется кровь... Под боком холодно... Снег и мороз... Лежу с полуоткрытыми глазами, не шевелясь... Кто-то застонал... Раздается возглас: «Кто-то из них жив. Надо попробовать их штыками»...

Да, придется умереть... Что же с Ольгой? Ах да, она рядом со мной, лежит навзничь... Мертвая!.. У, мерзавцы!.. Слышу скрип шагов... За спиной кого-то пронзают штыком... Приближаются ко мне... Напрягаю всю волю... Не шевелюсь... Вдруг удар штыком в спину возле позвоночника... Я лежал на боку, и штык не пронзил меня насквозь, а нанес мне рану вниз на спине... Было больно, но не очень... Даже стало несколько лег-

че, чем было до этого... Очевидно, штыком солдат вытолкнул пулю, засевшую возле позвоночника... Я не крикнул, и это меня спасло... Начался грабеж... Со всех сняли верхнюю одежду, обувь, шапки. Только на мне оставили брюки и пиджак, так как костюм был в крови. Помню, я испытал очень сильную боль и чуть не вскрикнул, когда с меня снимали обувь и штыком обрывали шнуры на башмаках... Уцелела также шапка, которая оказалась у меня под боком... Грабеж кончился... И подпоручик с солдатами куда-то скрылся. Вероятно, скоро явятся за трупами... Нужно попытаться уйти, хотя все равно через день-два придется умереть. Но это не важно: смерть для меня теперь безразлична. Важно другое: нужно во что бы то ни стало все это гнусное дело сделать достоянием гласности. Решение созрело... Но есть ли силы уйти с этого «лобного» места? Попытаюсь... Трудно не только встать, но даже сесть: кружится голова, ломит руку, спину... Наконец, сел... Огляделся... Тихо... Рядом со мной трупы товарищей и среди них труп Ольги... Стискиваю зубы, чтобы не вскрикнуть от внутренней боли... Опираюсь на плечо Ольги и встаю на колени... Кружится голова... Но вот еще усилие, и я на ногах... Качает из стороны в сторону... Однако, надо идти... Но куда? К знакомым нельзя: подведешь... Пойду к себе домой: пусть будет, что будет... Прощай, дорогая и милая Ольга!..

Иду... Ноги в чулках, пропитанных кровью, начинают мерзнуть... Ничего, как-нибудь дойду... Осталось до дому уже немного... Вдруг навстречу патруль... Возглас: «Стой!».

Опять щелканье затворов... Опять расстрел!!

Волнения нет: нервы притупились... «Кто идет?» Не раздумывая, отвечаю: «Свой». – «Пароль?» – «Отвечаю: «Свой, т.е. местный». «Пропуск?» – «Пропуска нет: ведь до 12 часов ночи можно ходить без пропусков». «Разве неизвестно, что город объявлен на осадном положении?» – «Если бы знал, то не пошел бы»... «Откуда идете?» – «С вокзала». «Куда?» – «К себе домой, на Большую Разъездную улицу». «Вы шли мимо Базарной площади?» – «Да». «Не слышали ли Вы выстрелы с час тому назад?» – «Да, слышал издали, но не знаю, что они означают»... Голова начинает кружиться... Чувствую, что скоро упаду... Кровь продолжает течь... К счастью, темно. Солдаты ничего не видят... Они оказались сговорчивыми и, узнав, что недалеко, за углом, моя квартира, и, очевидно, удовлетворившись моими спокойными ответами, не отправили меня

к коменданту, а отпустили домой. Думаю, что если бы на мне не было шапки, то дело кончилось бы худо. Я благополучно добрался до своей квартиры. Всю ночь я был под угрозой нашествия агентов контрразведки... Но, очевидно, им было не до того: у них слишком много было дела по части арестов и расправы с другими в течение этой ночи. Впрочем, и в последующие ночи они работали на «славу» Колчаку. Утром 14 марта, когда контрразведка отдыхала от «трудов своих праведных», ночные сторожа донесли городским властям, что на Базарной площади находятся 4 трупа, а было 5: один «труп» ушел. Оказывается, ночные сторожа-старички видели и слышали, как нас расстреливали, но не посмели, а может быть и не хотели вмешаться в «грязную историю». Трупы были подобраны и, без уведомления военных властей и контрразведки, отвезены в городскую больницу и выставлены «для обозрения». По всему городу стало известно о происшедшем. Городские власти решили вмешаться в мое дело²⁶. Меня переправили на квартиру городского головы А.С. Флоринского. Мое положение казалось безнадежным; несмотря на медицинскую помощь, я в это время был ближе к смерти, чем к жизни; кроме того, мне было некуда деться, подводить же под расправу А.С. Флоринского я не считал для себя возможным. После свидания с некоторыми из моих близких товарищей я решил не уклоняться от опасности, и в тот же день был отправлен... в тюремную больницу. Я снова оказался под угрозой расстрела... Но об этом я расскажу в следующий раз... Нужна передышка: все сразу рассказывать трудно, тяжело...

Москва. 10/VII 1922 г.

Авдеев Н.Н. В кровавом омуте // Молодая гвардия. 1922. № 4–5. С. 214–222.

**Предисловие Н.Н. Авдеева к публикации доклада
помощника-заместителя Управляющего Тобольской
губернией К.Ф. Копачелли
о восстании мобилизованных. Гор. Москва, 1923 г.**

Печатаемый ниже доклад заместителя Управляющего Тобольской губ[ернией] Копачелли о тюменских событиях 13 марта 1919 г. требует к себе со стороны читателя осторожного, критического отношения. Копачелли (по своей прежней профессии адвокат), как представитель гражданской власти, в ведении которой находились милиция и тюремная администрация, заинтересован в том, чтобы показать, что и милиция, и тюремная администрация во время тюменского восстания рабочих и крестьян против Колчака были на высоте «своего призвания». Что никто из милиции не участвовал в восстании, это, конечно, верно, но напрасно Копачелли старается выставить своих милиционеров чуть ли не героями. Начальник Тюменской милиции Островский принадлежал к числу пьяниц и свою «храбрость» проявлял только тогда, когда враг был безоружен и находился в его власти в Управлении милиции. Сколько человек было расстреляно в участках по приказу Островского – сказать трудно, но во всяком случае не один десяток. Копачелли лжет, когда говорит, что милиция перед восстанием производила аресты агитаторов и подозрительных лиц и передавала их Следственной комиссии. Накануне восстания никаких репрессивных мер, никаких арестов и обысков не было. До восстания (недели за 2 и раньше) аресты и обыски производились по предписанию контрразведки и Следственной комиссии, а не по инициативе милиции. Милиция производила аресты по предписанию Следственной комиссии; что же касается контрразведки, то у нее был свой аппарат для обысков, арестов и расправ (агенты и отряд особого назначения).

Начальник контрразведки Эверт²⁷ (не Борисов, как пишет Копачелли; Борисов был помощником Эверта) терпеть не мог ни уездного начальника Бончковского (любителя выпивки и картежной игры), ни начальника милиции Островского за их «халатность» и «беспечность» по борьбе с крамолой. Копачелли сообщает о том, что 10 марта 1919 г. было совещание представителей военной и гражданской власти для выработки мер

борьбы с надвигающимся восстанием. Это совещание, однако, ничего не сумело сделать, и представитель чешского отряда покинул совещание. Почему на этом совещании не было начальника контрразведки или его помощника? Копачелли об этом ничего не говорит. Между тем, ларчик просто открывается: контрразведка не хотела связывать себя никакими постановлениями совместного совещания с начальником гарнизона (Зенкевич был человек нерешительный, «тряпка») и представителями милиции, контрразведка хотела, чтобы восстание, плохо организованное, состоялось.

В своем рассказе о тюменских событиях 13 марта 1919 г. (см. журнал «Молодая гвардия» № 4–5 за 1922 г. или № 4–5 за 1923 г. «В кровавом омуте») я, между прочим, пишу, что есть несомненные данные, которые указывают, что восстание мобилизованных солдат в Тюмени хотела ускорить сама местная власть в лице колчаковской контрразведки, чтобы «проучить» рабочих и солдат. Ее агенты под видом солдат ходили на митинги и звали «к оружию». Никаких репрессивных мер перед восстанием не было.

Зато произошло вот что: 1) военная власть за день или за два до восстания вывезла все годное оружие из склада, который находился в Ремесленном училище, оставив там лишь непригодное к употреблению, и 2) как только начались волнения среди солдат, контрразведка устроила экстренное заседание с участием черносотенного офицерства, на котором было решено назначить восстание на 13 марта и «изъять из обращения» таких зловредных людей, как Авдеев и Дилевская. Авдеев – это я, а Дилевская – моя жена. Оба мы были подвергнуты расстрелу 13 марта, причем я уцелел в изуродованном виде. Дилевская же погибла (подробности см. в «В кровавом омуте»). Я уверен в том, что представитель чешского отряда (чехи были в тесной связи с контрразведкой, особенно с ее начальником Эвертом) присутствовал на совещании 10 марта только в качестве информатора со стороны контрразведки. Контрразведка не боялась предстоящего восстания, так как к ее услугам был вооруженный пулеметами чешский отряд.

Копачелли пишет, что в Тюмени и вне ее велась пропаганда и агитация, которая и вызывала восстание в Тюмени, и что я и Дилевская были будирующим огоньком среди рабочих. О своей роли судить не берусь. Скажу только, что основная причина восстания в Тюмени, как и в других местах, заклю-

чалась в колчаковском режиме, в бесконечных бесчинствах и насилиях хищной колчаковской своры. Особенно сильное недовольство вызывали частые мобилизации. «Российскому правительству» нужны были солдаты для защиты «Верховного правителя», и потому приходилось угрозами, порками, нагайками, шомполами и ружейными прикладами сгонять солдат на фронт. Общее всем недовольство, определенное, никем не подсказываемое нежелание идти на фронт, – частью, как результат утомления от бесконечной войны и неурядицы, частью – у рабочих – как сознательное сочувствие советской власти, – неизбежно толкали на выступление. Этому выступлению нужно было придать организованность, планомерность, его нужно было связать с выступлениями в других местах, но события развивались так быстро (в течение недели с момента мобилизации) благодаря провокации со стороны контрразведки, что произошло мало организованное сепаратное восстание, которое было потоплено в крови.

Однако, несмотря на массу жертв (было расстреляно около 200 человек), это восстание не пропало бесследно: оно не только разбудило от политической спячки малосознательных крестьян и рабочих Тюменского уезда, но и послужило сигналом для более успешных восстаний в других местах и тем самым приблизило момент, когда колчаковское правительство, в насилиях и убийствах родившееся, ими жившее, трусливое и жалкое, позорно и бесславно погибло навеки.

Н. Авдеев

Партизанщина в Tobольской губернии. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке. С предисловиями С. Пионтковского и Н. Авдеева) // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 160–162.

Из воспоминаний бывшего заключенного
Тюменской уездной тюрьмы И.Г. Бурова о восстании
мобилизованных. Б. м., 1920-е гг.^I

По колчаковским тюрьмам^{II}

30 сентября [19]18 года меня, как пересыльного, [отправляют] из Тобольска в г. Туринск, и мечты о свободе исчезают. Начинает снова мысль работать по дороге совершить побег, договорились с ВЯТКИНЫМ, который вместе шел, что по проезде Тюмени, где места нам более знакомы, во что бы то ни стало уйти, так и решено, ибо в Туринск ехать незачем, пулю можно получить в затылок при побеге, [это] лучше, чем будут стрелять^{III} беззащитного и в глаза смеяться, и тут неудача, довели до Тюмени, снимают с парохода и посылают в тюрьму, а тут сидим вот завтра повезут, послезавтра повезут и т.д., а мы сидим и сидим, начинаю работать, получаю данные о Тобольском восстании 18 октября, которое оказалось неудачным и подавлено, многие из товарищей погибли, начинаем искать выход, сидим в тюрьме в пересылке, таким образом топим одну печ[ь], получая дрова на две (топка из камеры), другую в это время выбираем внутри колодцы, задели крюк, веревку приготовили, все ждем первую темную ночь и на выход, вдруг приказ перевести из 1-го номера в 6-й и все труды пропали.

Еще одна надежда, в марте 1919 года объявляется «добровольная» мобилизация солдат старой армии за 5 лет в армию белых, к тому времени белые уже заняли ГЛАЗОВ, движутся на Вятку, у товарищей явилось сомнение в силу советской власти, что вот мол до сих пор молодеж[ь] гнала красных, а теперь берут стариков, которые по готов[ом]у пойдут до Москвы, но нет, я говорю, не верно, как бы то ни было, а эта мобилизация нам на пользу, пусть они и не пойдут за советскую власть, но они и не пойдут и за белых, ибо берут возраст как раз тот, который побывал в окопах^{IV} империалистической войны и знает чем что пахнет, и во-вторых, к тому времени уже изучил власть

^I Датируется по другим делам фонда.

^{II} Заголовок автора. Вписано от руки черными чернилами.

^{III} *стрелять* вписано от руки зелеными чернилами.

^{IV} *окопах* вписано от руки зелеными чернилами.

Колчака и в Сибири появились сильные партизанские отряды, крестьянские восстания (Славгород)¹. Собираем данные с воли, устанавливаем связь, передают быть начеку, готовится восстание солдат мобилизованных.

Через несколько дней, как только собрали порядочное количество людей, восстание вспыхнуло, мобилизованные разбили склад, захватили оружие и высыпали на улицу и прежде всего пошли к тюрьме, т. к. они знали, что тут сидят лучшие большевики, но оказалось недостаточно патронов и подоспевшие ЧЕХИ разбили повстанцев, сколько человек убито, точно до сих пор никто не знает, сидим и ждем, а за стеной слышны крики, стоны, залпы выстрелов винтовок, опять стоны, проклятия, днем, на глазах, людей, не стесняясь, ставят к стенке и расстреливают, начинается пополнение тюрьмы, таскают пачками не только участников, а и просто встречающихся на улице, идущих на работу рабочих, набили как сельдей в бочке, не только сидеть, но и стоять негде, являются ЧЕХИ и требуют разгрузки тюрьмы, настолько не скот был начальник тюрьмы, вообще на тот раз человеческая совесть его побила, он без ведома правительства не дал расстреливать тюрьму и разрешил взять только тех, кто числился к тому времени за контрразведкой, расстрелять, по нашим подсчетам и вывели из тюрьмы пленных^{II}, кои были посажены до восстания, около 30 человек, в том числе работницу Дилевскую^{III} Ольгу, работницу^{IV}, память о которой живет в сердцах тюменских рабочих, но для того, чтобы найти причину к расстрелу остальных заключенных, они начали [кормить] нас польнью с надеждой на то, что вызовут недовольство в тюрьме, но мы уже ученые и целую неделю были голодные, но повода к бунту не подали, хлеба были вороха, навалили целые углы, а все голодные и этот хлеб не ела ни одна скотина, который нам давали, заключенным.

<...>

Буров²⁸

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 190. Л. 3-11. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

^I *крестьянские восстания (Славгород)* вписано от руки зелеными чернилами.

^{II} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *пленкой*.

^{III} *Дилевскую* вписано от руки зелеными чернилами.

^{IV} Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *работнику*.

**Из воспоминаний бывшего заключенного
Тюменского концентрационного лагеря
военнопленных К.Ф. Щербакова²⁹
о восстании мобилизованных. Гор. Воронеж, 1934 г.**

В плену у Колчака¹

<...>

Наступало время больших событий, которые должны были так или иначе освещаться в газетах. Нужно было добиться, чтобы как-нибудь пронести в лагерь газеты. Учитывая, что мне, как красноармейцу, без обыска в лагерь проходить было нельзя, я поставил своей целью одеться так, чтобы походить на военнопленного³⁰. Тогда бы у ворот не останавливали и обыску не подвергали. Для этого я обратился к старшему писарю Симко – походатайствовать перед капитаном о разрешении мне сшить в лагерной мастерской новые брюки и перешить шинель на пальто. Симко дал обещание это сделать и к концу дня получил разрешение. Брюки были немедленно заказаны, а шинель сдать нельзя было, так как мне не в чем было ходить.

После окончания занятий я отправился к Андрею³¹, чтобы обсудить вопрос о перешивке шинели. Только зашел, как мне предлагают померить обнову – новые желтые ботинки. Я рассказал о своем затруднении. Захар³² предложил мне свое серое старое, но довольно приличное пальто. Когда я его примерил, то всякая нужда в перешивке шинели отпала. Так с миру по нитке получилась голому рубаха.

Я был рад, что завтра я уже буду немец, австриец, мадьяр – кто угодно, только не оборванный красноармеец, которого каждый день обыскивали с ног до головы.

Стало темнеть. Заходит Вася³³. Он сообщил, что вчера разговаривал с руководителями запасных; они ему сказали, что они не только не пойдут к Колчаку воевать, но на днях организуют восстание. Все у них подготовлено. Запасных насчитывается тысяч пять. У них есть винтовки, пулеметы и будут гранаты. Намечен план действий. В первую очередь будет захвачен вокзал, почта, тюрьма и т. п. На вокзале должен быть разбит полк чехословаков, который едет на фронт.

¹ Заголовок автора.

Я предложил Васе сообщить запасным, чтобы они пришли к нам в лагери и привезли оружие. Нас всех в лагерях находится тысячи четыре, причем одних только красноармейцев больше 500.

Восторг был у всех неопиcуемый. Все горели желанием покончить с Колчаком и организовать советскую власть.

Я пошел в лагери подготовить своих товарищей. Вася отправился к запасным. Андрей пошел к своим товарищам в какую-то мастерскую, где выполнялся военный заказ. Восстание было намечено провести в течение ближайшей недели, так как на днях предполагалось провести мобилизацию запасных солдат.

В лагере я рассказал товарищам о готовящемся восстании, предложив принять в этом деле активное участие. Все одобрили это, а один даже добавил:

– Лучше умереть в бою, чем тут пропадать голодной смертью.

По примеру прошлого были намечены агитаторы, чтобы добиться поддержки военнопленных. Всем товарищам я наказал вести себя очень осторожно, чтобы не попасть впросак, сам же пошел поговорить с писарями. Шаг был рискованный, но мне значительно помог Симко, который сам только что пришел из города и слышал о восстании. Таким образом, это для писарей не было уже новостью. Обсуждая эти слухи, я задал вопрос:

– А что мы будем делать, если они придут к нам?

Вопрос оказался неожиданным. Убедившись, что они не знают, что ответить, я сказал:

– Ну, уж если они придут к нам, придется им помочь, иначе не дождемся, когда Колчак домой отпустит.

– Правильно... – заговорили все в один голос. – Надо только сделать так, чтобы потом ничего не было... Поставить дело так, чтобы наша взяла, а не их. Чтобы не оставить следа.

– Надо только взяться сначала с самого начальства: капитана³⁴, прапорщика, караульного офицера.

Симко, опустив голову книзу, произнес:

– Да, больше ничего не остается делать, как самим идти домой.

– А когда они придут? – спросил один из писарей.

– Не знаю когда. Но раз готовится восстание, то этого надо ожидать каждый день и ночь. Никакое восстание медлить не может – ответил я.

– Ну, так что ж, хоть сегодня – тихо произнес повар.

В эту ночь в бараках никто не спал. Кто разговаривал, кто играл в «козла». Все ожидали событий... Но ночь прошла, ничего не случилось. День принес успокоение.

После занятий я опять отправился к сапожному мастеру. По дороге купил газету. Смотрю – приказ «Верховного правителя адмирала Колчака о мобилизации запасных солдат на защиту интересов Родины и русского отечества».

– Ну, значит, завтра должно быть восстание – думаю я и, положив газету в карман, прибавил шаг.

Прихожу. Андрей мне рассказывает, что объявили приказ о мобилизации. На фронте идет усиленное наступление наших войск. Колчак бежит. В городе беспокойное настроение. Пришел Вася:

– Ну, как дела, что нового... Рассказывай.

– Новостей много. Получена телеграмма, что около Перми наши разбили 2 бригады колчаковских войск. Войска отступают, требуют подкрепления. Объявлена мобилизация. Завтра назначается парад всего гарнизона. Сегодня ночью будет восстание. Будьте готовы.

Мы сели за стол и начали оживленно обсуждать эти новости. Пришли к такому выводу: если восстание удастся, тогда в Тюмени будет организована советская власть, если же не удастся – тогда перебьют всех нас, как собак. А чтобы не перебили, надо организованно и решительно драться с оружием в руках.

XVI

Я пришел в лагери и предупредил ребят, что сегодня ночью ожидается восстание, чтобы были все наготове. Всю ночь не спали. Под утро³⁵ слышим какой-то шум около бараков и стрельбу из ружей. Побежали на улицу. Стоят четыре подводы, с которых растаскивают привезенные берданы и патроны. Вокруг подвод – 15 или 20 человек вооруженных солдат, восставших запасных.

Я подбежал к начальнику отряда и спрашиваю:

– В чем дело? Куда сейчас пойдём?

– Идем брать вокзал и разбивать полк чехов, – ответил он.

Было ясно, что надо делать. Вышел весь лагерь³⁶, но оружия хватило только на 300–400 человек. Остальные остались небооруженными и спрашивали: «Где взять оружие?». Никто на этот вопрос ответить не мог.

Я сговорился с начальником отряда, влез на сторожевую будку, где раньше стоял часовой, и произнес небольшую речь:

– Товарищи, началось восстание запасных солдат против ига Колчака. Колчак объявил мобилизацию, чтобы послать их на фронт убивать своих братьев и отцов, чтобы на пользу капиталистов и генералов убивать рабочих и крестьян. Солдаты не хотят защищать власть буржуазии. Они хотят свергнуть «Верховного правителя Колчака» и организовать советскую власть. За их спиной весь город Тюмень. Мы, красноармейцы и военнопленные, также должны им оказать свою помощь и вместе с ними двинуться в бой. У нас нет другого выхода, как свержением Колчака завоевать свое освобождение. Иначе нас заморят здесь голодом. Товарищи, мы должны драться до победного конца. Или разбить контрреволюцию, или пасть в бою. Наша задача сейчас – захватить вокзал и разбить находящиеся там эшелоны чехов, отобрать у них оружие и вооружиться. Все вперед!.. На вокзал... Да здравствует советская власть!..

Все закричали «ура». И вся толпа широкой цепью рассыпалась по равнине. Вооруженные берданами – в середине, остальные – на флангах. Подводы пошли сзади. У вокзала была сильная стрельба из винтовок и пулеметов. Изредка рвались бомбы и гранаты. Начальник отряда, который привез нам оружие, сообщил мне, что это наши взрывают поезд, в котором находятся чехословаки.

Только мы отошли от лагеря, как с левого фланга от линии железной дороги нас стали усиленно обстреливать пулеметным и ружейным огнем. Началась паника. Все невооруженные пустились в бегство, обратно в лагери. Град пуль посыпался им вдогонку. Те, кто имел оружие, залегли где где мог и стали отстреливаться, прикрывая отступление своих. Во время бегства к лагерям многие из наших были убиты. Нам не оставалось ничего, как встать и продвигаться вперед, к своим на вокзал. Но только мы двинулись вперед, как с правого фланга по нас открыли усиленный пулеметный огонь. Началась новая паника. Было очевидно, что мы окружены с обеих сторон силами противника. Побежали кто куда. Кто побежал назад в лагери, кто – вперед, к вокзалу. Большая часть уже выбыла из строя: частью были убиты, частью убежали обратно в лагери.

Решено было добраться до первых кварталов города, где можно было бы укрыться. Начались перебежки по 3-4 челове-

ка. Противник усиленно обстреливал нас. Много было убито. Но остальным удалось добраться до города и спрятаться.

Стрельба у вокзала начала стихать... Создалось убеждение, что бой приходит к концу. Наши кварталы были окружены войсками. По улицам пошли офицеры и солдаты производить обыск. Делать нечего, надо было сдаваться. Мы стали прятать оружие, скрываться по баням, конюшням и т. п.

Только вечером, когда все стихло, стали по одному выходить на улицу и пробираться потихоньку к лагерям. Но это оказалось не так легко. Немногим из оставшихся удалось вернуться к ночи обратно в лагери. Большинство оставшихся в живых переловили и отправили в тюрьму. Я был пойман уже у самого лагеря и также отправлен в тюрьму. Так кончилось мартовское восстание запасных солдат.

После ликвидации восстания начался исключительный террор. Тюрьма была переполнена. Начальником гарнизона был введен строжайший режим, назначена специальная комиссия, которая допрашивала всех заключенных.

Допрашивали обычно с 9 часов утра и до 2 дня. Количество вопросов было очень ограниченное: «Как попал в Красную армию? Большевик ли? Как попал в тюрьму?».

Если у комиссии создавалось впечатление, что допрашиваемый – «большевик» – принималось решение: «Расстрелять»³⁷. Если заключали, что человек говорит правду и неповинен, решали: «Из тюрьмы освободить и заключить в лагерь». Решения о расстреле в ту же ночь приводились в исполнение охраной тюрьмы.

Когда наступал глубокий вечер, все, кто был днем на допросе, готовились к смерти. Никто не разговаривал. Была гробовая тишина. Каждый думал про себя, и что – никто другой не мог знать.

Одиннадцать часов... Конвойный офицер, лязгая ключами, открывал камеры для увода намеченных жертв. В этот час каждый вечер выводили заключенных из камер и расстреливали во дворе тюрьмы³⁸.

Я сам был на допросе три раза и в последний раз был почти самым последним. Видел своими глазами весь этот кошмар, видел, как приговоренные товарищи переживали последние часы перед расстрелом. Некоторые были спокойны, говорили:

– Ну, ничего... Меня не будет – другие за меня сделают.

Бывали и такие, которые теряли рассудок. Я не видел в своей камере людей, которые при прощании с ухотившими товарищами могли удержаться от слез.

Бывали случаи, когда заключенные давали отпор. Тогда стража пристреливала на месте всех, кто оказывал сопротивление. Словом, трудно себе представить, что было пережито нами в полтора месяца, когда шла «разгрузка» тюрьмы от большевиков.

Не знаю, какое бы впечатление комиссия составила обо мне и какое бы решение вынесла, если бы мне не помог сохранившийся при мне, выданный капитаном пропуск на свободный выход из лагеря в город. Видимо, он сыграл решающую роль и создал у комиссии уверенность, что раз мне разрешили беспрепятственно ходить в город, значит я надежный человек. После трехкратного допроса, чего не было проделано ни с кем, постановили: «Из тюрьмы освободить и заключить в лагерь».

Нас всех, приговоренных к заточению, после тюремного обеда под конвоем повели в лагери. Было нас человек сто, не больше. Остальные были убиты в бою или расстреляны в тюрьме. Что же касается военнопленных, то все они, за исключением убитых в бою, были отправлены в лагери.

XVII

Опять началась в лагерях голодная жизнь.

Только караул был усилен, и режим стал еще строже. «Сортировочная комиссия» больше не проводила работу, так как в тюрьме уже все были «отсортированы».

Капитан лагерей вызвал меня, отобрал пропуск и предложил немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Около месяца я не был в городе. Когда все стихло, я снова стал добиваться пропуска.

Капитан вызвал меня к себе и заявил:

– Опять в тюрьму попасть хочешь?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, попасть в тюрьму не хочу.

Капитан посмотрел на меня искоса, мотнул головой и ответил:

– Пусть Симко напишет... Смотри... Расстреляю... если попадешь... Иди...

Как бы то ни было, пропуск опять был получен... По окончании занятий я отправился навестить друзей, узнать, где они,

что с ними. Может быть, их уже нет. Прихожу к дому, вижу та же вывеска. Захожу в избу, смотрю, сидят Андрей, Григорий³⁹. Нет только Захара.

– А-а... Степан⁴⁰ пришел. Ну, давай... садись... рассказывай... как дела? Где ты был? Почему так долго не приходил? Мы уж думали, что тебя убили где-нибудь в бою.

– Нет, пока я еще жив. – И я им рассказал, где я был это время.

Потом спросил:

– Ну, хорошо, а что вы делали это время?

И Андрей начал рассказывать, как они с рабочими мастерской наступали на вокзал⁴¹. Почти всех их перебили чехи из пулеметов. Убили и Захара.

– Чехи, – рассказывал Андрей, – были вооружены значительно лучше, чем предполагалось. Они были наготове и ожидали только начала восстания, чтобы немедленно разделаться с нами. Как только мы стали подходить к вокзалу, они открыли пулеметный огонь. С нашей стороны был понесен большой урон. Но, несмотря на это, мы настойчиво отстреливались и отбивались гранатами. Потом не выдержали и начали отступать. Тут уж началась настоящая паника. Командования не было слышно. Чехи усилили пулеметный и ружейный огонь. Пули сыпались, как град, и мы бросились спасаться, кто может. Восстание не было организовано, и не было того военного порядка, который в этих случаях должен быть. Поэтому нас быстро разбили, и мы понесли большие потери, чем чехи. Мне самому с трудом удалось бежать от обстрела и разными закоулками и огородами добраться до дома. Вот как, – закончил Андрей, – бесславно закончилось наше дело.

– Да, – ответил я, – и это получилось только потому, что восстание не было организовано. У нас было только желание победить, а этого мало. Нужна еще организованность, хорошее вооружение, дисциплина и распорядительность.

– Ну ничего, на ошибках учимся. Это будет нам уроком.

Я спросил, где Вася. Ходит он сюда или нет.

– Да, он вчера был у нас и рассказывал, как комендант города⁴² хвастался тем, что здорово нас разделал и получил за это от «Верховного правителя» Колчака благодарность и повышение в чине – из подполковника в полковники.

<...>

Щербаков К. В плену у Колчака. Воронеж: книгоиздательство «Коммуна», 1934. С. 46-53.

Комментарии

¹ Автор ошибается. На самом деле Н.Н. Авдеев был привезен в тюремную больницу на следующий день после восстания – 14 марта 1919 г.

² Автор ошибается. На самом деле О.А. Дилевская была расстреляна не в тюремном дворе.

³ Автор ошибается. На самом деле А. Зиверт был расстрелян не в тюремном дворе.

⁴ Автор ошибается. На самом деле Холмский был расстрелян не в тюремном дворе.

⁵ Автор ошибается. Расстрелы по делу о восстании мобилизованных не носили массовый характер.

⁶ Автор ошибается. По распоряжению начальника гарнизона г. Тюмени полковника В.И. Зенкевича 11 марта 1919 г. мобилизованным было выдано 2 500 комплектов теплой одежды (См. док. № 18).

⁷ Автор ошибается. 17-й Семиреченский стрелковый полк входил в состав 5-й Сибирской стрелковой дивизии и действовал на Семиреченском фронте. Вероятно, речь идет о 2-м Барабинском кадровом полку.

⁸ Автор ошибается. В документах нет упоминаний об этой превентивной мере.

⁹ Автор ошибается. Количество расстрелянных во дворе Тюменской уездной тюрьмы им сильно преувеличено.

¹⁰ Автор ошибается. Тюменская милиция подобрала на улицах города после подавления восстания всего 34 трупа.

¹¹ Колокольников Виктор Иванович (1881–1941) – российский предприниматель и общественный деятель, совладелец торгового дома «И.П. Колокольникова наследники». Родился 11 ноября 1881 г. в семье тюменского купца. В 1898 г. окончил Александровское реальное училище в Тюмени. В 1903 г. поступил вольноопределяющимся на военную службу. Участник Русско-Японской войны 1904–1905 гг. В 1908 г. окончил Московский сельскохозяйственный институт. С 1912 г. – директор Коммерческого училища. С 1914 г. – председатель тюменского комитета Союза городов. В 1915–1917 гг. – депутат Тюменской городской думы. С 1921 г. – в эмиграции в Маньчжурии. Работал профессором в Северо-Маньчжурском университете. Скончался 3 апреля 1941 г. в Харбине.

¹² Колокольников Степан Иванович (1867–1925) – российский предприниматель и общественный деятель, меценат, совладелец торгового дома «И.П. Колокольникова наследники». Родился 21 ноября 1867 г. в семье тюменского купца. Окончил Александровское реальное училище в Тюмени и Московскую практическую академию коммерческих наук. В 1894–1897 гг. – депутат Тюменской городской думы. Член партии кадетов с 1906 г. Депутат Государственной Думы I созыва. В 1908 г. приговорен к 3-х месячному тюремному заключению за подписание Выборгского воззвания 1906 г. В 1910 г. учредил в Тюмени на свои деньги Коммерческое училище. С 1921 г. в эмиграции во Франции. Скончался в 1925 г. в Нью-Йорке.

¹³ Автор ошибается. Контрразведка Тюменского военного округа действовала самостоятельно.

¹⁴ Мишин Михаил Тихонович (1884 – ?) – российский революционер. Член РСДРП с 1902 г. Участник Женевской конференции российских революционных партий в апреле 1905 г. Перед Февральской революцией работал конторщиком. В 1917 г. – председатель Совета рабочих депутатов Тюмени, член Тюменского комитета РСДРП(о). Летом 1917 г. избран депутатом городской думы Тюмени. В 1918 г. – соредaktor социал-демократической газеты «Рабочий и Крестьянин», после колчаковского переворота закрытой военными властями.

¹⁵ Автор ошибается. Правоохранительные органы колчаковского режима назывались милиция.

¹⁶ Автор ошибается. Согласно показаниям Н.Н. Авдеева, конвоируемые сами сняли с себя верхнюю одежду перед расстрелом (см. док. № 30).

¹⁷ Автор ошибается. Н.Н. Авдеев в поисках убежища утром 14 марта 1919 г. явился к Тюменскому городскому голове А.С. Флоринскому. После оказания первой медицинской помощи он был передан гражданскими властями Тюменского уезда в тюремную больницу Тюменской уездной тюрьмы.

¹⁸ Вероятно, литературный псевдоним. При произношении созвучно фамилии Керенский и названию Киренского уезда Иркутской губернии. Также стоит отметить, что по структуре нарратива, а местами и дословно, данный текст совпадает с воспоминаниями Н.Н. Авдеева «В кровавом омуте» (см. приложение № 2).

¹⁹ Имеется в виду газета «Известия» – ежедневная общественно-политическая газета, орган Петроградского Совета рабочих депутатов (с 28 февраля 1917 г.) и ВЦИК (с 1 августа

1917 г.), ВЦИК и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов (с 22 июня 1918 г.), ЦИК СССР и ВЦИК (с 14 июля 1923 г.), Президиума ВС СССР (с 1938 г. по 1991 г.).

²⁰ Автор ошибается. Перед восстанием имели место случаи арестов солдат и жителей Тюмени за антиправительственную агитацию среди мобилизованных (см. док. № 76).

²¹ «Свободное слово» – ежедневная внепартийная общественно-политическая и литературная газета либерального толка, выходившая в гор. Тюмени в 1917-1919 гг. Главным редактором был П.А. Рогозинский. Начала выходить 30 апреля 1917 г. С 1 марта 1918 г. закрыта по распоряжению Тюменского военно-революционного комитета. После падения советской власти в Тюмени возобновила выход с 23 июля 1918 г., издавалась на протяжении года до отступления колчаковцев из Тюмени.

²² Врачу Александре Николаевне Ногиной (См.: Октябрьский сборник. Тюмень. 1922. С. 21-22).

²³ Женская гимназия В.В. Потоцкой – частное учебное заведение в Москве. Находилась на ул. Малая Дмитровка, д. 23/15.

²⁴ Вероятно, автор ошибается. Согласно показаниям заведующего Юридической частью Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа И.С. Шнейдера (см. док. № 37), арест О.А. Дилевской и Н.Н. Авдеева по его распоряжению произвели старший филер Каменогорский (польско-украинская или еврейская фамилия) и агент Меликов (русская фамилия армянского происхождения), а из контрразведки в тюрьму Авдеева отвез агент Диспотович (судя по фамилии, серб).

²⁵ На охрану Тюменской уездной тюрьмы были отправлены две роты 6-го Ганацкого чехословацкого полка.

²⁶ В действительности, Н.Н. Авдеев сам обратился за защитой к Тюменскому городскому голове А.С. Флоринскому (см. док. № 30). В воспоминаниях же Авдеев сознательно затушевывает этот факт, который можно было бы расценить как сотрудничество с колчаковскими властями. Весьма характерно также, что в воспоминаниях Авдеев не упоминает о том, что у него была прислуга.

²⁷ Автор ошибается. Начальником Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа во время восстания был подпоручик К.Н. Борисов, которого 20 марта 1919 г. сменил на этом посту ротмистр В.Ф. Посников. Стоит отметить, что фамилия Эверт созвучна фамилии Деветр. Чех Ярослав Деветр был помощником первого начальника Контрразведывательного

отделения поручика Н.Л. Купреянова и после перевода последнего на другую должность – с 30 января по 10 февраля 1919 г. временно исполнял обязанности начальника отделения до назначения на эту должность подпоручика К.Н. Борисова. Однако, во время восстания должность помощника начальника отделения занимал уже не Деветр, а штабс-капитан А.Н. Андреев. Возможно, фамилия Деветра запомнилась (в искаженной форме) Н.Н. Авдееву во время его первого ареста в декабре 1918 г. Стоит также отметить, что в своих показаниях 25 марта 1919 г. Н.Н. Авдеев не смог назвать ни одной фамилии сотрудников контрразведки (см. док. № 30).

²⁸ Буров Иван Гаврилович (1894–1975) – советский партийный деятель. Родился 9 марта 1894 г. Член РСДРП (б) с 1917 г. В 1918–1919 гг. – политзаключенный. Участник антиколчаковского восстания 17–18 декабря 1919 г. в Томске. С июня 1924 г. по февраль 1927 г. – заместитель заведующего отделом местного хозяйства Кунгурского округа Уральской области. С февраля 1927 г. по декабрь 1927 г. – председатель райисполкома Богородского района Кунгурского округа Уральской области. С января 1928 г. по январь 1929 г. – инструктор исполкома Кунгурского округа Уральской области. С февраля 1929 г. по октябрь 1930 г. – председатель Соликамского горсовета. С октября 1930 г. по январь 1931 г. – заместитель председателя Кизеловского горсовета. С января 1931 г. по май 1931 г. – инженер-строитель конторы «Кизелэнергостроя». Скончался 7 августа 1975 г. в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

²⁹ Щербаков Кузьма (? – ?) – советский военный и партийный деятель. Участник Гражданской войны на Востоке России. В первой половине 1918 г. – один из организаторов красногвардейских отрядов в Красноуфимском уезде. С июня 1918 г. – комиссар 2-го (263-го) Красноуфимского стрелкового полка 30-й Иркутской стрелковой дивизии. В конце 1918 г. попал в плен к колчаковцам, но сумел скрыть, что он комиссар и избежал расстрела. Выдавал себя в плену за рядового красноармейца Степана Черепанова. Содержался в Тюменском концентрационном лагере военнопленных. Летом 1919 г. сумел бежать из лагеря по подложным документам. В 1930-е гг. работал начальником политотдела Кантемировской МТС в Воронежской области.

³⁰ Под военнопленными имеются в виду военнослужащие германской и австро-венгерской армий, попавшие в плен во время Первой мировой войны.

³¹ По утверждению К.Ф. Щербакова, Андрей – бывший член Уралоблсовета, работник сапожной мастерской на ул. Свободы, руководитель большевистской подпольной ячейки в Тюмени. Предположительно, выдуман автором воспоминаний. Как известно, «товарищ Андрей» – партийный псевдоним Я.М. Свердлова.

³² По утверждению К.Ф. Щербакова, Захар – работник сапожной мастерской на ул. Свободы, около 40 лет, участник большевистской подпольной ячейки в Тюмени.

³³ По утверждению К.Ф. Щербакова, Василий Ткаченко – чиновник военного времени, старший делопроизводитель коменданта Тюмени, участник большевистской подпольной ячейки. Предположительно, выдуман автором воспоминаний.

³⁴ Автор ошибается. На самом деле лагерем военнопленных заведовал не капитан, а штабс-капитан М.К. Подлащук.

³⁵ Автор ошибается. На самом деле восставшие ворвались в лагерь военнопленных около 12 часов дня.

³⁶ Автор ошибается. Военнопленные Первой мировой войны, составлявшие большинство лагерного контингента, отказались присоединиться к восставшим. Согласно документам, к восставшим мобилизованным в лагере присоединились только 200 пленных красноармейцев.

³⁷ Автор ошибается. На самом деле, приговоры о расстреле выносила не Следственная комиссия, а военно-полевой суд при гарнизоне Тюмени.

³⁸ Автор ошибается. Расстрелы по делу о восстании мобилизованных не были ежедневными и не носили массовый характер.

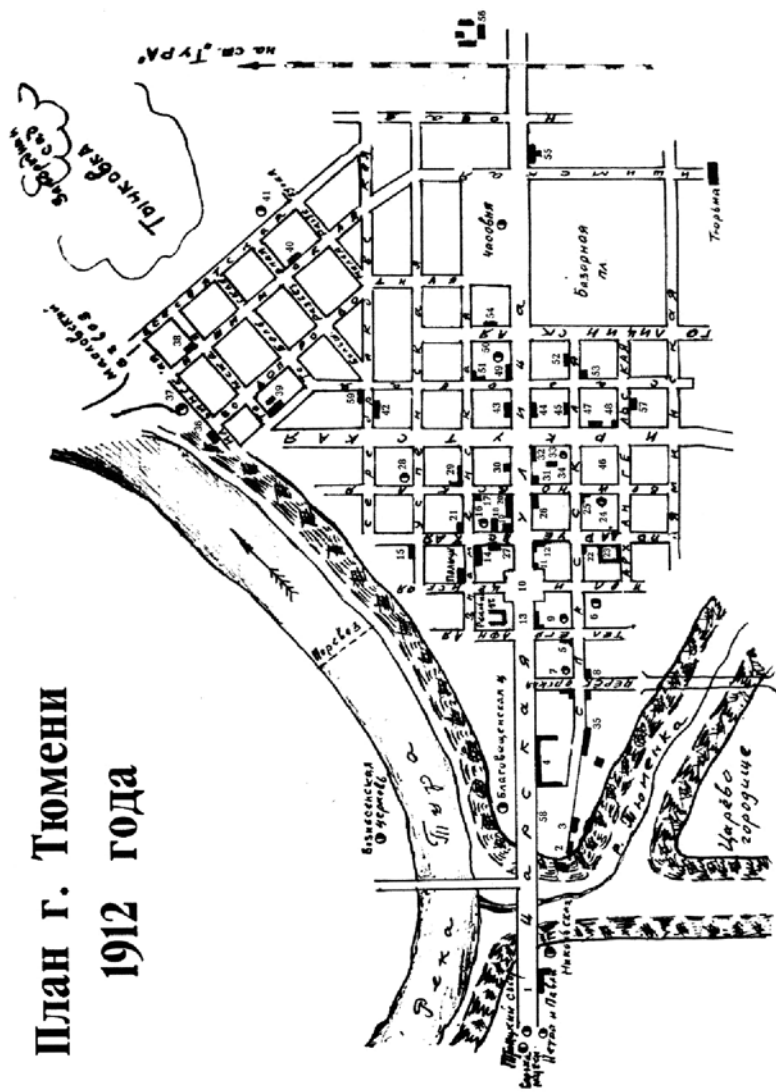
³⁹ По утверждению К.Ф. Щербакова, Григорий – владелец сапожной мастерской на ул. Свободы, около 30 лет, участник большевистской подпольной ячейки в Тюмени.

⁴⁰ К.Ф. Щербаков находился в лагере военнопленных по подложным документам на имя Степана Черепанова.

⁴¹ Эпизод с атакой на ж. д. вокзал не подтверждается другими источниками. Вероятно, он весь выдуман К.Ф. Щербаковым. На самом деле восставшие мобилизованные пытались взять штурмом Тюменскую уездную тюрьму, пока другая их часть захватила лагерь военнопленных.

⁴² По утверждению К.Ф. Щербакова, комендантом Тюмени был некий полковник Олещук. На самом же деле, комендантом Тюмени в дни восстания был подполковник А.П. Корзун. Фамилия же, выдуманная К.Ф. Щербаковым, созвучна с фамилией заведующего лагерем военнопленных штаб-капитаном М.К. Подлащуком.

План г. Тюмени 1912 года

Указатель имен

- Авдеев** Николай Николаевич, преподаватель русского языка и истории Ремесленного училища, редактор газеты «Наш путь», член Центрального бюро профессиональных союзов Тюмени, член партии меньшевиков – 5, 8, 9, 15, 17, 18, 33, 34, 52, 57, 58, 59, 60, 67, 70, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 103, 104, 105, 108, 109, 125, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 171, 177, 178, 179, 195, 196, 202, 205, 206, 211, 217, 218, 219, 220, 222, 224, 225, 229, 232, 233, 234, 235, 245, 246, 247, 248
- Агатов Сергей Петрович, товарища прокурора Тобольского окружного суда по Тюменскому уезду – 77, 79, 81, 86, 87, 125, 146, 147, 151, 156, 158, 159, 160
- Андреев Алексей Николаевич, штабс-капитан, помощник начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа, член военно-полевого суда гарнизона Тюмени – 42, 83, 84, 198, 248
- Андреев Николай Петрович, генерал-майор, директор Сибирского кадетского корпуса – 198
- Аржиловский Андрей Степанович, член Тюменской уездной следственной комиссии, член Тюменской уездной земской управы – 188, 189, 191, 192, 207
- Арнольдов Василий Петрович, хирург, старший врач городской больницы Тюмени – 34, 76, 79
- Афонасьев, начальник 4-го участка милиции Тюмени – 144
- Бабушкин** К.С., редактор газеты «Наш путь», член партии меньшевиков – 202
- Базилевская Людмила, бывший агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа, заключенная Тюменской уездной тюрьмы – 31, 50, 146, 147, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 173, 174, 228
- Балушкина Екатерина Владимировна, архивист, главный специалист отдела изучения и публикации документов ГАРФ – 9, 102
- Бардыгин Михаил Никифорович, крупный предприниматель, депутат III Государственной думы от Рязанской губернии, владелец магазина мануфактуры в Тюмени на улице Голицынской – 11, 54, 127, 201

- Барсов Борис Петрович, директор Александровского реального училища в Тюмени, председатель Тюменской уездной следственной комиссии – 189
- Белицкий Анатолий Владимирович, жандармский полковник, штаб-офицер для поручений при Главном начальнике Тюменского военного округа – 91, 158, 159, 162, 164, 167, 169, 170, 173, 174, 202
- Беседных Николай Иванович, тюменский адвокат, депутат Тюменской городской думы, председатель правления Общества домовладельцев Тюмени, член партии кадетов – 31
- Бессонов Андрей Васильевич, мобилизованный, участник восстания – 184, 185, 186, 187, 223
- Блинов Павел Семенович, подсудимый – 43
- Бобылев-Бобыль, подпоручик, обер-офицер для поручений штаба Тюменского военного округа, гарнизонный адъютант Тюмени – 29, 41, 49
- Богословский Борис Петрович, генерал-майор, начальник штаба Сибирской армии – 38, 108, 203, 204
- Бончковский Витольд Эдмундович, Управляющий Тюменским уездом – 77, 79, 80, 81, 86, 87, 106, 108, 125, 126, 137, 138, 144, 151, 156, 158, 159, 233
- Борисов Константин Николаевич, подпоручик, начальник Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 8, 24, 31, 32, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 62, 63, 82, 90, 122, 146, 153, 165, 166, 174, 181, 194, 205, 233, 247, 248
- Бородин Павел, солдат караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка – 175
- Буров Иван Гаврилович, заключенный Тюменской уездной тюрьмы – 10, 236, 237, 248
- Бушаров Евгений Альбертович, тюменский краевед – 6, 16, 19
- Быков П.И., председатель Тюменской уездной земской управы – 35, 77, 79, 87, 88
- Вебер** Михаил Игоревич, российский историк – 20
- Вегман Вениамин Давидович, советский историк – 5, 15
- Вержбицкий Григорий Афанасьевич, генерал-лейтенант, командующий Южной группой войск Сибирской армии – 19, 105
- Вершинин Тимофей Семенович, мобилизованный, участник восстания – 116, 117, 184, 185, 186, 187, 223
- Веселухин Владимир Михайлович, штабс-капитан, дежурный по караулам Тюменского гарнизона, командир 3-й батареи 1-го артиллерийского дивизиона 16-ой Сарапультской стрелковой дивизии – 47, 139, 140, 141, 169, 170, 174

Виницкий В.В., матрос, председатель правления Тюменского отделения Союза судоходных служащих и рабочих рек Западной Сибири (Судосоюза), член партии эсеров – 58, 201

Вихирев Александр Александрович, генерал-майор, начальник штаба Тюменского военного округа – 8, 41, 50, 53, 54, 162, 172, 197

Волков Степан, мобилизованный, участник восстания – 42, 47

Вологодский Петр Васильевич, председатель Совета министров Российского правительства – 8, 29, 103

Воробьев, инспектор труда – 105

Ворохов, мобилизованный, участник мятежа – 45

Вьюшков Владимир, мобилизованный, участник восстания – 172, 173

Вяткин, заключенный Тюменской уездной тюрьмы – 236

Гайда Радола, генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией – 17, 34, 38, 45, 59, 106, 201, 217, 218, 226

Галлер фон Евгений Петрович, подполковник, помощник начальника штаба Тюменского военного округа – 27, 194

Гаттенбергер Александр Николаевич, управляющий министерством внутренних дел Российского правительства – 4, 156

Глузман Мейер Бенцианович, член Тюменской городской управы, член партии меньшевиков – 33, 34, 59, 77, 78, 81, 82, 86

Говве Дмитрий Александрович, прапорщик – 115

Говве Петр Александрович, поручик – 115

Голевский, заключенный Тюменской уездной тюрьмы – 211

Головин Николай Аполлонович, полковник, начальник офицерской пехотной школы Тюменского военного округа, затем временно командующий 16-й Сарапульской стрелковой дивизией – 49, 200

Гордеев Андрей, солдат караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка – 175

Гран Петр Карлович, действительный статский советник, начальник Главного управления мест заключения – 66

Гречешников Леонтий Петрович, капитан – 185, 187

Григорьев Александр, солдат караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка – 175

Григорьев, старший надзиратель Тюменской уездной тюрьмы – 139, 140, 141, 143

Губкин Алексей Семенович, чаеоторговец – 201

Гуляев Александр Ларионович, свидетель по уголовному делу о мобилизованных – 187

Гусев А.Ф., начальник 2-го участка милиции Тюмени – 125

Гусев Степан Родионович, ялutorовский купец, владелец Текутьевской мельницы в Тюмени – 56, 57, 135

- Давыдовский** Николай Иванович, меценат, депутат Тюменской городской думы – 201
- Деветр Ярослав, чех, помощник начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 24, 247
- Дегтярева, тюменская домовладелица – 205
- Дементьев Михаил Ефимович, директор Тюменского общественного банка, товарищ председателя Тюменского биржевого комитета, депутат Тюменской городской думы – 31
- Дилевская Ирина Николаевна, дочь Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской – 227
- Дилевская Ольга Александровна, секретарь Центрального бюро профессиональных союзов Тюмени, член партии меньшевиков – 19, 33, 52, 57, 58, 59, 60, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 78, 82, 83, 84, 85, 88, 90, 103, 104, 108, 109, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 162, 164, 171, 178, 196, 205, 206, 211, 217, 218, 219, 220, 224, 225, 226, 227, 229, 234, 245, 247
- Диспотович, агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 83, 247
- Добек Зислав Марцелиевич, мировой судья 6-го участка Тюменского уезда, делопроизводитель военно-полевого суда гарнизона Тюмени – 42, 199
- Додонов Борис Федорович, архивист, главный специалист ГАРФ – 9, 102
- Долгодворов Алексей Яковлевич, мобилизованный, участник восстания – 184, 185, 186, 187, 223
- Дормачев Петр Дмитриевич, свидетель по уголовному делу о мобилизованных – 187
- Духонин Николай Николаевич, генерал-лейтенант – 182
- Евменин** Александр Ионович, житель с. Заводо-Успенского – 190
- Емельянов П.А., поручик, помощник начальника Тюменской милиции – 125, 132
- Емельянов, жертва внесудебного расстрела – 50, 146
- Ен-ский Кир. – автор статьи о восстании в «Октябрьском сборнике» – 4, 14, 15, 212, 221
- Ефимов, унтер-офицер унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа, участник внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской – 162, 164, 171
- Жанен** Морис (Maurice Janin), генерал французской армии, командующий войсками Антанты в Сибири – 199
- Жернаков Василий Лаврович, тюменский купец 1-й гильдии, судовладелец и торговец хлебом, потомственный почетный гражданин Тюмени – 202

- Заалов** Александр Михайлович, подполковник, начальник унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа, затем командир 3-го Лаишевского стрелкового полка 16-й Сарапульской стрелковой дивизии – 32, 49, 55, 56, 84, 122, 146, 162, 164, 167, 168, 172, 195
- Заблоцкий М.Н., подпоручик, начальник 1-го участка милиции Тюмени – 125, 132, 133, 204
- Заболотский Петр, прапорщик, старший офицер 1-й батареи 1-го артиллерийского дивизиона 16-й Сарапульской стрелковой дивизии – 119
- Заглядимов Давид Федорович, прапорщик – 187
- Задорожных И.П., начальник 3-го участка милиции Тюмени – 125
- Залетский, прапорщик караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка – 114
- Захаров Николай, мобилизованный, участник восстания – 172, 173
- Зенкевич Владимир Иванович, полковник, начальник Артиллерийского управления Тюменского военного округа, начальник гарнизона Тюмени и уполномоченный Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тюменском уезде – 8, 13, 15, 28, 29, 39, 42, 43, 45, 49, 80, 87, 91, 126, 127, 128, 136, 139, 195, 203, 204, 206, 234, 245
- Зефиоров Николай Степанович, министр продовольствия и снабжения Российского правительства – 93
- Зиверт (Зивер) Антон, бывший красногвардеец, служащий Коммерческого училища, жертва внесудебного расстрела – 71, 146, 178, 205, 211, 245
- Злобин Николай Павлович, полковник, начальник отдела контрразведки и военного контроля штаба Верховного главнокомандующего – 55, 63, 102, 113
- Золотарев Владислав Владимирович, начальник Тюменской уездной тюрьмы – 31, 32, 85, 125, 138, 139, 140, 141, 142, 146, 147, 149, 168, 169
- Зубарев Евмений, фельдфебель Тюменской конвойной команды – 119
- Зуев Лука Евстафьевич, житель Чернореченской коммуны – 190
- Иванов**, прапорщик – 162, 172
- Ильин, поручик, офицер по хозяйственной части Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 74
- Инзель Виктор Людвигович, бывший помощник присяжного поверенного в Ишиме, подпоручик 49-го Сибирского стрелкового полка, председатель Тюменской следственной комиссии – 167, 168
- Кадеев** Павел Иванович, агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 32, 166, 167, 174
- Кадейкин Василий Александрович, советский историк – 6, 16

- Казагранди Николай Николаевич, полковник, начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии – 18
- Казанцев М.Г., председатель Центрального бюро профессиональных союзов Тюмени – 61, 105, 201
- Каменогорский, старший филер Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 83, 247
- Каратаев Николай Иустинович, секретарь Яровского волисполкома – 190
- Карнаухов Петр, мобилизованный, участник восстания – 42, 47
- Карнаухов Степан, мобилизованный, участник восстания – 42, 47
- Кастрицын Вячеслав Леонтьевич, жандармский полковник, начальник 2-го отделения Особого отдела Департамента милиции Министерства внутренних дел Российского правительства – 70
- Качура Афанасий, солдат Тюменской конвойной команды – 121, 123
- Керенский Александр Федорович, министр-председатель Временного правительства – 4, 59, 93, 246
- Кислицкий Николай Николаевич, начальник уголовного розыска милиции Тюмени – 125, 204
- Кичигин, сотник 1-го Кустанайского конно-киргизского полка – 49
- Кичигин, надзиратель Тюменской уездной тюрьмы – 140
- Клепацкий И.Е., помощник начальника Тюменской милиции – 125, 129, 130, 152
- Ключарев, штабс-капитан, командир 1-го Штурмового полка 3-й Сибирской Штурмовой бригады 3-го Степного Сибирского армейского корпуса – 179, 180
- Кобылинский Евгений Степанович, полковник, штаб-офицер для поручений Главного начальника Тюменского военного округа – 122, 204
- Колокольников Виктор Иванович, директор Коммерческого училища, совладелец торгового дома – 147, 148, 160, 206, 217, 218, 219, 224, 225, 228, 245
- Колокольников Михаил Алексеевич, капитан, член военно-полевого суда гарнизона Тюмени – 42, 198
- Колокольников Степан Иванович, тюменский купец 1-й гильдии, меценат, член партии кадетов – 147, 148, 206, 217, 219, 246
- Колчак Александр Васильевич, адмирал, Верховный правитель и Верховный главнокомандующий – 5, 6, 9, 15, 102, 112, 154, 188, 189, 206, 214, 216, 217, 218, 221, 223, 225, 226, 227, 228, 233, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 244
- Колмогоров, житель Тюмени – 62
- Конущин Михаил Федорович, служащий Червишевского волисполкома – 190
- Кондрашев, фельдфебель унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа, участник внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской – 162, 164, 171

- Кононенко Анатолий Анатольевич, российский историк – 7
- Константинов, подпоручик унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа, начальник конвоя, расстрелявшего Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевскую – 90, 155, 156, 178, 219, 229, 230
- Копачелли Константин Феликсович, адвокат, помощник Управляющего Тобольской губернией – 9, 10, 16, 125, 154, 171, 205, 206, 233, 234
- Корзун Алексей Павлович, подполковник, командир Тюменской кадровой легкой батареи, комендант, затем начальник гарнизона Тюмени и уполномоченный Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тюменском уезде – 16, 38, 39, 41, 49, 52, 67, 90, 91, 115, 117, 122, 125, 139, 144, 170, 173, 177, 180, 197, 250
- Кравченко Андрей Спиридонович, солдат Тюменской конвойной команды, участник восстания – 37, 123, 124, 184, 185, 186, 187, 223
- Красильников Владимир Александрович, генерал-лейтенант, начальник Тюменского центрального регистрационного пункта военнопленных – 104, 203
- Красильников Иван Николаевич, войсковой старшина, командир Отдельной Партизанской бригады – 104, 203
- Криводанов Иван Матвеевич, председатель фабричного комитета спичечной фабрики Логинова – 185, 187
- Кудрявцев Ювеналий Алексеевич, организатор антибольшевистского подполья в Тобольской губернии в 1918 г., уполномоченный Временного Сибирского правительства по Пермской губернии – 103, 104, 106, 203
- Кузнецов Александр, солдат Тюменской конвойной команды – 36, 118, 120, 121, 123
- Кузнецов Михаил Федорович, товарищ городского головы Тюмени, член партии эсеров – 33, 34, 59, 60, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 86, 105
- Кузнецов Александр Григорьевич, чаоторговец, владелец магазина на Базарной площади – 54, 201
- Кузьмин Андрей Илларионович, революционер, помощник командующего Петроградским военным округом в 1917 г., член партии эсеров – 17, 50, 146
- Купреянов Николай Леонидович, поручик, начальник Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа, затем офицер для поручений командующего Северной группой войск Сибирской армии генерал-майора А.Н. Пепеляева – 23, 24, 50, 147, 181, 193, 248
- Курдяев Сергей Васильевич, учитель русского языка и словесности тюменского Александровского реального училища, секретарь Тюменской следственной комиссии – 167, 189

Куров, обвиняемый в антиправительственной агитации среди мобилизованных – 190, 191

Лавинская Ольга Владимировна, архивист, заместитель начальника отдела изучения и публикации документов ГАРФ – 9, 102

Лазарев Павел Алексеевич, свидетель по уголовному делу о мобилизованных – 187

Лебедев Дмитрий Антонович, генерал-майор, начальник штаба Верховного главнокомандующего – 108, 154, 163, 177

Лепешинский, помощник начальника Тюменской милиции – 132

Лещинский, агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 51

Липкина Анна Георгиевна, советский историк – 6, 15, 16

Логинов Василий Иванович, спичечный фабрикант – 185

Ломаев Иван Семенович, владелец лесопильного завода в Тюмени – 56

Лузгин Георгий Васильевич, поручик – 114

Макаров Андрей, житель Чернореченской коммуны – 190

Максимов Александр Петрович, капитан, начальник Тюменской конвойной команды – 15, 35, 37, 62, 119, 123, 180, 184, 187, 196, 207

Мартынец Федор, солдат Тюменской конвойной команды – 121

Машаров Николай Дмитриевич, тюменский купец, владелец чугунолитейного завода – 57, 74, 134, 135, 136

Медведев, большевик, житель с. Заводо-Успенское – 153

Медведев Григорий, солдат караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка – 175

Меликов, агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 83, 247

Мельников Дмитрий Дмитриевич, секретарь Бухарского волисполкома – 190

Мельников Степан, солдат караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка – 175

Меньшиков Андриян Миронович, свидетель по уголовному делу о мобилизованных – 187

Михайлов, капитан, начальник милиции 4-го участка Тюмени – 124

Михалев Александр Иванович, тюменский купец, владелец рыбной лавки на Базарной площади – 79, 104

Мишин Михаил Тихонович, соредатор газеты «Рабочий и Крестьянин», депутат городской думы Тюмени, член партии меньшевиков – 218, 246

Морозов Иван Алексеевич, мобилизованный, участник восстания – 184, 185, 186, 187, 223

Московкин Владимир Васильевич, российский историк – 7

Мошкин Афонасий Яковлевич, подсудимый – 115, 117

Мухин Михаил Матвеевич, свидетель по уголовному делу о мобилизованных – 184, 187

Наковский (Накосевич), жертва внесудебного расстрела – 146, 178

Николаев М.В., прапорщик, начальник конного отряда милиции при Управляющем Тюменским уездом – 125, 204

Новгородцева Клавдия Тимофеевна, жена Я.М. Свердлова, секретарь ЦК РКП(б) – 205, 229

Новоселов Иван Афанасьевич, тюменский купец 2-й гильдии, владелец лесопильного завода – 56

Ногина Александра Николаевна, врач, подруга О.А. Дилевской, член партии меньшевиков – 247

Одинцова, жертва красного террора – 169

Орлов Николай, товарищ председателя Общества домовладельцев Тюмени – 31

Осипов Николай Гаврилович, полковник, командир 50-го Сибирского стрелкового полка, начальник гарнизона Тюмени и уполномоченный Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тюменском уезде – 177, 207

Осокин Алексей Максимович, Тюменский уездный врач – 137, 138, 205

Островский В.К., начальник Тюменской городской милиции – 125, 128, 132, 136, 144, 153, 204, 233

Пагирев Владимир Дмитриевич, член Тюменской городской управы – 33, 59, 77, 78, 79, 81, 137, 147, 206

Павлов, подполковник, начальник Интендантского управления Тюменского военного округа – 45

Панов Владимир Васильевич, корнет, помощник военного прокурора Тюменского военно-окружного суда, затем военный прокурор Курганского военно-окружного суда – 186

Панов Филипп Петрович, генерал-лейтенант, командующий 8-м Камским армейским корпусом Сибирской армии – 171

Пепилюк (Пимонюк, Пилюнук) Антон, подпоручик, офицер Тюменской местной команды, начальник охраны сборного пункта при Управлении Тюменского уездного воинского начальника – 47, 122, 187, 204

Перейра Норман (Norman G.O. Pereira), канадский историк – 7

Петров Михаил, агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 166, 167, 170

Пиахов Сергей Васильевич, подсудимый – 116

Пигнатти Василий Николаевич, адвокат, Управляющий Тобольской губернией – 125, 171

Пимнев Никифор Григорьевич, житель с. Кулаковское – 190

- Пионтковский Сергей Андреевич, советский историк – 5, 9, 15, 154, 235
- Плеханов Георгий Валентинович, революционный деятель, теоретик марксизма, лидер меньшевиков-оборонцев – 225
- Плишкин Капитон Андреевич, владелец клееваренного завода в Тюмени – 56
- Плотников Иван Федорович, советский историк – 6, 13, 16
- Подлащук Макарий Константинович, штабс-капитан, начальник Тюменского лагеря военнопленных – 125, 134, 187, 249
- Поливцов Григорий, житель с. Заводо-Успенского – 190
- Полидоров Константин Порфирьевич, генерал-майор, Главный военный прокурор на театре военных действий – 163, 177, 179
- Полисадо Яков Александрович, прапорщик, гарнизонный адъютант Тюмени – 67, 115, 117, 173, 177
- Половников Сергей Александрович, житель Тюмени – 185, 187
- Попов Сергей Капитонович, поручик, адъютант унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа – 85
- Попов, старший надзиратель Тюменской уездной тюрьмы – 139
- Посников Владимир Федорович, ротмистр, начальник Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 17, 125, 144, 145, 166, 180, 183, 205, 247
- Потоцкая Варвара Васильевна, основательница и директор частной женской гимназии в Москве – 227, 247
- Рогожников Федор Иванович**, член Тюменской городской управы, член партии меньшевиков – 33, 34, 51, 53, 59, 77, 78, 81, 82, 86, 114
- Рогозинский Петр Александрович, главный редактор тюменской газеты «Свободное слово» – 247
- Романов Сергей Александрович, жандармский генерал-майор, управляющий Особым отделом Департамента милиции Министерства внутренних дел Российского правительства, затем начальник Томского губернского отделения государственной охраны – 70
- Россомахин Павел Александрович, директор Тюменского краеведческого музея – 7, 9, 12, 27
- Рощевский Павел Иванович, советский историк – 5, 6, 9, 11, 42, 66
- Рыбьяков, младший надзиратель Тюменской уездной тюрьмы – 139
- Рычков Вениамин Вениаминович, генерал-лейтенант, Главный начальник Тюменского военного округа, Главный начальник снабжений Сибирской армии – 4, 8, 9, 16, 24, 25, 27, 28, 38, 42, 43, 91, 108, 109, 124, 126, 133, 134, 135, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 162, 163, 164, 171, 172, 173, 193, 202, 204, 217, 219, 229, 230
- Рычков Егор Иванович, милиционер советской Тюменской уездной милиции – 190

- Самотесов** Николай Александрович, секретарь Тюменской городской управы, председатель правления Тюменского взаимного страхового общества – 31, 33, 34, 35, 81, 86, 88, 90
- Саугин Константин Иванович, помощник начальника Тюменской уездной тюрьмы – 169
- Свердлов Яков Михайлович, председатель ВЦИК РСФСР, председатель секретариата ЦК РКП(б) – 148, 201, 205, 206, 217, 224, 229
- Семенов Василий Семенович, подпрапорщик Тюменской конвойной команды – 37, 118, 120, 184, 187
- Симко, старший писарь Тюменского лагеря военнопленных – 238, 239, 243
- Сиротин Николай Петрович – депутат Тюменской городской думы, редактор газеты «Наш путь», член партии меньшевиков – 202
- Скипина Ирина Васильевна, российский историк – 7, 9, 12, 27
- Соболевский Николай Наполеонович, полковник, Главный инспектор по пересылке арестантов – 35, 118, 180
- Стародубцев, свидетель по делу А.С. Аржиловского – 190
- Стрельбицкий Сергей Владимирович, подполковник, начальник Фейерверкерской артиллерийской школы Тюменского военного округа, председатель военно-полевого суда Тюменского гарнизона – 42, 67, 70, 71, 72, 74, 90, 159
- Стрюков Дмитрий, милиционер 4-го участка милиции Тюмени – 135, 136
- Сысолятин Федор Алексеевич, мобилизованный, участник восстания – 116, 117
- Тарасов** Григорий Михайлович, учитель-инспектор Ремесленного училища в Тюмени – 202
- Текутьев Андрей Иванович, тюменский купец 1-й гильдии, городской голова Тюмени в 1899-1911 гг. – 70, 199
- Титов Дмитрий, милиционер 1-го участка милиции Тюмени – 125, 131
- Ткаченко Василий – старший делопроизводитель коменданта Тюмени – 238, 239, 240, 244, 249
- Токарев Сергей, солдат караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка – 175, 176
- Трегубов Евгений Эммануилович, генерал-лейтенант, начальник штаба Западного фронта – 23, 193
- Троицкий Константин Александрович, подполковник, командир 3-й Сибирской Штурмовой бригады 3-го Степного Сибирского армейского корпуса – 179
- Трофимов, поручик, помощник старшего адъютанта Военно-цензурного отделения штаба Тюменского военного округа, военный цензор Тюмени – 40
- Трусов Семен Михайлович, тюменский купец – 202

Тупицын (Тупицин), капитан парохода, жертва внесудебного расстрела – 146, 178, 205, 229

Турукин Виктор Петрович, поручик унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа – 124

Удинцев Иван Васильевич, помощник Управляющего Тюменским уездом – 137, 138

Флоринский Алексей Семенович, Тюменский городской голова – 18, 33, 34, 35, 51, 53, 58, 59, 60, 75, 78, 79, 80, 81, 86, 87, 93, 103, 105, 147, 150, 151, 155, 156, 206, 211, 232, 246, 247

Фридрих, агент Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 51

Хенов Никифор Николаевич, начальник 4-го участка милиции Тюмени – 125

Холмский, заключенный Тюменской уездной тюрьмы, бывший комиссар почты и телеграфа Тюменского уезда, член партии левых эсеров – 32, 53, 146, 165, 166, 167, 168, 173, 174, 205, 211, 245, 266

Центилович Михаил Константинович, подполковник, и. д. старшего делопроизводителя канцелярии Главного инспектора по пересылке арестантов – 63, 118, 119, 201, 202

Червинка Ярослав Ярославович, полковник, командир 2-го чехословацкого кавалерийского полка – 44, 46, 136, 143, 199

Черноморский, представитель Тюменского уездного земства в Тюменском уездном воинском присутствии – 137, 138

Чукомин Михаил Васильевич, член правления Общества домовладельцев Тюмени, владелец кожевенного завода – 31

Шахтарин, прапорщик 2-го Барабинского кадрового полка – 152, 153

Шишкин Владимир Иванович, российский историк – 9, 31, 106, 192

Шмырова Ольга Михайловна, тюменская домовладелица – 28

Шнейдер Иоаким Семенович, чиновник военного времени, заведующий Юридической частью Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа – 51, 53, 62, 82, 83, 165, 166, 167, 174, 247, 267

Щербич Софья Николаевна, российский историк – 7, 9, 12, 27

Эверт, контрразведчик – 205, 229, 233, 234, 248

Язвин Константин Геннадьевич, подполковник, старший адъютант штаба Тюменского военного округа – 24, 194

Якушев, подпоручик, член партии эсеров – 119, 218

Ятес Иван Егорович (John Yates), владелец писчебумажной фабрики в Заводо-Успенском, британский подданный – 49, 152

Указатель географических названий

- Агрыз**, город – 18, 179
Акмолинская, область – 207
Александровка, деревня – 19
Астрахань, город – 193
Атаманский, хутор – 204
- Базарная**, площадь – 33, 44, 72,
73, 79, 149, 155, 156, 166, 167,
178, 201, 202, 219, 220, 228,
229, 230, 231, 232, 257, 258
Бергамакская, волость – 68, 69
Большая Разъездная, улица – 72,
73, 231
Бутовский, полигон – 197
Бухарская, волость – 190, 258
- Велижанская**, волость – 116
Велижаны, село – 130
Верхняя Чермода, деревня – 19
Витебская, губерния – 195
Владивосток, город – 196
Волга, река – 10, 205
Вятка, город – 236
Вятская, губерния – 197
- Глазов**, город – 236
Гремячая, деревня – 19
- Даудельная**, улица – 201
Дзержинского, улица – 199
- Екатеринбург**, город – 18, 28, 38,
90, 91, 108, 114, 122, 124, 129,
135, 144, 145, 154, 156, 162, 164,
165, 171, 173, 175, 207, 210
Заводоуковское, село – 203
Заводо-Успенское, село – 49, 152,
153, 190, 254, 258, 262
- Заречье, район Тюмени – 46, 56,
200
Зырянское, село – 207
- Ильинская**, улица – 36, 201
Ирбит, город – 11, 111
Иркутск, город – 38, 200
Ишим, город – 112, 255
Ишимская, улица – 72, 202
Ишимский, уезд – 27, 181
- Казань**, город – 110, 194, 197
Камышлов, город – 113
Камышловский, уезд – 27
Кармак, станция железной доро-
ги – 11, 129, 130
Козлов, город – 195
Копыловские сараи, район Тюме-
ни – 68, 135, 136, 142, 146, 153,
200
Красноуфимский, уезд – 94, 248
Красноярск, город – 195
Крестьянские места, район Тюме-
ни – 153
Кузницы (Кузнечные ряды), рай-
он Тюмени – 153
Кулаковское, село – 27, 190, 260
Курганский, уезд – 68, 93, 94, 97,
101
- Лебяжье**, село – 68
- Мальковское**, село – 190
Маньчжурия, регион – 194, 195,
245
Мартовская, слободка – 19
Могилевская, губерния – 195, 197
Москва, город – 196, 222, 232, 233

- Московская, область – 197
Мостовая, деревня – 19
- Новониколаевск** (Новосибирск),
город – 5, 9, 15, 31, 69, 106, 192,
196
- Нояйнский, поселок – 69
Нью-Джерси, штат – 194
Нью-Йорк, город – 246
- Омск**, город – 24, 51, 53, 59, 62, 66,
68, 78, 90, 92, 108, 113, 118, 135,
154, 163, 177, 204, 207
- Осинский, уезд – 19, 94
Осипенко, улица – 199
Островская, улица – 134
Оханский, уезд – 94
- Пароходская**, улица – 12, 133, 134
Пермская, губерния – 19, 27, 92,
94, 95, 103, 197, 203, 257
Пермь, город – 100, 114, 240
- Резанское**, село – 68
Республики (Царская), улица –
132, 133, 195
Российская, империя – 19
Рязанская, губерния – 200, 251
- Садовая**, улица – 12, 45, 46, 132,
133, 199
- Самарская, губерния – 205
Сарапул, город – 179
Свердлова, улица – 201
Серебряковская, улица – 73
Серпухов, город – 198
Сибирь, регион – 5, 6, 7, 16, 29, 102,
110, 112, 148, 154, 181, 196, 199,
201, 203, 220, 225, 235, 237, 253,
254
- Славгород, город – 237
Ставрополь (Тольятти), город –
205
Ставропольский, уезд – 205
- Тавда**, город – 181
Тамбовская, губерния – 195
- Тарасовский, поселок – 115
Тарский, уезд – 68, 69, 205
Телеграфная, улица – 90, 190
Тифлис, город – 193, 195
Тобольск, город – 41, 64, 125, 154,
171, 204, 205, 236
Тобольская, губерния – 5, 6, 7, 9,
11, 12, 15, 16, 18, 27, 42, 66, 68,
125, 154, 171, 181, 203, 207, 222,
233, 235, 257, 260
Томская, улица – 45, 133, 205
Троицкая, волость – 190
Тугулым, станция железной до-
роги – 60
Тура, река – 56, 136, 200
Туринск, город – 10, 69, 181, 236
Туринский, уезд – 27, 181
Тюменская, улица – 131
Тюменский, уезд – 18, 27, 80, 86,
87, 181, 199, 207, 235, 246
Тюмис, деревня – 19
Тюнева, деревня – 130
- Угрюмовские сараи**, район Тю-
мени – 19, 153, 200
- Фоминская**, волость – 115, 129
Франция, страна – 246
- Харбин**, город – 194, 245
- Червишевская**, волость – 190,
207, 256
Чернореченская, коммуна – 190,
255, 258
- Шадринск**, город – 111
Шадринский, уезд – 27
- Ялуторовск**, город – 111, 200
Ялуторовский, уезд – 27, 181
Яровская, волость – 190, 256
- 1-я Мартовская**, улица – 19
2-я Мартовская, улица – 19
25 лет Октября, улица – 201

Перечень публикуемых документов

Раздел I.

- 1) Секретный приказ войскам Тюменского военного округа о создании Контрразведывательного отделения при штабе округа. Гор. Тюмень, 17 ноября 1918 г. — 23.
- 2) Приказ войскам Тюменского военного округа № 62. Гор. Тюмень, 10 февраля 1919 г. — 24.
- 3) Обязательное постановление Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова № 6 о запрете выдачи солдатам удостоверений о принудительной мобилизации. Гор. Тюмень, 21 февраля 1919 г. — 25
- 4) Приговор сельского схода с. Кулаковское Тюменского уезда Тобольской губернии о выдаче призывникам удостоверений о принудительной мобилизации. С. Кулаковское, 6 марта 1919 г. — 27.
- 5) Приказ войскам Тюменского военного округа № 142. Гор. Тюмень, 8 марта 1919 г. — 28.
- 6) Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 16. Гор. Тюмень, 10 марта 1919 г. — 28.
- 7) Обращение представителей тюменских общественных организаций к председателю Совета министров Российского правительства П.В. Вологодскому. Гор. Тюмень, 12 марта 1919 г.— 29.
- 8) Отношение начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику Тюменской уездной тюрьмы В.В. Золотареву № 932 о передаче заключенной Л. Базилевской чехам. Гор. Тюмень, 13 марта 1919 г. — 31.
- 9) Отношение начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику Тюменской уездной тюрьмы В.В. Золотареву № 938 о передаче заключенного Холмского агенту отделения П.И. Кадееву. Гор. Тюмень, 13 марта 1919 г. — 32.
- 10) Определение Тюменской городской управы № 256 на чрезвычайном заседании 14 марта 1919 г. в связи с внесудебным расстрелом Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 14 марта 1919 г. — 33.
- 11) Повестка председателю Тюменской уездной земской управы П.И. Быкову с приглашением на чрезвычайное совещание в городской управе. Гор. Тюмень, 14 марта 1919 г. — 35.

- 12) Рапорт начальника Тюменской конвойной команды капитана А.П. Максимова Главному инспектору по пересылке арестантов полковнику Н.Н. Соболевскому № 4 о восстании мобилизованных. Гор. Тюмень, 14 марта 1919 г. — 35.
- 13) Заметка в ежедневной иркутской газете «Мысль» с приказом командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды от 13 марта 1919 г. о подавлении восстания мобилизованных. Гор. Иркутск, 15 марта 1919 г. — 38.
- 14) Шифрованная телеграмма начальника гарнизона гор. Тюмени, командира Тюменской кадровой легкой батареи подполковника А.П. Корзуна Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову № 258 о положении дел в городе после подавления восстания. Гор. Тюмень, 15 марта 1919 г. — 38.
- 15) Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 17. Гор. Тюмень, 16 марта 1919 г. — 40.
- 16) Заметка в тобольской газете «Сибирский листок» о восстании мобилизованных. Гор. Тобольск, 18 марта 1919 г. — 41.
- 17) Рапорт начальника Артиллерийского управления Тюменского военного округа полковника В.И. Зенкевича Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову № 11 о создании военно-полевого суда Тюменского гарнизона. Гор. Тюмень, 18 марта 1919 г. — 42.
- 18) Рапорт начальника Артиллерийского управления Тюменского военного округа полковника В.И. Зенкевича Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову № 12 о подавлении восстания мобилизованных. Гор. Тюмень, 18 марта 1919 г. — 43.
- 19) Рапорт начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику штаба Тюменского военного округа генерал-майору А.А. Вихиреву № 1047 о внесудебном расстреле троих заключенных. Гор. Тюмень, 18 марта 1919 г. — 50.
- 20) Рапорт заведующего юридической частью Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа чиновника военного времени И.С. Шнейдера начальнику Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручику К.Н. Борисову № 10 об обыске у городского головы гор. Тюмени А.С. Флоринского. Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г. — 51.
- 21) Рапорт начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику гарнизона гор. Тюмени подполковнику А.П. Корзуну № 1022 о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г. — 52.

- 22) Рапорт начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику штаба Тюменского военного округа генерал-майору А.А. Вихиреву № 1046 о расстреле комиссара Холмского. Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г. — 53.
- 23) Доклад начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику штаба Тюменского военного округа генерал-майору А.А. Вихиреву о подавлении мятежа. Гор. Тюмень, 19 марта 1919 г. — 54.
- 24) Отношение вр. и. д. Главного инспектора по пересылке арестантов начальнику Тюменской конвойной команды капитану А.П. Максиму № 4 о недостойном звания офицера поведении последнего во время восстания. Гор. Омск, 19 марта 1919 г. — 62.
- 25) Отношение начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа подпоручика К.Н. Борисова начальнику отдела контрразведки штаба Верховного главнокомандующего полковнику Н.П. Злобину № 1081 об отправке доклада о подавлении восстания. Гор. Тюмень, 20 марта 1919 г. — 63.
- 26) Статья в тобольской газете «Сибирский листок» о ходе восстания мобилизованных. Гор. Тобольск, 20 марта 1919 г. — 64.
- 27) Рапорт начальника Главного управления мест заключения П.К. Гра на Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку № 285 о Тюменской конвойной команде. Гор. Омск, 21 марта 1919 г. — 66.
- 28) Отношение начальника гарнизона гор. Тюмени, командира Тюменской кадровой легкой батареи подполковника А.П. Корзуна председателю военно-полевого суда Тюменского гарнизона, начальнику Фейерверкерской артиллерийской школы Тюменского военного округа подполковнику С.В. Стрельбицкому № 867 о производстве дознания по делу о внесудебном расстреле О.А. Дилевской и Н.Н. Авдеева. Гор. Тюмень, 24 марта 1919 г. — 67.
- 29) Из информационной сводки Особого отдела Департамента милиции Министерства внутренних дел Российского правительства № 7 о событиях политического характера и общественном настроении за период с 17 по 24 марта 1919 г. Гор. Омск, 24 марта 1919 г. — 68.
- 30) Показания заключенного Н.Н. Авдеева о внесудебном расстреле его самого и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 25 марта 1919 г. — 70.
- 31) Показания офицера по хозяйственной части Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа поручика Ильина о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 25 марта 1919 г. — 74.
- 32) Показания Тюменского городского головы А.С. Флоринского о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской и чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г. — 75.

- 33) Показания товарища Тюменского городского головы М.Ф. Кузнецова о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г. — 78.
- 34) Показания Управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского об особом совещании гражданских властей Тюменского уезда. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г. — 80.
- 35) Показания члена Тюменской городской управы М.Б. Глузмана о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г. — 81.
- 36) Показания члена Тюменской городской управы В.Д. Пагирева о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 26 марта 1919 г. — 81.
- 37) Показания заведующего Юридической частью Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа чиновника военного времени И.С. Шнейдера о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г. — 82.
- 38) Показания помощника начальника Контрразведывательного отделения штаба Тюменского военного округа штабс-капитана А.Н. Андреева о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г. — 83.
- 39) Показания начальника унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа подполковника А.М. Заалова о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г. — 84.
- 40) Показания адъютанта унтер-офицерской пехотной школы Тюменского военного округа поручика С.А. Попова о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г. — 85.
- 41) Показания начальника Тюменской уездной тюрьмы В.В. Золотарева о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г. — 85.
- 42) Показания товарища прокурора Тобольского окружного суда по Тюменскому уезду С.П. Агатова об особом совещании гражданских властей Тюменского уезда. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г. — 86.
- 43) Показания председателя Тюменской уездной земской управы П.И. Быкова об особом совещании гражданских властей Тюменского уезда. Гор. Тюмень, 27 марта 1919 г. — 87.
- 44) Показания секретаря Тюменской городской управы Н.А. Самотесова о чрезвычайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, не позднее 27 марта 1919 г. — 88.
- 45) Рапорт председателя военно-полевого суда Тюменского гарнизона подполковника С.В. Стрельбицкого начальнику гарнизона гор. Тюмени подполковнику А.П. Корзуну № 7 об окончании дознания о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской и чрезвы-

- чайном заседании Тюменской городской управы. Гор. Тюмень, 28 марта 1919 г. — 90.
- 46) Приказ войскам Тюменского военного округа № 190. Гор. Екатеринбург, 28 марта 1919 г. — 91.
 - 47) Из приказа войскам Тюменского военного округа № 191. Гор. Екатеринбург, 28 марта 1919 г. — 91.
 - 48) Информационная сводка отдела контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего о настроениях войск и населения. Гор. Омск, 28 марта 1919 г. — 92.
 - 49) Письмо Ю.А. Кудрявцева председателю Совета министров Российского правительства П.В. Вологодскому о восстании мобилизованных. Гор. Тюмень, не ранее 28 марта 1919 г. — 103.
 - 50) Рапорт Управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского командующему Сибирской армией генерал-лейтенанту Р. Гайде № 39 о положении дел в уезде после подавления восстания. Гор. Тюмень, 31 марта 1919 г. — 106.
 - 51) Телеграмма Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-майору Д.А. Лебеву о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Екатеринбург, 1 апреля 1919 г. — 108.
 - 52) Из обзора настроения населения Тюменского военного округа на основе перлюстрированной почтовой корреспонденции по 1 апреля 1919 г. Б. м., не ранее 1 апреля 1919 г. — 109.
 - 53) Приказ по войскам Тюменского гарнизона № 21. Гор. Тюмень, 2 апреля 1919 г. — 114.
 - 54) Приказ по войскам Тюменского гарнизона № 22. Гор. Тюмень, 8 апреля 1919 г. — 115.
 - 55) Рапорт и. д. старшего делопроизводителя канцелярии Главного инспектора по пересылке арестантов подполковника М.К. Центиловича Главному инспектору по пересылке арестантов генерал-майору Н.Н. Соболевскому № 366 о результатах опроса начальника и чинов Тюменской конвойной команды. Гор. Омск, не позднее 9 апреля 1919 г. — 118.
 - 56) Приказ войскам Тюменского военного округа № 228. Гор. Екатеринбург, 13 апреля 1919 г. — 122.
 - 57) Приказ войскам Тюменского военного округа № 229. Гор. Екатеринбург, 13 апреля 1919 г. — 124.
 - 58) Доклад помощника-заместителя Управляющего Тобольской губернией К.Ф. Копачелли Управляющему Тобольской губернией В.Н. Пигнатти о восстании мобилизованных в гор. Тюмени. Гор. Тобольск, 14 апреля 1919 г. — 125.
 - 59) Телеграмма Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова начальнику штаба Верховного

- главнокомандующего генерал-майору Д.А. Лебедеву о результатах расследования внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Екатеринбург, 15 апреля 1919 г. — 154.
- 60) Доклад Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова управляющему министерством внутренних дел Российского правительства А.Н. Гаттенбергеру № 5525 о незаконных действиях городской управы Тюмени, Управляющего Тюменским уездом и товарища прокурора Тобольского окружного суда по Тюменскому уезду. Гор. Екатеринбург, 15 апреля 1919 г. — 156.
- 61) Отношение Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова командиру 3-го Лаишевского стрелкового полка подполковнику А.М. Заалову № 84 о присылке характеристики на участников внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Екатеринбург, 15 апреля 1919 г. — 162.
- 62) Приказ войскам Тюменского военного округа № 237. Гор. Екатеринбург, 17 апреля 1919 г. — 162.
- 63) Рапорт командира 3-го Лаишевского стрелкового полка подполковника А.М. Заалова Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову № 4 с характеристикой участников внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Тюмень, 18 апреля 1919 г. — 164.
- 64) Протокол дознания по делу о внесудебном расстреле заключенных Холмского и Л. Базилевской. Гор. Екатеринбург, 21 апреля 1919 г. — 164.
- 65) Отношение Управляющего Тобольской губернией В.Н. Пигнатти Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову № 153 об отправке доклада К.Ф. Копачелли о восстании мобилизованных. Гор. Тобольск, 24 апреля 1919 г. — 171.
- 66) Отношение Главного начальника Тюменского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Рычкова командиру 8-го Камского армейского корпуса генерал-лейтенанту Ф.П. Панову № 5818/863 о наложении дисциплинарного взыскания на участников внесудебного расстрела Н.Н. Авдеева и О.А. Дилевской. Гор. Екатеринбург, 25 апреля 1919 г. — 171.
- 67) Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 25. Гор. Тюмень, 26 апреля 1919 г. — 172.
- 68) Рапорт штаб-офицера для поручений при Главном начальнике Тюменского военного округа полковника А.В. Белицкого Главному начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову № 39 о результатах дознания по делу о внесудебном расстреле заключенных Холмского и Л. Базилевской. Гор. Екатеринбург, 28 апреля 1919 г. — 173.
- 69) Приказ войскам Тюменского военного округа № 280. Гор. Екатеринбург, 9 мая 1919 г. — 175.

- 70) Из приказа по войскам Тюменского гарнизона № 29. Гор. Тюмень, 21 мая 1919 г. — 176.
- 71) Доклад Главного военного прокурора генерал-майора К.П. Полидорова начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генерал-майору Д.А. Лебедеву № 1126 о прекращении дела о внесудебном расстреле Н.Н. Авдеева. Гор. Омск, 26 мая 1919 г. — 177.
- 72) Из телеграммы командира 1-го Штурмового полка штабс-капитана Ключарева командиру 3-й Сибирской Штурмовой бригады 3-го Степного Сибирского корпуса подполковнику К.А. Троицкому. Гор. Агрыз, 3 июня 1919 г. — 179.
- 73) Телеграмма начальника гарнизона Тюмени подполковника А.П. Корзуна Главному инспектору по пересылке арестантов генерал-майору Н.Н. Соболевскому № 2156. Гор. Тюмень, 5 июня 1919 г. — 180.
- 74) Доклад начальника Тюменского контрразведывательного пункта ротмистра В.Ф. Посникова помощнику начальника отдела контрразведки и военного контроля штаба Верховного главнокомандующего о работе пункта в марте-июне 1919 г. Б.м., не ранее 9 июня 1919 г. — 180.
- 75) Обвинительный акт по делу об участниках восстания мобилизованных в Тюмени Т.С. Вершинине, И.А. Морозове, А.Я. Долгодворове, А.В. Бессонове и А.С. Кравченко. Гор. Тюмень, 11 июля 1919 г. — 184.
- 76) Заявление бывшего члена Тюменской следственной комиссии А.С. Аржиловского в распределительную комиссию при Тюменском исправительном доме. Гор. Тюмень, 29 марта 1920 г. — 188.

Раздел II.

- 1) Воспоминания бывшего заключенного Тюменской уездной тюрьмы Л. Полещука о восстании мобилизованных. Гор. Екатеринбург, 23 августа 1919 г. — 210.
- 2) Очерк Кир. Ен-ского о восстании мобилизованных. Гор. Тюмень, 1922 г. — 212.
- 3) Воспоминания Н.Н. Авдеева о восстании мобилизованных. Гор. Москва, 10 июля 1922 г. — 222.
- 4) Предисловие Н.Н. Авдеева к публикации доклада помощника-заместителя Управляющего Тобольской губернией К.Ф. Копачелли о восстании мобилизованных. Гор. Москва, 1923 г. — 233.
- 5) Из воспоминаний бывшего заключенного Тюменской уездной тюрьмы И.Г. Бурова о восстании мобилизованных. Б.м., 1920-е гг. — 236.
- 6) Из воспоминаний бывшего заключенного Тюменского концентрационного лагеря военнопленных К.Ф. Щербакова о восстании мобилизованных. Гор. Воронеж, 1934 г. — 238.

Научное издание

Восстание в Тюмени 13 марта 1919 года

Сборник документов

**Рекомендовано к изданию
Объединённым учёным советом
по гуманитарным наукам Уральского отделения
Российской академии наук
и Учёным советом Института истории и археологии
УрО РАН**

Компьютерная верстка А. Якубовский

Подписано в печать 30.04.2022 г. Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,0. Тираж 300 экз. Заказ №

ISBN 978-5-7691-2553-9

9 785769 125539